

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2025 Том 22 № 1

ФИННО-УГОРСКИЙ НАРОД МАРИ: ЯЗЫК, ТРАДИЦИОННАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Приглашенные редакторы:

Раисия Алексеевна Кудрявцева, Галина Евгеньевна Шкалина

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Бахтикирева Улданий Макутовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетные редакторы

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Канагараджа Суреш, доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аmineva Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Валуццева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, Соединенные Штаты Америки

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Курленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндри — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, Китайская Народная Республика

Муранская Наталья — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словацкая Республика

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

Султеименова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, Соединенные Штаты Америки

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентует стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редакция журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор *И.Л. Панкратова*

Редакторы англоязычных текстов *У.М. Бахтиреева, В.П. Сиячкин*
Компьютерная верстка *Н.В. Маркеловой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 25.03.2025. Выход в свет 28.03.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,38. Тираж 500 экз. Заказ № 74. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 22 No. 1 (2025)

THE FINNO-UGRIC MARI PEOPLE: LANGUAGE, TRADITIONAL AND ARTISTIC CULTURE

Guest Editors:

Raisiya A. Kudryavtseva, Galina E. Shkalina

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Uldanai M. Bakhtikireeva, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. Valikova, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editors

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA
Suresh Canagarajah, PhD, Professor, Pennsylvania State University, Philadelphia, USA

EDITORIAL BOARD

- Prof. Venera R. Amineva*, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan
Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States
Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation
Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States
Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation
Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Prof. Zukhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation
Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus
Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States
Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia
Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland
Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstanian Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation
Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz
Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translingual literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translingual literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: <https://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.L. Pankratova*

English Text Editors *Uldanai M. Bakhtikireeva, Vladimir P. Sinyachkin*

Computer design *N.V. Markelova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИННО-УГОРСКИЙ НАРОД МАРИ: ЯЗЫК, ТРАДИЦИОННАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Шкалина Г.Е. Мари — народ Онара 9

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

Михайлов В.Т., Ласточкина Е.Г. «Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка» (1775): лингвокультурологический аспект 15

Ласточкина Е.Г. Морфологические омонимы в современном марийском языке 26

Пекшеева Э.И. Особенности терминологии ткачества и прядения в марийском языке 39

Иванова И.Г., Хабибуллина Ф.Я. Лингвистические особенности эргономического пространства центральных улиц Йошкар-Олы и Казани 49

ЛИНГВОКУЛЬТУРА

Абукаева Л.А. Representation of the Concept of *Shulyk* ‘Health / Vitality / Well-Being / Happiness’ in the Discourse of the Mari Ethnic Religion (Репрезентация концепта *Шулык* ‘здоровье / жизненная сила / благополучие / счастье’ в дискурсе марийской этнической религии) 67

Митрускова А.А. Семантическая оппозиция *ошо — шеме* ‘белый — черный’ в паремиологическом фонде марийского языка 77

Полякова Ю.В. Компаративные модели и образы в марийских народных песнях 88

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Кудрявцев В.Г. Интерпретация орнаментальных композиций в костюмном комплексе царевкокшайских мари 99

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Kudryavtseva R.A. The Chukchi Text in the Cycle of Poems by Gennady Oyar “Ydvel tul-savysh”: Other/Own in the Author’s Worldview (Чукотский текст в цикле стихотворений Геннадия Ояра «Йүдвел тулсавыш»: Чужое/Свое в авторской картине мира) 111

Калашникова Л.В. Детская проза М. Шкетана: специфика авторской аксиологии и этнопоэтика 128

Рябинина М.В. Архетип «Дом — Антидом» в художественном пространстве марийских повестей второй половины XX — начала XXI века 141

Shkalina G.E. The Axiosphere of the Mari Epic Consciousness Based on the Materials of the Heroic Epic “Yugorno. The Song of the Prophetic Path” (Аксиосфера марийского эпического сознания по материалам героического эпоса «Югорно. Песнь о вещем пути») 155

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Федосеева Н.А. Литературные переводы на марийский язык: историко-культурный аспект	172
---	-----

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Волкова Т.А. Текст как средство формирования межкультурной коммуникации в языковом образовании	182
Константинова В.В. Культурологический подход в интегрированном обучении марийскому языку и культуре	190

ПЕРСОНАЛИИ

Мысль и Действие: юбилей Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой	198
--	-----

АКТУАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новые книжные издания	201
-----------------------------	-----

CONTENTS

THE FINNO-UGRIC MARI PEOPLE: LANGUAGE, TRADITIONAL AND ARTISTIC CULTURE

Shkalina G.E. Mari — the People of Onar 9

LANGUAGE IN SYSTEM

Mikhailov V.T., Lastochkina E.G. “Works Belonging to the Grammar of the Cheremis Language” (1775): Linguocultural Aspect 15

Lastochkina E.G. Morphological Homonyms in the Modern Mari Language 26

Peksheeva E.I. Peculiarities of the Terminology of Weaving and Spinning in the Mari Language 39

Ivanova I.G., Khabibullina F.Ya. Linguistic Features of the Ergonomic Space of the Central Streets of Yoshkar-Ola and Kazan 49

LINGUOCULTURE

Abukaeva L.A. Representation of the Concept of *Shulyk* ‘Health / Vitality / Well-Being / Happiness’ in the Discourse of the Mari Ethnic Religion 67

Mitruskova A.A. Semantic Opposition *Osho* — *Sheme* ‘White — Black’ in the Paremiological Fund of the Mari Language 77

Polyakova Yu.V. Comparative Models and Images in Mari Folk Songs 88

TRADITIONAL CULTURE

Kudryavtsev V.G. Interpretation of Ornamental Compositions in the Costume Complex of the Tsarevokokshaisk Mari 99

LITERARY DIMENSION

Kudryavtseva R.A. The Chukchi Text in the Cycle of Poems by Gennady Oyar “Ydvel tulsavysh”: Other/Own in the Author’s Worldview 111

Kalashnikova L.V. M. Shketan’s Prose for Children: The Specifics of the Author’s Axiology and Ethnopoetics 128

Ryabinina M.V. The Archetype of the Home — the Anti-Home in the Literary Space of the Mari Novels of the second half of the XX — beginning of the XXI century 141

Shkalina G.E. The Axiosphere of the Mari Epic Consciousness Based on the Materials of the Heroic Epic “Yugorno. The Song of the Prophetic Path” 155

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Fedoseeva N.A. Literary Translations into the Mari Language: Historical and Cultural Aspect 172

BILINGUAL EDUCATION

Volkova T.A. Text as a Means of Forming Intercultural Communication in Language Education 182

Konstantinova V.V. Cultural Approach in Integrated Teaching of the Mari language and Culture 190

PERSONALITIES

Thought and Action: Eleonora Dusenovna Suleimenova’s Anniversary 198

CURRENT LITERATURE

New Book Editions 201

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-9-14

EDN: FKRQJ

Редакционная статья / Editorial

Мари — народ Онара

Россия — особый культурно-исторический мир, судьбу которого определяют, прежде всего, входящие в нее народы, участвующие в историко-культурном формировании Российской цивилизации. В их число входит народ *мари* — автохтонный самобытный представитель финно-угорской общности уральской языковой семьи. Место его проживания: Республика Марий Эл, республики Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Кировская, Свердловская, Нижегородская, Тюменская области, Пермский край, Казахстан, Украина и другие территории. Численность народа мари составляет более 423 тыс. человек. Самоназвание народа — *мари, мърь, марэ*. Согласно Конституции Республики Марий Эл (статья 15), марийский язык (горный и луговой), наряду с русским языком, является одним из государственных языков Республики Марий Эл¹. Современный марийский язык делится на четыре наречия: *горное*, включающее правобережный, или козьмодемьянский, и левобережный говоры; *луговое*, объединяющее моркинско-сернурский, волжский, йошкар-олинский, уржумский говоры (последний некоторые исследователи относят к восточному наречию); *восточное*, состоящее из 12 говоры: малмыжский (некоторые исследователи относят к луговому наречию), кильмезский, кукморский, елабужский, мензелинский, калтасинский, бирский, белебеевский, балтачевский, прибельский, красноуфимский, кунгурский; *северо-западное*, имеющее в своем составе яранский, тоншаевский, шарангский говоры².

По исследованиям археологов, антропологов, лингвистов, истоки этногенеза уральской общности уходят в верхний палеолит и мезолит. В 5–4-м тыс. до н.э. она разделилась на самодийскую и финно-угорскую группы, а во 2–1-м тыс. сформировались прапермская и прафинно-волжская подгруппы. Первые

¹ Конституция Республики Марий Эл от 24 июня 1995 года (с изменениями на 5 декабря 2024 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/304200038> (дата обращения: 26.12.2024).

² См.: Марийский язык. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Марийский_язык/ (дата обращения: 25.12.2024). Курсив наш. — Г.Ш.

стали предками коми и удмуртов, а вторые — мари, мордвы, мери, муромы, мещеры. VIII–VII вв. до н. э. археологи выделяют как время расцвета кузнечного производства и ювелирного искусства на обширной территории Волго-Камья. Артефакты той поры обнаруживают типологическое сходство с кавказскими и скифскими изделиями по высокоуглеродистой стали с применением цементации и кузнечной сварки.

Формирование марийского этноса, по научным данным, началось в первой половине 1-го тыс. нашей эры в акватории Оки, Суры, Вятки, Камы, Волги, Ветлуги, Илети. Геополитическое положение этого обширного региона между Западом и Востоком, Севером и Югом обуславливало постоянную подверженность перекрестному влиянию различных цивилизаций, встрече и взаимодействию различных культурных миров. Здесь, на берегах крупнейших рек, где встречаются тайга, смешанные леса и лесостепь, у человека всегда был большой спектр выбора типа хозяйства, основных занятий, возможности выживания в случаях каких-либо резких перемен. С V в. древние мари постоянно взаимодействовали не только с финно-угорскими сородичами, но и с тюркскими и славянскими народами.

Дискуссионным остается вопрос о происхождении этнонима *мари*. Значение самоназвания марийского народа лингвисты выводят из индоевропейского термина *мар* или *мер* («человек», «муж») в различных звуковых вариациях. Историки отмечают, что мари упомянуты в труде Иордана «Гетика» в VI в. как северный народ, подвластный с IV в. готскому вождю Германариху. В X в. в письме хазарского кагана Иосифа упоминается народ *цармис*, в русских летописях начала XII в. — *черемисы*.

«Черемисы» — так с X в. до 1917 г. мари именовались в иностранных и российских источниках в значении *лесной человек*, *человек-воин*. Проблема этимологии слова «черемис» осложнена тем обстоятельством, что до XVII–XVIII вв. так называли и соседей мари — чувашей и удмуртов. При этом самоназвание народа всегда было *мари*, *mār̄i*, *марэ* («человек», «мужчина») и находилось в одном ряду с такими этнонимами родственных народов, как *коми*, *мордва*, *мадьяр*, *удмурт*, *мурома*, *меря*, *мещера*.

По мнению большинства антропологов, мари относятся к субуральскому антропологическому типу, занимая промежуточное положение между европеоидной и монголоидной расами. В IX–XI вв. марийский этнос разделился на две основные диалектные группы — *горные мари* (правый берег Волги) и *луговые мари* (Волго-Вятское междуречье). Сегодня выделяют также группы *северо-западные мари* (на юго-западе Кировской и северо-востоке Нижегородской областей) и *восточные мари* (переселенцы в Башкирию и Приуралье с луговой стороны Волги). Из всех финно-угорских общностей мари оказались наиболее тесно связанными с переселившимися в Поволжье тюркскими племенами.

Примечательными являются русские летописные свидетельства XII–XIV вв., повествующие о черемисском княжестве во главе с *кугузом* — старшим мужчиной в роду (старейшиной). В некоторых источниках вместо обозначения «княжество» употребляется слово *кугузство* (отсюда слово *кугыжа*, т. е. государь, царь). Кугузы выбирались из наиболее храбрых, опытных, авторитетных военных руководителей, что было характерно для периода «военной демократии». В Ветлужском кугузстве имелись свои укрепленные протогорода: Ветля-Юр и Шанган. Летописи называют марийских кугузов по именам: Ходжа-Яралтем, Кай, Ош-Пондаш (Бай-Борода), Кельдибек. Историки отмечают по тем временам достаточно развитые связи кугузств с европейскими странами. После завоевания Казани Иваном Грозным в 1552 г. Марийский край был введён в состав Русского государства.

С образованием Русского географического общества в 1845 г. марийские нарративы попадают в орбиту научных исследований. Во второй половине XIX в. большую работу по собиранию и изучению исторических легенд, преданий, мифов народов Поволжья проводило Казанское Общество археологии, истории и этнографии. В «Трудах» этого Общества были опубликованы исследования уроженца Марийского края, российского историка и этнографа, профессора Императорского Казанского университета Ивана Николаевича Смирнова «Восточные финны, историко-этнографический очерк. Т. I: Приволжская, или Булгарская, группа. Ч. I: Черемисы, ч. II: Мордва; Т. II: Прикамская, или Пермская, группа. Ч. I: Вотяки, ч. II: Пермьяки», удостоенные в 1896 г. Уваровской премии. Научный труд И.Н. Смирнова основан как на изучении печатного материала о финно-уграх, так и на непосредственных эмпирических данных автора: он предпринял экспедицию для собирания лингвистического и мифологического материала, а также для исследования истории финнов по архивам нижегородской и тамбовской архивных комиссий.

В истории культуры народа мари важной датой является 10 декабря 1775 г. — день появления книги «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского народа» под эгидой Российской академии наук в магазинах г. Санкт-Петербурга. Автор первой марийской грамматики — архиепископ Казанский и Свияжский Вениамин Пуцек-Григорович. В подготовке издания участвовали марийские студенты Казанской духовной семинарии. В «Сочинения...» было включено около 1000 марийских слов, в том числе *тиште* — архаичный финно-угорский субстрат. В древности это слово означало «звезда» (по-фински *tähti* — «звезда»), затем приобрело геральдическое значение в марийской традиционной религии («знак», «знамя»), а уже в новейшее время появляется термин *тиштер* в значении «алфавит». С 1990 г. ежегодно 10 декабря отмечается *Марий Тиште кече* — День марийской письменности — как общенациональный, а с 1998 г. — как государственный праздник.

В начале XX в. марийские студенты, обучающиеся в Казани, объединились вокруг первого журнала на марийском языке «Марла календарь» во главе с талантливым лингвистом, фольклористом, этнографом В.М. Васильевым. В 1908 г. они обратились к национальной интеллигенции с призывом собирать фольклор в целях изучения древней истории марийского народа. По богатым материалам устного народного творчества народа мари впоследствии были изданы несколько книг: *Марий калыкын мурьыжо, туштыжо да йомакше* («Марийские народные песни, загадки и сказки»). Казань, 1908; *Марла ойлымаш-влак* («Марийские рассказы»). Казань, 1909; *Марий мут: тошто гыч тунгалын таче марте ойлымо муро, тушто, йомак, пале, туньктым мут, молыжат* («Марийское слово: песни, загадки, сказки, приметы, поучения и др. с древности до современности»). Казань, 1918; *Марий муро* («Песни народа мари»). Москва: Центриздат, 1923; *Марла ойлымаш-влак* («Марийские рассказы»). Краснококшайск, 1926; *Марла ойлымаш-влак: Вес лукмаш — кузурак икшыве-влаклан* («Марийские рассказы: Другое издание — для детей старшего возраста»). Краснококшайск, 1927; Материалы по марийской поэтике. Казань, 1930.

В июле 1917 г. в г. Пурö (г. Бирск, Башкортостан) состоялся I Всероссийский съезд мари. Делегаты форума — хорошо образованные люди того времени — обсудили темы народного образования, науки, печатных изданий, народного творчества, марийской традиционной веры и т.д. Поворотным стержнем форума стало восстановление самоназвания *мари* на всех уровнях вместо бытовавшего доселе *черемис*. По сути, с этого времени начинается формирование марийской национальной культуры, которая синтезирует традиционные экологические практики народа, единую научную картину мира и современные социальные технологии. Фундаментальной основой такого проекта выступила традиционная культура, что с той поры переоткрывается, переосмысливается и согласовывается с финно-угорскими и другими мировоззренческими системами.

В 1920-е гг. с образованием Марийской Автономной Области (с 1936 г. МАССР) начинается новый период в истории науки Марийского края. По инициативе В.М. Васильева и других видных ученых было организовано Марийское краеведческое общество. Редкие записи фольклорных материалов были сделаны Т.Е. Ефремовым, Ф.Е. Егоровым, М.Н. Янтемиром. В 1930-е гг., в связи с организацией Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, в научной работе участвуют фольклористы, этнографы, лингвисты, учителя, писатели, студенты. Первые крупные экспедиции 1934–1936 и 1938–1939 гг. дали возможность записать сотни неизвестных этнонаративов. Большой вклад в исследование языка, литературы и истории в тот период внесли Г.И. Кармазин, К.А. Четкарев, А.М. Бердников, М.М. Каликаев, Т.Е. Евсеев, В.А. Мухин и др. К марийскому фольклору обращаются крупный

советский историк, академик М.Г. Худяков, археологи А.П. Смирнов, О.Н. Бадер и др.

В 60–90-е гг. XX в. марийское научное сообщество ведет крупные экспедиционные работы по изучению материального и нематериального достояния марийского народа в Марийской Республике, Татарстане, Башкортостане, Чувашии, Удмуртии, Горьковской, Кировской, Костромской, Ивановской, Свердловской, Пермской, Томской областях. На их основе издаются сборник марийских легенд и преданий «Тошто марий ой-влак», коллективные монографии «Основные тенденции развития марийского фольклора и искусства», «Фольклор и искусство в современной художественной культуре Марийской АССР» и другие книги, среди которых особый интерес представляют работы широко известного в финно-угорском мире специалиста по марийскому фольклору В.А. Акцорина. Среди учёных-лингвистов выделяются крупными разработками И.С. Галкин, Ф.И. Гордеев, Л.П. Грузов, И.Г. Иванов, Д.Е. Казанцев, Н.Т. Пенгитов и др.

В 1970–1990 гг. — начале XXI в. учёные Республики Марий Эл проводят комплексное изучение марийского языка, литературы, фольклора, истории, археологии, этнографии, народного творчества, общих и частных вопросов финно-угроведения, современных социальных проблем и процессов. Среди историков корифеями являются К.Н. Сануков, Г.Н. Айплатов, В.С. Патрушев, А.Г. Иванов, Г.А. Сепеев и др. Большой вклад в изучение процесса формирования и развития художественной системы марийской литературы внесли К.К. Васин, А.А. Асылбаев, С.Я. Черных, А.А. Васинкин и др.

В современных условиях активно разрабатывается аксиология марийской культуры, в которой «ценностным центром» выступает марийская литература. Научная школа Р.А. Кудрявцевой совместно со специалистами в области культурологии проводит системные исследования аксиологических доминант марийского этномира, изучает ценностную природу функционирующих в менталитете марийской культуры этнонарративов, а также развитие жанровой системы и поэтики марийской литературы. Марийская культурологическая и философская наука (Г.Е. Шкалина, Ю.А. Калиев) обогатилась солидными исследованиями марийской мифологии, традиционной религии народа. Мощно заявило о себе научное направление, связанное с лингвокультурологией и лингвофольклористикой (Н.Н. Глухова, Л.А. Абукаева).

Направление билингвильности и транскультурной практики обозначилось исследованием С.С. Сибатровой «Марийско-русские языковые контакты: морфология марийского языка», работой О.А. Сергеева «Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII–XVIII вв.)», изданиями «Русско-марийский словарь: в 2 томах» (Е.М. Андрианова и др.), «Марийско-русский фразеологический словарь: в 2 томах» (Е.М. Андрианова, Л.И. Барцева, Ф.Т. Грачева и др.), а также исследованиями специалистов по общей педаго-

гике (С.Н. Фёдорова) и методике преподавания марийского языка (В.В. Константинова).

Сфера народного искусства активно изучается В.Г. Кудрявцевым, этносоциология и социолингвистика — В.И. Шабыковым.

В настоящем выпуске журнала представлены статьи марийских ученых — специалистов в области филологии, культурологии, искусствоведения, педагогики — Марийского государственного университета и Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Они представляют читателю актуальные научные направления современной марийской гуманитарной науки: языковая система марийского языка, язык в поле лингвокультурологических исследований, традиционная культура народа мари, аксиология и поэтика художественной словесности, перевод с использованием марийского языка, экспериментальные методики в рамках билингвального образования. Статьи направлены на исследование духовных основ историко-культурного достояния народа мари, исстари называвшего себя потомками Онара. Признание фундаментальной ценности культуры предполагает ее понимание в качестве основного ресурса человеческого развития в нашем обществе на всех уровнях — этническом, региональном, общероссийском.

*Г.Е. Шкалина,
доктор культурологии, профессор кафедры культуры и искусств
Марийского государственного университета*

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

LANGUAGE IN SYSTEM

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-15-25

EDN: DTINAQ

Научная статья / Research article

«Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка» (1775): лингвокультурологический аспект

В.Т. Михайлов , Е.Г. Ласточкина

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

 antrolea@mail.ru

Аннотация. Вторая половина XVIII в. характеризуется созданием основы новой социокультурной модели для развития межнациональных отношений в Российском государстве, декларацией идей самобытности национальных культур и веротерпимости, более активным привлечением инородческого населения в общероссийский образовательный процесс. Произошло историческое событие в просвещении народов Урало-Поволжского региона: мари, чувашей и удмуртов. Это связано с появлением первых научно обоснованных грамматик марийского, удмуртского и чувашского языков, сыгравших важную роль в становлении письменности и книгоиздательского дела на родном языке этих народов. Цель исследования — анализ лексического состава марийской грамматики «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка», 1) выявлявшего ценные сведения об основных закономерностях становления лексики не только по определенным тематическим группам, но и всего словарного состава марийского языка; 2) отражавшего материальную и духовную культуру народа мари, его быт и хозяйственную деятельность, способы постижения им окружающей действительности и значительную часть его языковой картины мира. Этим обусловлена актуальность настоящей научной статьи. В ходе работы применены дескриптивно-аналитический метод и его приемы: наблюдение, интерпретация, классификация, обобщение, систематизация явлений и фактов, а также метод сплошной выборки фактического материала. Выявлено, что первая грамматика марийского языка сыграла особую роль в развитии марийской письменности. Ее материалы послужили основой для учебного пособия по элементарной грамоте для марийских детей в миссионерских школах, а также будущих священнослужителей марийскому языку. С нее начинается история марийской письменности и, как следствие, зарождение книгоиздательского дела на национальном языке.

Ключевые слова: марийская грамматика, письменность, лексический состав, морфология, материальная и духовная культура

© Михайлов В.Т., Ласточкина Е.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Вклад авторов: *Михайлов В.Т.* — концепция исследования, аннотация, сбор и обработка материала, Заключение; *Ласточкина Е.Г.* — обзор литературы, сбор и обработка материала, составление списка литературы, перевод на английский язык.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Михайлов В.Т., Ласточкина Е.Г.* «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка» (1775): лингвокультурологический аспект // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 15–25. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-15-25>

“Works Belonging to the Grammar of the Cheremis Language” (1775): Linguocultural Aspect

Vitaly T. Mikhailov^{ORCID}, Elena G. Lastochkina^{ORCID}✉

Mari State University, *Yoshkar-Ola, Russian Federation*

✉ antrolea@mail.ru

Abstract. The second half of the 18th century is characterized by the creation of the basis for a new socio-cultural model for the development of interethnic relations in the Russian state, the declaration of the ideas of the originality of national cultures and religious tolerance, and a more active involvement of the foreign population in the all-Russian educational process. A historic event occurred in the education of the peoples of the Ural-Volga region: the Mari, Chuvash and Udmurts. This is due to the appearance of the first scientifically substantiated grammars of the Mari, Udmurt and Chuvash languages, which played an important role in the development of writing and book publishing in the native languages of these peoples. The purpose of this study is to analyze the lexical composition of the Mari grammar “Works Belonging to the Grammar of the Cheremis Language”, 1) revealing valuable information about the main patterns of vocabulary formation not only in certain thematic groups, but also the entire vocabulary of the Mari language; 2) reflecting the material and spiritual culture of the Mari people, their way of life and economic activity, the ways of understanding the surrounding reality and a significant part of their linguistic picture of the world. This determines the relevance of this scientific article. In the course of the work, the descriptive-analytical method and its techniques were used: observation, interpretation, classification, generalization, systematization of phenomena and facts, as well as the method of continuous sampling of factual material. It was revealed that the first grammar of the Mari language played a special role in the development of the Mari written language. Its materials served as a teaching aid in teaching Mari children elementary literacy in missionary schools, as well as future clergymen the Mari language. It marks the beginning of the history of the Mari written language and, as a consequence, the emergence of book publishing in the national language.

Key words: Mari grammar, writing, vocabulary, morphology, material and spiritual culture

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Authors’ contributions: *Mikhailov V.T.* — research concept, abstract, collection and processing of material, Conclusion; *Lastochkina E.G.* — literature review, collection and processing of material, compilation of the bibliography, translation into English.

For citation: Mikhailov, V.T., and E.G. Lastochkina. 2025. “Works Belonging to the Grammar of the Cheremis Language” (1775): Linguocultural Aspect.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 15–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-15-25>

Введение

Рождение печатного текста у народов Урало-Поволжского региона России, в том числе и марийского народа, тесно связано, прежде всего, с попытками учить их грамоте в составе российского государства со времени завоевания им многонационального Казанского ханства. В этих целях в 1555 г. была учреждена Казанская православная епархия. Ею начат процесс русификации и христианизации инородческих (нерусских) народов Российской империи. В то же время основное внимание уделялось религиозно-образовательным мероприятиям, включавшим в себя строительство церквей, монастырей и открытие духовных школ, подготовку местных священнослужителей и миссионеров.

Все же приемы обучения в этих школах были неэффективными, поскольку преподавание велось на непонятном для инородческих детей русском языке. Это приводило к тому, что основной формой обучения стало механическое заучивание материала без осознанного усвоения. Уже в первой половине XVIII в. стало ясно, что такой подход не приносит желаемых результатов. В этой связи возникла необходимость изменить методику обучения с упором на родной язык учащихся, что, в свою очередь, предполагало и составление учебников и пособий. Впервые на уровне государства о необходимости «книги нужные перевести на их язык»¹ было заявлено Петром I в конце его жизни в 1724 г.

Значительные изменения в национальной политике Российской империи произошли в период правления Екатерины II, ознаменовавшиеся выдающимися событиями в социокультурной жизни нерусских народов, итогом которых стало появление первых научно обоснованных грамматик чувашского, черемисского (марийского) и вотского (удмуртского) языков. В итоге у этих народов зарождается письменность на основе кириллицы и, как следствие, на национальных языках — книгоиздательское дело. Вместе с тем материалы грамматик послужили и как учебное пособие при обучении в миссионерских школах инородческих детей элементарной грамоте, а также при подготовке будущих священнослужителей.

Цель исследования — анализ лексического состава марийской грамматики «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка» в аспекте лингвокультурологии. В рамках этого предполагается раскрытие важных направлений становления и развития словарного состава марийского языка в указанный период, выявление особенностей хозяйственной деятельности народа мари, его материальной и духовной культуры, восприятия им окружающей действительности, отраженных в материале данного источника.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 года по 12 декабря 1825 года. 48 т. Указ. Т. VII. 1723–1727. Санкт-Петербург : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 924 с. С. 207

В процессе исследования применены дескриптивно-аналитический метод и его приемы: наблюдение, интерпретация, классификация, обобщение, систематизация явлений и фактов, а также метод сплошной выборки фактического материала.

В работе на основе материалов грамматики выявлены основные тенденции развития словаря этого периода, а также степень воспроизведения в нем быта и хозяйственной деятельности марийского народа, его материальной и духовной культуры, что являлось демонстрацией способов постижения им окружающей действительности и отражением значительной части его языковой картины мира.

Результаты и обсуждение

Осознание царским правительством и миссионерами во второй половине XVIII в. того, что путь к христианскому просвещению инородцев прокладывается через родное слово, натолкнуло на мысль о необходимости обучения на родном языке. Это выдвинуло перед ними задачу составления учебных пособий, грамматик и словарей на языках народов Урало-Поволжского региона. В этой связи произошло важное событие в истории изучения и развития языков коренных народов Российской империи: создание первых грамматических трудов по чувашскому, марийскому и удмуртскому языкам — «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ чувашскаго языка» (1769)², «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка» (1775)³ и «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» (1775)⁴.

Ключевую роль в этом процессе сыграл архиепископ В. Пуцек-Григорович. Являясь ректором Казанской духовной семинарии, он активно занимался изучением языков местных народностей с целью их успешной христианизации. Впоследствии, отмечая важность знания языков народов Среднего Поволжья, В. Пуцек-Григорович писал: «Когда многіе для разныхъ причинъ желаютъ знать языки не только ближнихъ, но и отдаленныхъ, не только нынешнихъ, но и прежде бывшихъ народовъ; то кольми паче надлежитъ намъ стараться довольно узнать языки тѣхъ народовъ, которые между нами внутрь предѣловъ единого отечества обитають и составляютъ часть общества нашего. Не одно насъ любопытство, но и польза къ тому поощрять должна, которая очевидна всякому, кто съ ними обращается»⁵. Эти его труды не только способствовали распростране-

² Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ чувашскаго языка. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1769. 68 с.

³ Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1775. 136 с.

⁴ Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1775. 113 с.

⁵ Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ чувашскаго языка. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1769. 68 с.

нию православия среди нерусских народов, но также заложили основу для дальнейшего научного исследования этих языков. В целом выпуск первых грамматик стал значимым событием как для самих народов, так и для российской науки того периода.

Чувашскую грамматику, присланную от Вениамина (Пуцек-Григоровича), было приказано напечатать Академической типографии 12 января 1769 г. в количестве 600 экз.

Через год, в марте 1770 г., в журнале Академической комиссии было записано распоряжение напечатать по 300 экз. грамматик вотского и черемисского языков, присланных от В. Пуцек-Григоровича. В продажу они были пущены только в декабре 1775 г. Первая публикация о продаже обеих грамматик появилась в «Санкт-Петербургских ведомостях» в № 67 за 19 августа 1776 г.⁶

Очевидно, черемисская и вотская грамматики составлялись параллельно с грамматикой чувашского языка, ибо через год после появления чувашской грамматики они были готовы к изданию. К тому же в предисловии к чувашской грамматике В. Пуцек-Григорович писал, что «нѣтъ сомнѣнія, что и другіе ему стануть въ сем дѣлѣ послѣдовать»⁷, т.е. он уже знал о готовящихся рукописях грамматик марийского и удмуртского языков. Вениамин также замечает, что «начало часто подвержено недостаткамъ; однако при семъ нѣтъ той опасности, чтобы оныя со временемъ не были исправлены безъ всякаго ущерба. Желать остается, чтобы достигли мы въ семъ и через сіе до того совершенства, которое требуется отъ людей благоразумныхъ при начинаніи всякаго труда»⁸.

Действительно, последующие грамматики получились более совершенными и объемными, чем первая. В частности, если чувашская грамматика была издана объемом в 68 страниц, то удмуртская — 113, а марийская — 136 страниц.

Значительная задержка с изданием грамматик марийского и удмуртского языков объясняется, на наш взгляд, несколькими взаимосвязанными обстоятельствами.

Во-первых, у В. Пуцек-Григоровича складывались непростые отношения с императрицей Екатериной II. С одной стороны, он поддерживал приверженность императрицы идеям Просвещения, которые были популярны в Европе того времени, ее просветительские идеи, направленные на образование простого народа, включая недавно принявших христианство инородцев. С другой — проявлял осторожность и заботу в национальных вопросах, осо-

⁶ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века 1725–1800. Том 1 : А–И. Москва : Изд. государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1962. 436 с. С. 150.

⁷ Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка / Предисловіе. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1775. 113 с.

⁸ Там же.

бенно касающихся инородцев Казанского края, стремился отстаивать их интересы, понимал важность сохранения культурного разнообразия и уважения к местным традициям. Эти народы, по его мнению, «между нами внутри предѣловъ единого отечества обитають и составляютъ часть общества нашего»⁹. Созданием первых грамматик марийского, удмуртского и чувашского народов В. Пуцек-Григорович преследовал и другую цель: «чтобы симъ способомъ показать имъ и вперить въ нихъ мысли, что они суть члены тѣла нашего, что они наше сограждане, и что мы ихъ иначе и не почитаемъ»¹⁰. Безусловно, такой взгляд автора грамматик не всегда совпадал с официальной точкой зрения.

Во-вторых, в начале 1770-х гг. в Российской империи сложилась напряженная социально-политическая ситуация. В 1771 г. Центральную часть России, Москву и ее окрестности поразила чума. Страшная болезнь перекинулась и в Казанскую губернию, нанося огромный ущерб людским ресурсам.

Далее, в 1773 г. под предводительством Е. Пугачева вспыхнуло самое массовое крестьянское восстание. Вениамин стал жертвой клеветы и обвинений в том, что якобы поддерживал связь с Пугачевым и даже помогал ему. Эти обвинения были особенно опасны для церковного деятеля, так как пугачевское восстание воспринималось властями как серьезная угроза государственному порядку. Несмотря на отсутствие доказательств, его арестовали и отправили в Санкт-Петербург для проведения расследования.

Следствие длилось около четырех месяцев, но не смогло найти никаких подтверждений вины архиепископа. В результате в феврале 1775 г. Вениамин был реабилитирован. Также была освобождена из-под ареста его рукопись грамматики марийского языка и впоследствии издана в Санкт-Петербурге при Императорской академии наук.

Первая грамматика марийского языка для своего времени представляет солидную научную работу. В ней содержится довольно обширное описание грамматического (морфологического) строя марийского языка и значительный лексический материал: словарь объемом более одной тысячи слов, ставший по существу первым опытом по марийской лексикографии.

Грамматическая часть «Сочинений...» представляет собой элементарный курс морфологии, где исследуются такие части речи, как имена существительное, прилагательное и числительное, а также глагол, наречие, местоимение, междометие и предлог. Более детально анализируются имя существительное и глагол.

Изучение имени существительного начиналось с информации о том, что «Къ имени въ Черемискомъ разговорѣ принадлежитъ склоненіе, число, падежъ и удареніе.

⁹ Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1775. 113 с.

¹⁰ Там же.

Всѣ имена Черемискія надлежатъ до двухъ склоненій, которыя различаются по окончанію и ударенію *Именительнаго* падежа»¹¹.

Автор первой грамматики считал, что в марийском языке существует шесть падежей (так же как и в латинском языке): «*Именительный, Родительный, Дательный, Винительный, Зпательный, и Тпорительный*» (с. 1) (Курсив здесь и далее наш. — В.М.).

Последующие нехарактерные для марийского языка два падежа (звательный и творительный) он определил, по-видимому, исходя от норм латинского языка, где выделяют также шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и звательный. При составлении марийской грамматики опора автора на этот язык, вероятно, связана с тем, что в свое время В. Пуцек-Григорович преподавал учащимся семинарии латинский язык. В современном марийском языке определяют 9 падежей: кроме первых четырех падежей — сравнительный, совместный, местный, направительный и обстоятельственный.

Первоначальной информацией о глаголах марийского языка являлись следующие положения: «При глаголѣ въ Черемискомѣ разговорѣ примѣчать должно слѣдующее:

Глаголы в Черемискомѣ разговоре всѣ кончатся на *амь, ямь и емь*, и оныя раздѣляются на два спряженія.

Кончащіяся на *амь* и *ямь*, надлежат до первого, кончащіяся на *емь* до второго спряженія.

Понеже глаголы в Черемискомѣ разговорѣ удареніе всѣ имѣють на послѣднемъ слогѣ, то когда в прошедшемъ совершенномъ времени послѣдній слогъ перемѣняется, удареніе у всѣхъ на предпослѣднемъ слогѣ настоящаго времени переносится, например, *нумалáмь* ‘несу’, прошед. соверш. *нумáлемь; утарéмь* ‘свобождаю’, прошед. соверш. *утáрышымь*» (с. 72).

Лексические единицы были расположены по частям речи и соответственно обозначали понятия согласно тем лексико-грамматическим разрядам, для подтверждения которых они представлялись. Например, лексика, выраженная именем существительным, обозначала:

1) абстрактные понятия: *юму* ‘бог’, *тильномь* ‘небо’, *сандалыкъ* ‘вселенная’ (с. 54), *цонь* ‘душа’, *эрекь* ‘воля’ (с. 55);

2) родственные отношения и половозрастные характеристики человека: *атя* ‘отец’, *аба* ‘мать’, *эрге* ‘сын’, *юдюрь* ‘дочь’, *куатя* ‘дед’, *кугу-аба* ‘бабушка’ (с. 56), *изя* ‘брат’, *шоліо* ‘младший брат’, *ака* ‘старшая сестра’, *куака* ‘тетя’, *тугуларь* ‘сват’, *маре* ‘муж’, *вате* ‘жена’ (с. 57);

3) части тела человека и проявления его организма (соматическая лексика): *вуй* ‘голова’, *санга* ‘лоб’, *шиндза* ‘глаза’, *шинза-ауль* ‘ресницы’, *нерь* ‘нос’, *нерь-рожь* ‘ноздри’, *умша* ‘рот, уста’, *тюрбю* ‘губа’ (с. 58);

¹¹ Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1775. 136 с. С.1.

4) землю и продукты земледелия: *рок* в значении ‘земля’, *шунь* ‘глина’, *ошна* ‘песок’, *анга* ‘загон, полоса’, *курукь* ‘гора’ (с. 60), *ага* ‘пашня’, *ага вуй* ‘плуг’, *килта* ‘сноп’, *шидань* ‘пшеница’, *уржа* ‘рожь’ (с. 61);

5) названия пищи и овощей: *кинде* ‘хлеб’, *ложашь* ‘мука’, *пурусь* ‘перец’, *шербаль* ‘сметана’, *шилъ* ‘мясо’, *коголиб* ‘пирог’ (с. 63), *ушмень* ‘свекла’, *шогань* ‘лук’, *укра* ‘чеснок’, *киярь* ‘огурец’, *немецъпурса* ‘боб’, *кицке* ‘ягода’ (с. 62) и т.д.;

6) флору и фауну: *кожъ* ‘ель’, *пюнджо* ‘сосна’, *ваштарь* ‘клен’, *нолго* ‘илем’, *пизле* ‘рябина’ (с. 64), *шордо* ‘лось’, *пючю* ‘олень’, *маска* ‘медведь’, *тюре* ‘верблюд’, *луй* ‘куница’ (с. 67), *кишке* ‘змея, уж’ (с. 64), *шигшале* ‘ящерица’, *кутко* ‘муравей’, *коля* ‘мышь’, *ужаба* ‘лягушка’ (с. 65), *канкъ* ‘птица’, *курнушь* ‘коршун’, *вараксень* ‘ласточка’ (с. 65), *мюкиш* ‘пчела’, *шинга* ‘комар’, *орашина* ‘муха’ (с. 67);

7) домашних животных: *волюк* ‘скот’, *юшкюжь* ‘бык’, *ушкаль* ‘корова’, *презе* ‘теленек’, *кезе* ‘коза’, *сосна* ‘свинья’, *имне* ‘лошадь’, *ожо* ‘жеребец’, *волю* ‘кобыла’, *пи* ‘собака’, *прысь* ‘кошка’ (с. 68);

8) метеонимы (метеорологическая лексика): *пиль* ‘облако’, *кюдюрцо* ‘гром’, *волгондо* ‘молния’ (с. 54), *шокшо* ‘жарко’, *лумь* ‘снег’, *мардежь* ‘ветер’, *юръ* ‘дождь’ и т.д.

Прилагательные обозначали:

1) качества личности человека: *сай* ‘хороший’, *осаль* ‘злой’, *ушан* ‘умный’, *эрекань* ‘свободный’, *сулукань* ‘грешный’, *тажа* ‘здоровый’, *цоя* ‘лицемерный, хитрый’ (с. 44), *пуро* ‘добрый’ (с. 45);

2) возраст человека: *шонго* ‘старый’ (с. 44), *самырыкь* ‘молодой’ (с. 45);

3) размер предмета: *кугу* ‘большой, великий’, *изи* ‘малый, маленький’ (с. 44), *тигиде* ‘мелкий’, *шолдыра* ‘крупный’, *кужо* ‘длинный’, *кютюкь* ‘короткий’, *вицкижь* ‘тонкий’, *кюжго* ‘толстый’, *тигиде* ‘мелкий’, *шолдыра* ‘крупный’ (с. 45);

4) оттенки цвета: *волгодо* ‘светлый’ (с. 44), *ошо* ‘белый’, *шеме* ‘черный’, *йошкарге* ‘красный’, *канде* ‘синий’ (с. 45) и т.д.

Лексический состав глаголов в основном обозначал хозяйственную деятельность мари: *агамлиштемь* ‘пашу’, *юдемь* ‘сею’ (с. 130), *шюремь* ‘бороню’, *туредамь* ‘жну’, *мушкамь* ‘мою, стираю’, *олмоктемь* ‘чиню’ (с. 126), *ургемь* ‘шью’, *юштамь* ‘мету, подметаю’ (с. 147) и т.д.

Из приведенных примеров видно, что представленная лексика первой грамматики отличается от литературных вариантов современного марийского языка в основном фонетическим оформлением. Одним из достоинств первой грамматики является более-менее правильная передача звуков слов марийского языка. Тем не менее некоторые слова переданы так искаженно, что без перевода их трудно распознать, например: *юрломашь* ‘нищета’ (совр. *йорльлык*, *нужналык*); *юбюртюмашь* ‘радость, веселье’ (с. 56) (совр. *йывыртываши*); *пюнджо* ‘сосна’ (совр. *пүнчö*); *канкъ* ‘птица’ (совр. *кайык*).

Возможно, в слове *канкъ* произошла опечатка: вместо буквы *й* (или *и*) была напечатана буква *н*, ибо в производном от него слове *пюрт-каикъ* ‘воробей’ (с. 65) слово *каикъ* пишется с буквой *и*.

Далее, в грамматике обнаруживаются как лексические, так и фонетические единицы, характерные для всех наречий марийского языка. По-видимому, составитель при отборе языкового материала стремился к тому, чтобы он был доступен для понимания представителями всех диалектов. Грамматика была рассчитана как пособие не только для изучающих марийский язык в миссионерских целях, но и как учебник в новокрещенских школах для учащихся мари из разных регионов России. В частности, примеры типа *кизитъ* ‘сейчас’ (с. 133), *минь кичалам иле* ‘я искал’ (с. 91), *шиже* ‘осень’ (с. 55), *кине* ‘конопля’ (с. 62), *винерь* ‘холст’ (с. 70) (совр. *вынер*) указывают на произношение слов с полногласным *и* вместо редуцированного гласного заднего ряда *ы*, что характерно для восточного диалекта марийского языка. На восточный диалект указывают и местоимения *минь* ‘я’, *тынъ* ‘ты’ (с. 48), *мининь* ‘мой’, *тынинь* ‘твой’ (с. 52).

Лексическим материалом для грамматики послужил в основном цокающий диалект марийского языка, что характерно для горномарийского и северо-западного наречий, а также для йошкар-олинского говора лугового наречия: *цоя* ‘хитрый, лукавый’, *цаль* ‘седой’ (с. 44), *церь* ‘болезнь’ (с. 60), *кицке* ‘ягода’ (с. 62) и т.д.

Хотя в грамматике не было алфавита, однако в лексическом составе были отражены следующие начертания букв: *а, е, и, і, о, ѓ, у, ы, э, ю, я, б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ц, ч, ш, щ, ь, ь*. Тем самым было положено начало созданию самостоятельного марийского алфавита на основе кириллицы.

В основе марийской орфографии в грамматике утвердились два принципа – морфологический (морфемный) и фонетический, что позволило вполне удовлетворительно отражать особенности марийской фонетики на письме. Например:

цонъ	нонъ	душа
щюдюръ	рюнъ	звѣзда
кече	нъ	день
эръ	ренъ	утро
туль	нъ	огонь
покшомъ	монъ	морозъ, иней
паша	нъ	дѣло (с. 55)

Для обозначения фонетических особенностей при написании марийских слов В. Пуцек-Григорович использовал диграф *іѓ* для обозначения звуков *ѓ*: *міѓръ* ‘клубника’ (с. 62), *ы* после мягкого согласного: *воліѓкъ* ‘скот’ (с. 68) и звукосочетания *йо*: *іѓмакъ* ‘сказка’ (с. 56), а также букву *г*, которая обозначала одновременно смычно-взрывной заднеязычный звонкий согласный *г*: *менге*

‘столб’ (с. 60), фрикативный *z*: *aga* ‘пашня’ (с. 61), а в сочетании с согласным *n* передавала заднеязычный носовой *n = ŋ*: *onga* ‘доска’ (с. 69) [1, с. 214].

Достоинством первой грамматики является и то, что правописание конечных безударных гласных в общих чертах было правильным: конечные безударные гласные в произношении уподоблялись по ряду и огубленности-неогубленности ударному гласному: *шокшо* ‘теплота’ (с. 55), *кече* ‘солнце’ (с. 56), *пошкудо* ‘соседь’ (с. 57), *тюрби́д* ‘губа’ (с. 58), *шюли́д* ‘овесъ’ (с. 61). Это явление (ассимиляция гласных) в марийском языке позднее получило название «лабиальная (губная) гармония» и в новое время было принято в качестве орфографической нормы современного литературного языка.

Безусловно, словарь далеко не полно отражал лексический состав марийского языка того времени, имеются случаи неправильного перевода и ряд неточностей в графической передаче. Но для понимания изменчивости лексического состава он имеет большое значение, ибо в нем отражено много архаизмов, вышедших впоследствии из употребления. К примеру, такие слова: *тюмемь* ‘миллион’ (с. 47), *нюгарь* ‘раб, слуга’ (с. 57), *танькь* ‘свидетель’ (с. 57), *тагдуиш* ‘приятель’ (с. 57), *цапкынъ* ‘почтарь’ (с. 57), *тюльгень* ‘ястреб’ (с. 66), *тюре* ‘верблюд’ (с. 67), *лешь* ‘колыбель’ (с. 69) и т.д. в настоящее время для широкого круга носителей языка непонятны. Поэтому фиксация их в грамматике представляет огромную ценность не только для отражения лексического состава марийского языка XVIII века, но и для современных исследователей языка, культуры и быта марийского народа в контексте исторического прошлого.

Некоторые из представленных слов к настоящему времени подверглись значительному изменению или приобрели другое значение. Например, слово *нерге* (с. 56) в первой грамматике переводится как ‘порядок’, а в современном марийском языке *нерге* — ‘насморк’; *азринь* ‘смерть’ (с. 56), совр. *азырен* — в значении ‘смерть, дьявол, плохой человек’; *яклака* ‘молодец’ (с. 57) — совр. *яклака* ‘скользкий’; *танькь* ‘свидетель’ (с. 57) (это слово в современный марийский язык было введено вновь в 1990-е гг.); *туякь* ‘чтец’ (с. 58), совр. — *лудишо*, *лудшыенг*; *туль кю* ‘кремень’ (с. 60), совр. *тулгү*, *чакмагү* ‘кремень’; *сайлемь* ‘украшаю’ (с. 125), совр. *сайлем* ‘выбираю’; *агам лиштемь* ‘пашу’ (с. 126) совр. — *куралам*; *кинягамь юктемь* ‘читаю книгу’ (с. 128), совр. — *книгам лудам*; *азаплемь* ‘удивляюся’ (с. 128), совр. *азап* ‘беда, бедствие, несчастье’ и т. д.

Заключение

Первая грамматика марийского языка 1775 г. сыграла важную роль в развитии марийской письменной культуры и становлении книгоиздательского дела на марийском языке. Заложенные в ней фонетический и морфологический принципы марийской орфографии стали основой для последующих изданий и учебных пособий. Грамматика служила учебником для обучения

марийских детей и подготовки священнослужителей к работе на марийском языке. Кроме того, материалы грамматики давали ценные сведения для выявления основных закономерностей становления лексики не только вышеназванных тематических групп, но и всего словарного состава марийского языка того периода, а также отображали материальную и духовную культуру мари, хозяйственную деятельность и быт, являлись демонстрацией способов постижения им окружающей действительности и отражением значительной части его языковой картины мира.

Таким образом, издание первых грамматик чувашского, марийского и удмуртского языков в 1769–1775 гг. стало важным этапом в просвещении народов Урало-Поволжского региона: мари, чуваш и удмуртов, а также первоначальной ступенью развития их письменной культуры. Этот процесс был связан с историческими изменениями, происходившими в регионе на протяжении нескольких столетий.

Список литературы

1. *Лаврентьев Г.И.* История марийского письма. Поправки и дополнения // *Linguistica Uralica*. XL. 2004. № 3. С. 213–223.

References

1. Lavrentiev, G.I. 2004. "The history of the Mari letter. Amendments and additions." *Linguistica Uralica* (XL) no. 3, pp. 213–223. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Михайлов Виталий Тимраевич — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий учебно-методической лабораторией «Марийская школа», Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1. ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4757-0085>, eLibrary SPIN-код: 2874-1164. E-mail: vitatim@yandex.ru

Ласточкина Елена Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского языка и литературы, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7081-1982>, eLibrary SPIN-код: 2655-5093. E-mail: antrolea@mail.ru

Bio notes:

Vitaly T. Mikhailov is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the educational and methodological laboratory "Mari School", Mari State University, Yoshkar-Ola. 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-4757-0085. eLibrary SPIN-code: 2874-1164. E-mail: vitatim@yandex.ru

Elena G. Lastochkina is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Mari Language and Literature, Mari State University, Yoshkar-Ola. 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7081-1982, eLibrary SPIN-code: 2655-5093. E-mail: antrolea@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-26-38

EDN: DWAAWN

Научная статья / Research article

Морфологические омонимы в современном марийском языке

Е.Г. Ласточкина

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

✉ antrolea@mail.ru

Аннотация. Тема исследования — омоформы в современном марийском языке. Материалом научной работы послужили примеры из «Словаря марийского языка», марийско-русского словаря, а также данные картотеки, составленной автором на основе произведений фольклора, художественной литературы и материалов периодической печати. Омонимы встречаются практически на всех уровнях языка: в фонетике (омофонах), словообразовании, морфологии. Это могут быть не только слова, но и словоформы (суффиксы и флексии), а также словосочетания, которые иногда относятся к разным грамматическим категориям. В современном марийском языке омонимы можно разделить на четыре группы: лексические омонимы, омоформы, омофоны, омографы. Цель исследования — дать определение морфологическим омонимам, выделить данную группу омонимов, их особенности и количество в марийском языке. Методом исследования послужил анализ слов-омонимов на основе лексикографических источников, а также метод анализа научной литературы и лингвистический (описательный) метод. В результате можно сделать вывод о том, что в современном марийском языке широкое распространение получили омоформы. Омоформа является не постоянной формой, а временной, которая существует до следующего преобразования. Когда они изменяются, то уже начинают различаться между собой как по звучанию, так и по форме. Морфологические омонимы в марийском языке можно разделить на следующие группы: грамматические, лексико-грамматические.

Ключевые слова: омонимы, омоформы, омофоны, омографы, лексико-грамматические омонимы, грамматические омонимы, лексикология, лексические омоформы, лексические омонимы, семантика

История статьи: поступила в редакцию 14.10.2024; принята к печати 19.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Ласточкина Е.Г.* Морфологические омонимы в современном марийском языке // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 26–38. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-26-38>

Morphological Homonyms in the Modern Mari Language

Elena G. Lastochkina^{ID}

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation,

✉ antrolea@mail.ru

Abstract. The subject of the study is grammatical homonyms in the modern Mari language. The scientific work was based on examples from the Mari Language Dictionary, the Mari-Russian dictionary, as well as data from a card file compiled by the author based on folklore, fiction, and periodical materials. Homonyms are found at almost all levels of the language: in phonetics (homophones), word formation, morphology. These can be not only words, but also word forms (suffixes and inflections), as well as phrases that sometimes belong to different grammatical categories. In the modern Mari language, homonyms can be divided into four groups: lexical homonyms, homoforms, homophones, homographs. The purpose of the work is to define morphological homonyms, to identify this group of homonyms, their features and number in the Mari language. The research method was the analysis of homonymous words based on lexicographic sources, as well as the method of analyzing scientific literature and the linguistic (descriptive) method. The result of the study was the conclusion that homoforms have become widespread in the modern Mari language. The homoform is not a permanent form, but a temporary one that exists until the next transformation. When they change, they already begin to differ from each other both in sound and form. Homoforms in the Mari language can be divided into the following groups: grammatical, lexical and grammatical.

Key words: homonyms, homoforms, homophones, homographs, lexical and grammatical homonyms, grammatical homonyms, lexicology, lexical homoforms

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Lastochkina, E.G. 2025. “Morphological Homonyms in the Modern Mari Language.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 26–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-26-38>

Введение

Омонимия (от греч. *homos* — одинаковый; *онима* — имя), будучи универсальным явлением, имеет место в разных языковых системах, а в границах отдельного языка она проникает во все его уровни. Омонимия — «результат исторического или случайного совпадения языковых знаков при полном различии их содержания; результат как внутренних языковых преобразований (например, распавшейся полисемии), так и изменений, которые привели к пересечению, совпадению с другими языками, что позволяет говорить о проявлении одного из аспектов транслингвизма» [1. С. 52].

Омонимические отношения, которые возникают на уровне словоформ, имеют место не между целыми лексемами, они бывают между отдельными их формами; данные формы могут относиться как к одной и той же лексеме, так и принадлежать к разным лексемам. И «под омонимичными словоформами (омоформами) понимаются словоформы, тождественные друг другу по звучанию и/или по написанию и различающиеся по лексической семантике и/или

по частным категориальным грамматическим признакам» [2. С. 52]. Различие общелексемных грамматических признаков, которые важны для установления омонимии на уровне словоформ, не является релевантным, так как омоформия возникает как при различии, так и при тождестве этих признаков; «различие же частных некатегориальных грамматических признаков не ведет к омонимии и на этом уровне» [3. С. 56].

Проблема омонимии является одной из сложных тем в лексикологической науке. Учёные по-разному подходят к классификации омонимии, обычно выделяются следующие типы омонимов:

– **полные омонимы** — это разные слова, которые совпадают во всех своих формах, в частности: *шөр* I ‘край, грань, ребро’ – *шөр* II ‘молоко’;

– **неполные омонимы**, например: *ий* I ‘лед’ — *ий* II ‘год’ — *ий* III ‘долото’, *ий* I не употребляется в форме множественного числа в отличие от *ий* II *ий-влак эртат* ‘годы летят’ и *ий* II *Ачамын пашатыже могай-гына ий-влак уке улыт* ‘У моего отца на работе каких только долот нет’;

– **омоформы** — это разные слова, которые совпадают в отдельных своих грамматических формах: *рвезе* I сущ. ‘парень, юноша’ – *рвезе* II прил. ‘молодой’;

– **омофоны** — это разные слова, отличающиеся написанием, но совпадающие в произношении, например: *пуш* [пуш] ‘лодка’ – *пумыш* [пуш] ‘дал’;

– **омографы** — это разные слова, которые совпадают в своём написании, но различаются местом ударения: *шэрге* I прил. ‘дорогой’ — *шергэ* II ‘расческа’.

Омонимы марийского языка с учётом их лексического значения и грамматических характеристик слов можем разделить на следующие группы: 1) лексические омонимы; 2) морфологические омонимы (омоформы); 3) орфографические омонимы (омографы); 4) фонетические омонимы (омофоны) [4. С. 52].

Данная статья посвящена изучению омоформ в марийском языке. Актуальность и научная новизна предпринятого исследования связаны с тем, что тема морфологических омонимов подробно и системно еще не анализировалась исследователями марийского языка. *Цель исследования* — рассмотреть типы омоформ в марийском языке, выявить разновидности данной группы омонимов, а также провести их количественный анализ.

В качестве эмпирического (фактического) материала мы приводим примеры из «Словаря марийского языка»¹, «Марийско-русского словаря»², а также данные картотеки, составленной автором на основе произведений фольклора, художественной литературы и материалов периодической печати.

¹ Словарь марийского языка: в 10 т. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, 1990–2005.

² Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В. Марийско-русский словарь. 2-е изд., с изм. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1991. 512 с.

Результаты и обсуждение

Языковое явление омонимии имеет место не только в лексике [5. С. 569]. Омонимы в самом широком смысле слова могут относиться к разным языковым единицам, которые имеют одинаковое звучание. По сравнению с настоящими лексическими (или абсолютными) омонимами все остальные созвучия и разные виды совпадений считаются относительными: однако правильнее было бы говорить не об омонимии в самом широком смысле слова и даже не об относительной омонимии, а об омонимическом употреблении в речи разнообразных видов омофонов, в состав которых, как указывает В.В. Виноградов, входят «все виды единозвучий или созвучий — и в целых конструкциях, и в сцеплениях слов или их частей, в отдельных отрезках речи, в отдельных морфемах, даже в смежных звуко сочетаниях» [6. С. 5].

Известные русские языковеды В.В. Виноградов [7], Д.Э. Розенталь [8], Д.Н. Шмелев [9] являются сторонниками того, что омоформы, омографы и омофоны — это явления омонимии, так как связаны с грамматическим, фонетическим и графическим языковыми уровнями. По Д.Э. Розенталю, омоформы — «омонимичные формы, слова, совпадающие в своем звучании лишь в отдельных формах (в той же части речи или разных частей речи)» [10. С. 242]. Д.Н. Шмелёв называет омоформами разные формы отдельных слов, совпавших по звучанию [9. С. 67].

Учёные считают, что разграничение грамматических омонимов — «один из самых трудных практических вопросов. Это связано с тем, что образование грамматических омонимов не является следствием случайного совпадения: существует связь между омонимами данного типа, так как процесс перехода из одной части речи в другую происходит при условии изменения функционирования» [11. С. 205].

В современном марийском языке имеется большое количество фактов омоформии. В словарях марийского языка нами выявлена 501 пара языковых единиц, в которых содержатся омоформы. «Формирование омонимов обусловлено разными аспектами языка: морфологией, грамматикой, лексикой, словообразованием. Возникающие при этом типы и виды омонимов объединены в разные ряды из пар языковых единиц, обладающих групповой различимостью свойств» [12].

Омоформы в марийском языке в большинстве своем представлены случайными совпадениями разных слов при их грамматических преобразованиях, а также в случаях совпадения разных грамматических форм одного слова. Омоформы марийского языка мы делим на две группы: грамматические и лексико-грамматические.

Грамматические омонимы различаются общелексемным грамматическим значением, а по лексическим значениям они тождественны. Таких омонимов в собранном нами материале оказалось всего 13. Например:

алмаштыш I сущ. смена — *алмаштыш* II гл. заменил, изменил; *илем* I сущ. ‘место жительства’ — *илем* II гл. ‘я живу’; *каныш* I сущ. ‘отдых’ — *каныш* II гл. ‘отдохнул’; *мушкындо* I сущ. ‘кулак’ — *мушкындо* II гл. ‘ударь кулаком’; *рвезе* I сущ. ‘парень, юноша’ — *рвезе* II прил. ‘молодой’.

Лексико-грамматические омонимы различаются как по лексическим, так и по общелексемным грамматическим значениям. Таких омонимов в марийском языке очень много. Например:

вара I нареч. ‘1) потом, после, 2) поздно’ — *вара* II ‘шест’ — *вара* III гл. 3 л., ед. ч., ‘перемешивает’; *вараш* I ‘ястреб — хищная птица’ — *вараш* II -ем ‘мешать, помешивать что-либо’; *ияш* I -ам ‘1) плавать, плыть, 2) плавать, плыть; плавно передвигаться (напр., по небесному своду), 3) перен. плавать, плыть, распространяться, распространиться, разноситься, 4) перен. плавать, плыть; колыхаться, всколыхнуться (о знамени, флаге и т. д.)’ — *ияш* II ‘годовой, годичный, годовалый’.

К лексическим омоформам принадлежат слова, которые относятся к глаголам, но имеют разные спряжения. Такие слова слишком отличаются друг от друга грамматически, чтобы принадлежать к лексическим омонимам. В нашей картотеке насчитывается 60 омонимических рядов, принадлежащих к лексическим омоформам. Например:

| *шолаш* I -ам, гл. ‘кипеть, вскипеть’ — *шолаш* II -ем, гл. ‘бросать, бросить’.

В современном марийском языке можно выделить разные случаи морфологических омонимов. Омоформы образуют множество пар языковых единиц, в результате их взаимодействия образуется явление омоформии. В нижеприведённой табл. 1 даны варианты морфологических омонимов, а также анализ количества разных групп омоформ.

Далее приведем примеры различных производных слов, содержащихся в парах, имеющих омонимические отношения между словоформами разных частей речи; пары состоят из знаменательных и служебных слов (табл. 2).

В марийском языке редко встречаются омонимичные отношения между знаменательными и служебными словами. Среди возможных пар можно отметить следующие: *наречие* — *подражательное слово* (в нашей картотеке имеются 7 таких примеров); *существительное* — *междометие* (4 примера); *прилагательное* — *междометие* (2 примера); *существительное* — *частица* (3 примера) и т. д.

Разнообразные ряды знаменательных слов, относящихся к разным частям речи, представлены среди производных слов-омонимов. В таких случаях количественно преобладающими являются следующие пары: *глагол* — *глагол*

(121 пример), *существительное — прилагательное* (84 примеров); *существительное — глагол* (57 примеров). Меньше встречаются такие пары: *существительное — наречие* (29 примеров); *прилагательное — глагол* (10 примеров); *прилагательное — наречие* (10 примеров). Редко встречающиеся пары: *наречие — глагол* (5); *причастие — прилагательное* (5); *причастие — существительное* (4); *числительное — существительное* (3) и т. д.

Таблица 1

Варианты двухкомпонентных морфологических омонимов из знаменательных слов

Группы омоформ	Примеры омоформ	Показатели частотности
Глагол – глагол	<i>кодаш</i> I -ам '1) оставаться, 2) отставать, 3) оставаться' — <i>кодаш</i> II -ем '1) оставлять, 2) пропускать, 3) оставлять'	129
Имя существительное – имя прилагательное	<i>кува</i> I 'старуха, женщина пожилого возраста' — <i>кува</i> II 'красновато-бурой масти'	84
Имя существительное – глагол	<i>күзө</i> I 'нож' — <i>күзө</i> II от гл. <i>күзаш</i> I, 2 л., ед. ч., повел. накл 'лезь'	57
Имя существительное – наречие	<i>йогын</i> I 'течение, поток; река, ручей' — <i>йогын</i> II 'лениво'	29

Table 1

Variants of two-component morphological homonyms from notional words

Homofrom groups	Examples of homofoms	Frequency indicators
Verb – Verb	<i>кодаш</i> I -ам '1) to remain, 2) to lag behind, 3) to remain' — <i>кодаш</i> II -ем '1) leave, 2) skip, 3) leave'	129
Noun – Adjective	<i>кува</i> I 'old woman, elderly woman' — <i>кува</i> II 'reddish-brown in colour'	84
Noun – Verb	<i>күзө</i> I 'knife' — <i>күзө</i> II from the verb <i>күзаш</i> I, 2 p., singular, imperative 'climb'	57
Noun – Adverb	<i>йогын</i> I 'flow, stream; river, brook' — <i>йогын</i> II 'lazy'	29

Таблица 2

Варианты двухкомпонентных морфологических омонимов из знаменательных и служебных слов

Группы омоформ	Примеры омоформ	Показатели частотности
Имя существительное – подражательное слово	<i>йырге</i> I сущ. 'округ, окрестность, околоток; окружающая местность' — <i>йырге</i> II подр. сл. — 'ручьём, бежать (о слезах)'	16
Имя существительное – послелог	<i>якте</i> I бот. 'сосна' — <i>якте</i> II Г. посл. выражает: '1) предел, границу распространения действия'	3

Table 2

Variants of two-component morphological homonyms from notional and functional words

Homofrom groups	Examples of homofroms	Frequency indicators
Noun — Imitative word	<i>йырзе</i> I noun ‘district, neighborhood, vicinity; surrounding area’ — <i>йырзе</i> II imitative word — ‘stream, flow (about tears)’	16
Noun — Postposition	<i>якте</i> ‘pine’ — <i>якте</i> ‘1) the limit, the boundary of the spread of action’	3

В марийском языке допустимы и омонимические связи между словами из разных частей речи. Однако такие омонимические пары представлены незначительно (по каждому случаю нами обнаружены не более двух-трех примеров). Выявленные нами возможные случаи морфологических омонимов представляем в табл. 3.

Таблица 3

Варианты двухкомпонентных морфологических омонимов из служебных слов

Группы омоформ	Примеры омоформ	Показатели частотности
Частица – союз	<i>вет</i> I част. выраж. ‘усиление и вопрос’ — <i>вет</i> II союз соответствует причинному союзу ‘ведь’	3
Междометие – союз	<i>но</i> I союз противит. ‘но, однако, вместе с тем употр. для соединения противопоставляемых членов предложения, соединения противопоставляемых частей сложного предложения’ — <i>но</i> II междометие. ‘Но! (понукаание лошади)’	2
Частица – междометие	<i>ну</i> I межд. <i>ну</i> выражает: ‘призыв или побуждение к действию, удивление’ — <i>ну</i> II част. для выражения: вопроса с оттенком удивления, недоверия и т. д.’	2

Table 3

Variants of two-component morphological homonyms from function words

Homofrom groups	Examples of homofroms	Frequency indicators
Particle – Conjunction	<i>вет</i> I p. expresses ‘amplification and question’ — <i>вет</i> II conj. corresponds to the causal conjunction ‘after all’	3
Interjection – Conjunction	<i>но</i> I adversative conjunction ‘but, however, at the same time used to connect contrasting members of a sentence, to connect contrasting parts of a complex sentence’ — <i>но</i> II interjection. ‘Go! (horse nudge)’	2
Particle – Interjection	<i>ну</i> I the interjection <i>ну</i> expresses: ‘a call or incentive to action, surprise’ — <i>ну</i> II particle. ‘ну used to express: a question with a hint of surprise, distrust, etc.’	2

В марийском языке имеются омоформы не только двух, но и трех, четырех и более, вплоть до восьми словоформ различных частей речи. Приведем варианты трехкомпонентных морфологических омонимов (табл. 4).

Таблица 4

Варианты трехкомпонентных морфологических омонимов

Группы омоформ	Примеры омоформ	Показатели частотности
Имя существительное – имя существительное – глагол	<i>леваш</i> I ‘сарай; крытое строение’ — <i>леваш</i> II диал. ‘крыша, кровля, навес’ — <i>леваш</i> III -ем ‘плавиться, становиться (стать) жидким, топиться’	11
Имя существительное – имя существительное – имя прилагательное	<i>ошвуй</i> I бот. диал. ‘ромашка’ — <i>ошвуй</i> II разг. ‘бутылка водки (букв. белоголовка)’ — <i>ошвуй</i> III разг. ‘белоголовый (кличка животных или прозвище человека)’	10
Глагол – глагол – имя существительное	<i>нўраш</i> I -ем 1 в 1, 2 л. не употр. ‘быть сужденным, предопределённым, судить; определять’ — <i>нўраш</i> II -ем диал. ‘делать (сделать) складки, сборки (на одежде)’ — <i>нўраш</i> III книжн. ‘судья, оценщик, ценитель, знаток’	6
Глагол – глагол – глагол	<i>лумаш</i> I ‘идти, падать (о снеге)’; -ам 1 и 2 л. не употр. — <i>лумаш</i> II ‘отводить, отвести(глаза) кому-либо’ — <i>лумаш</i> III -ем ‘зачаровывать’	6
Имя существительное – имя прилагательное – глагол	<i>лудо</i> I ‘утка’ — <i>лудо</i> II ‘серый’ — <i>лудо</i> III ‘прочитал’ 3 л, ед. ч., I — прош. вр.	3
Имя существительное – имя прилагательное – имя прилагательное	<i>чока</i> I диал. ‘кисть’ — <i>чока</i> II ‘густой’ — <i>чока</i> III ‘немой’	2
Имя числительное – глагол – глагол	<i>шўдаш</i> I ‘велеть, приказывать’ — <i>шўдаш</i> II ‘сотня, сто рублей’ — <i>шўдаш</i> III -ам диал. ‘расчистить (лес), прорубить дорогу (в лесу), перен. уничтожить’	2

Table 4

Variants of three-component morphological homonyms

Homofrom groups	Examples of homofroms	Frequency indicators
Noun – Noun – Verb	<i>леваш</i> I ‘barn; covered building’ — <i>леваш</i> II dialect. ‘roof, roofing, canopy’ — <i>леваш</i> III — ‘to melt, to become liquid, to drown’	11
Noun – Noun – Adjective	<i>ошвуй</i> I dialect ‘chamomile’ — <i>ошвуй</i> II colloquial ‘bottle of vodka (lit. white-headed)’ — <i>ошвуй</i> III colloquial ‘white-headed (animal nickname or human nickname)’	10

Ending of the Table 4

Verb – Verb – Noun	<i>нўраш</i> I -ем 1 in 1, 2 p. doesn't use 'to be destined, predestined, judge; determine' — <i>нўраш</i> II -ем dialect. 'to make (make) folds, gathers (on clothes)' — <i>нўраш</i> III lit. 'judge, appraiser, connoisseur, expert'	6
Verb – Verb – Verb	<i>лумаш</i> I 'to go, to fall (about snow)'; -ам 1 и 2 p. doesn't use — <i>лумаш</i> II 'to avert, to divert (the eyes) of someone' — <i>лумаш</i> III -ем 'enchant'	6
Noun – Adjective – Verb	<i>лудо</i> I 'duck' — <i>лудо</i> II 'grey' — <i>лудо</i> III 'read'	3
Noun – Adjective – Adjective	<i>чока</i> I dialect. 'brush' — <i>чока</i> II 'thick' — <i>чока</i> III 'dumb'	2
Numeral – Verb – Verb	<i>шўдаш</i> I 'to command, to order' — <i>шўдаш</i> II 'hundred, one hundred rubles' — <i>шўдаш</i> III — dialect. 'clear (the forest), cut a road (in the forest), figuratively destroy'	2

Таблица 5

Варианты четырех- и более компонентных морфологических омонимов

Группы омоформ	Примеры омоформ	Показатели частотности
Глагол – имя существительное – имя существительное – глагол	<i>шўяш</i> I 'гнить' — <i>шўяш</i> II 'ожерелье, ошейник' — <i>шўяш</i> III 'снопы, связанные попарно' — <i>шўяш</i> IV -ем диал. 'набухать, набухнуть (о крупе в каше)'	2
Имя существительное – имя существительное – имя существительное – глагол	<i>ий</i> I 'лёд, ий пырче, льдинка' — <i>ий</i> II 'год' — <i>ий</i> III 'долото' — <i>ий</i> IV 'пльиви' 3 л., ед. ч., повел. накл.	4
Имя существительное – имя существительное – имя существительное – имя прилагательное	<i>курган</i> I 'курган (шўгар чонга)' — <i>курган</i> II 'ящик для мякины на телеге' — <i>курган</i> III уст. 'кружка, чайник' — <i>курган</i> IV 'имеющий корм, с кормом'	3
Глагол – глагол – глагол – глагол – глагол	<i>солалташ</i> I -ем однокр. 'махнуть, взмахнуть' — <i>солалташ</i> II -ем однокр. 'скосить' — <i>солалташ</i> III -ем 'точить, поточить' <i>солалташ</i> IV -ам возвр. 'скашиваться' — <i>солалташ</i> V -ем 'запахивать, запахнуть (одежду)'	2
Имя существительное – имя существительное – имя существительное – глагол – имя прилагательное	<i>чий</i> I 'причина' — <i>чий</i> II 'дефект' — <i>чий</i> III диал. 'толк' — <i>чий</i> IV 'одевайся' гл., повел. накл., 2 л., ед.ч. — <i>чий</i> V 'настоящий, верный' и т.д.	2
Имя существительное – имя прилагательное – имя прилагательное – наречие – имя существительное – имя существительное	<i>тор</i> I 'хлам, мусор' — <i>тор</i> II прил. 'тесный' — <i>тор</i> III 'гнедой, красновато-рыжий' — <i>тор</i> IV 'муторно' — <i>тор</i> V диал. 'лес, перелески' — <i>тор</i> VI уст. 'требование'	2

Окончание табл. 5

Глагол – глагол – глагол – глагол – послелог – глагол – глагол	<i>шуаши</i> I ‘доходить, доезжать’ — <i>шуаши</i> II ‘тесать, вытесать’ — <i>шуаши</i> III -ам ‘бродить, перебродить’ — <i>шуаши</i> IV ‘бросать, бросить’ — <i>шуаши</i> V диал. посл. ‘выражает замену одного предмета, явления другим’ — <i>шуаши</i> VI -ам ‘срезывать, срезáть, точить, заточить’ — <i>шуаши</i> VII -ам Г. ‘кроить, выкраивать’	1
Имя существительное – глагол	<i>шу</i> I ‘отруби’ — <i>шу</i> II ‘щетина’ — <i>шу</i> III ‘ушко; отверстие на тупом конце иглы, в которое продевается нитка’ — <i>шу</i> IV бот. ‘иголка, игла, колочка, шип (у некоторых растений)’ — <i>шу</i> V ‘мелкие рыбные косточки’ — <i>шу</i> VI ‘весенняя вода’ — <i>шу</i> VII Г. ‘здоровье; состояние организма’ — <i>шу</i> VIII ‘брось’ гл., повел., накл., 2 л., ед. ч.	1

Table 5

Variants of four- and more-component morphological homonyms

Homofrom groups	Examples of homofroms	Frequency indicators
Verb – Noun – Noun – Verb	<i>шўяши</i> I ‘rot’ — <i>шўяши</i> II ‘necklace, collar’ — <i>шўяши</i> III ‘sheaves tied in pairs’ — <i>шўяши</i> IV — dialect. ‘to swell, to become swollen (about cereal in porridge)’	2
Noun – Noun – Noun – Verb	<i>ий</i> I ‘ice, ий пырче, ice floe’ — <i>ий</i> II ‘year’ — <i>ий</i> III ‘bit’ — <i>ий</i> IV ‘swim’ imperative.	4
Noun – Noun – Noun – Adjective	<i>курган</i> I ‘mound (шўгар чонга)’ — <i>курган</i> II ‘chaf box on a cart’ — <i>курган</i> III arch. ‘mug, teapot’ — <i>курган</i> IV ‘having feed, with feed’	3
Verb – Verb – Verb – Verb – Verb	<i>солалтаи</i> I -ем ‘to wave, to swing’ — <i>солалтаи</i> II -ем ‘to mow’ — <i>солалтаи</i> III -ем ‘to sharpen’ — <i>солалтаи</i> IV -ам reflexive verb ‘to mow down’ — <i>солалтаи</i> V -ем ‘to wrap (clothes)’	2
Noun – Noun – Noun – Verb – Adjective	<i>чий</i> I ‘cause’ — <i>чий</i> II ‘defect’ — <i>чий</i> III ‘benefit’ — <i>чий</i> IV ‘get dressed’ — <i>чий</i> V ‘real, true’, etc.	2
Noun – Adjective – Adjective – Adverb – Noun – Noun	<i>тор</i> I ‘trash, garbage’ — <i>тор</i> II. ‘cramped’ — <i>тор</i> III ‘bay, reddish-red’ — <i>тор</i> IV ‘dreary’ — <i>тор</i> V dialect. ‘forest, copses’ — <i>тор</i> VI arch. ‘requirement’	2
Verb – Verb – Verb – Verb – Postposition – Verb – Verb	<i>шуаши</i> I ‘to reach, to get there’ — <i>шуаши</i> II ‘to hew, to carve’ — <i>шуаши</i> III -ам ‘to wander, to ferment’ — <i>шуаши</i> IV ‘to throw’ — <i>шуаши</i> V dialect. ‘expresses the replacement of one object or phenomenon by another’ — <i>шуаши</i> VI -ам ‘to cut, to sharpen’ — <i>шуаши</i> VII -ам Г. ‘to cut out’	1
Noun – Verb	<i>шу</i> I ‘bran’ — <i>шу</i> II ‘bristle’ — <i>шу</i> III ‘eye of a needle; the hole at the blunt end of a needle through which thread is passed’ — <i>шу</i> IV ‘needle, thorn, spike (in some plants)’ — <i>шу</i> V ‘small fish bones’ — <i>шу</i> VI ‘spring water’ — <i>шу</i> VII Г. ‘health; state of the body’ — <i>шу</i> VIII ‘throw it away’ imperative	1

Нами выявлены также два случая трехкомпонентных морфологических омонимов по типу *наречие — существительное — существительное*. По одному примеру в нашей картотеке оказались такие сочетания, как:

- *существительное — подражательное слово — наречие;*
- *прилагательное — существительное — глагол;*
- *существительное — прилагательное — частица;*
- *существительное — послелог — наречие;*
- *наречие — подражательное слово — прилагательное;*
- *прилагательное — наречие — наречие;*
- *существительное — существительное — частица;*
- *существительное — существительное — частица;*
- *существительное — существительное — подражательное слово;*
- *наречие — наречие — существительное;*
- *причастие — существительное — глагол;*
- *существительное — существительное — послелог;*
- *прилагательное — существительное — наречие;*
- *союз — частица — междометие.*

Такие сочетания неожиданны, поскольку они встречаются только в одном примере, можно говорить лишь о случайных совпадениях.

Морфологические омонимы с 4 и более компонентами встречаются не так часто, но можно привести следующие примеры (табл. 5).

Согласно данным табл. 5-й группы, омоформы с четырьмя и более компонентами отличаются низкой частотностью. Из этой группы омоформ можно выделить восьмикомпонентный морфологический омоним, который представлен лишь одним примером.

Заключение

Таким образом, морфологические омонимы (омоформы) получили широкое распространение в современном марийском языке. Их можно разделить на грамматические, лексико-грамматические и лексические. Омоформы являются не постоянной, а временной формой; когда изменяются, они начинают различаться как по звучанию, так и по форме. Количественный и качественный анализ омоформ показал, что в примерах доминируют непроезводные слова разных частей речи. Наиболее используемыми являются двухкомпонентные омонимы, среди которых можно отметить такие типы омонимичных групп, как:

- *глагол — глагол; имя существительное — имя прилагательное;*
- *имя существительное — глагол;*
- *имя существительное — наречие и др.*

Немало и омоформ с тремя компонентами. Также нами обнаружены несколько примеров с четырьмя, пятью, шестью, семью и даже восемью компонентами в омонимичном ряду.

Список литературы

1. Авдина А.И. Вопросы классификации омонимов (на материале словарей омонимов) // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия «Лингвистика». 2022. Т. 19. № 2. С. 52–58. <https://doi.org/10.14529/ling220207> EDN: ILKLBQ
2. Кузьмина Р.В. Грамматические омонимы: фонетические и графические средства их различия // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Т. 1. № 1. С. 52–57. EDN: NEIIDN
3. Ласточкина Е.Г. Лексические омонимы в марийском языке // *Litera*. 2023. № 11. С. 55–61. URL: https://e-notabene.ru/fil/article_68994.html (дата обращения: 10.12.2024). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.11.68994> EDN: FBRQIS
4. Ласточкина Е.Г. Омонимы в современном марийском языке: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2021. 256 с.
5. Ласточкина Е.Г. Вопрос разграничения омонимии и полисемии в современном марийском языке // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 4. С. 569–574. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-4-569-574> EDN: OZOCNO
6. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 3–17.
7. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3–29.
8. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. Лексическая омонимия. 4-е изд. Москва : Айрис-пресс, 2002. 448 с.
9. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Москва : Едиториал УРСС, 1977. 335 с.
10. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва : Просвещение, 1976. 543 с.
11. Авдина А.И. Грамматическая омонимия как специфическое явление языка // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 9. С. 204–211. EDN: RRWMQZ
12. Рамазанова П.М. Омонимы в современном аварском языке: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2002. 161 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/omonimy-v-sovremennom-avarskom-yazyke> (дата обращения: 01.12.2024). EDN: QDPBNL

References

1. Avdina, A. I. 2022. "Classification of homonyms (based on homonym dictionaries)." *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, vol. 19, no. 2, pp. 52–58. <https://doi.org/10.14529/ling220207> EDN: ILKLBQ Print. (In Russ.)
2. Kuzmina, R.V. 2010. "Grammatical homonyms: phonetic and graphical means of distinguishing them". *News of Higher Educational Institutions. The Series "Humanities"*, vol. 1, no. 1, pp. 52–57. EDN: NEIIDN Print. (In Russ.)
3. Lastochkina, E.G. 2023. "Lexical homonyms in the Mari language." *Litera*, no. 11, pp. 55–61, 9 Sept 2024, https://e-notabene.ru/fil/article_68994.html <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.11.68994> EDN: FBRQIS (In Russ.)
4. Lastochkina, E.G. 2021. *Homonyms in the modern Mari language*. Yoshkar-Ola: Mari State University. Print. (In Russ.)
5. Lastochkina, E.G. 2022. "The issue of distinguishing between homonymy and polysemy in the modern Mari language." *Bulletin of the Mari State University*, vol. 16, no. 4, pp. 569–574. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-4-569-574> EDN: OZOCNO Print. (In Russ.)
6. Vinogradov, V.V. 1960. "About homonymy and related phenomena". *Questions of linguistics*, no. 5, pp. 3–17. Print. (In Russ.)

7. Vinogradov, V.V. 1953. “The main types of lexical meanings of a word”. *Questions of Linguistics*, no 5, pp. 3–29. Print. (In Russ.)
8. Rosenthal, D.E., Golub, I.B., and M.A. Telenkova. 2002. *Modern Russian language. Lexical homonymy*. 4th ed. Moscow: Iris-press. Print. (In Russ.)
9. Shmelev, D.N. 1977. *Modern Russian language. Vocabulary*. Moscow: Unified URSS. Print. (In Russ.)
10. Rosenthal, D.E., and M.A. Telenkova. 1976. *Dictionary and reference book of linguistic terms*. Moscow: Education. Print. (In Russ.)
11. Avdina, A.I. 2013. “Grammatical homonymy as a specific phenomenon of language”. *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, no. 9, pp. 204–211. EDN: RRWMQZ Print. (In Russ.)
12. Ramzanova, P. M. 2002. *Homonyms in the modern Avar language* (Dissertation for the degree of Candidate of Sciences). Makhachkala, 1 Oct 2024, <https://www.dissercat.com/content/omonimy-v-sovremennom-avarskom-yazyke> EDN: QDPBNL (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ласточкина Елена Григорьевна — доктор философии (PhD), кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского языка и литературы, Марийский государственный университет, пл. Ленина, д. 1, г. Йошкар-Ола, 424000, Республика Марий Эл, Российская Федерация. ORCID: 0000-0001-7081-1982, eLibrary SPIN-код: 2655-5093. E-mail: antrolea@mail.ru

Bio note:

Elena G. Lastochkina is a Doctor of Philosophy (PhD), Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Mari Language and Literature, Mari State University, 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7081-1982, eLibrary SPIN-code: 2655-5093. E-mail: antrolea@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-39-48

EDN: DXBXQL

Научная статья / Research article

Особенности терминологии ткачества и прядения в марийском языке

Э.И. Пекшеева

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева,
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация
✉ peksheevaelya@rambler.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению и выявлению особенностей лексического фонда, относящегося к ткачеству и прядению, в марийском языке и его диалектах. Данные слова рассматриваются с точки зрения происхождения, семантики и словообразования. Настоящий анализ является одним из необходимых этапов для комплексного исследования ремесленной лексики на материале полевых данных и лексикографических источников. В полученных материалах была выделена лексика, она была классифицирована в соответствии с системой тематических групп и подгрупп. В результате исследования установлено, что кроме слов, совпадающих с лексическими единицами литературного языка, в марийском языке встречаются фонетические, собственно лексические и семантические диалектные слова. Иноязычный пласт анализируемой лексики представлен заимствованиями из чувашского, татарского и русского языков. Необходимость исследования данной темы продиктована малой степенью изученности ткацких и прядильных терминов в марийском языке и его диалектах. Лексика рассматриваемой тематической группы содержит информацию о материальной культуре и хозяйственной деятельности марийцев. В настоящее время прядение и ткачество уходят в прошлое и вместе с этим исчезает и лексика, связанная с этим видом деятельности. Поэтому сбор, систематизация и всесторонний анализ лексики прядения и ткачества являются важной задачей для исследователей. В работе использованы описательный, сравнительно-сопоставительный методы и метод структурно-семантического анализа.

Ключевые слова: марийский язык, диалект, лексика, ткачество, прядение, заимствование

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пекшеева Э.И. Особенности терминологии ткачества и прядения в марийском языке // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 39–48. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-39-48>

© Пекшеева Э.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Peculiarities of the Terminology of Weaving and Spinning in the Mari Language

Elvira I. Peksheeva

Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasiliev,
Yoshkar-Ola, Russian Federation
✉ peksheevaelya@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the study and identification of the features of the lexical fund associated with weaving and spinning in the Mari language and its dialects. These words are considered in terms of origin, semantics and word formation. This analysis is one of the necessary stages for a comprehensive study of craft vocabulary based on field data and lexicographic sources. In the materials received, vocabulary was highlighted, it was classified according to the system of thematic groups and subgroups. As a result of the study, it was established that in addition to words that coincide with the lexical units of the literary language, phonetic, lexical and semantic dialect words are found in the Mari language. The foreign language layer of the analyzed vocabulary is represented by borrowings from the Chuvash, Tatar and Russian languages. The need to study this topic is dictated by the low degree of knowledge of weaving and spinning terms in the Mari language and its dialects. The vocabulary of the subject group under consideration contains information about the material culture and economic activities of the Mari. Nowadays, spinning and weaving are a thing of the past, and with it the vocabulary associated with this type of activity disappears. The collection, systematization and comprehensive analysis of spinning and weaving vocabulary is therefore an important task for researchers. The paper uses descriptive, comparative-comparative methods and a method of structural-semantic analysis.

Key words: Mari language, dialect, vocabulary, weaving, spinning, borrowing

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Peksheeva, E.I. 2025. “Peculiarities of the Terminology of Weaving and Spinning in the Mari Language.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 39–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-39-48>

Введение

Актуальность темы исследования продиктована малой степенью изученности ткацких и прядильных терминов в марийском языке и его диалектах. Лексика рассматриваемой тематической группы заслуживает самого пристального внимания, так как в ней содержится информация о материальной культуре и хозяйственной деятельности марийцев. В настоящее время прядение и ткачество, в прошлом занимавшие большое место в жизни марийского народа, уходят в прошлое. Вместе с этим исчезает и лексика, связанная с этим видом деятельности. Поэтому сбор диалектных слов, их систематизация и всесторонний анализ являются важной задачей для исследователей.

В работе предполагается решение следующих задач: фиксация словарного фонда марийского языка и его диалектов; исследование ткацкой и прядельной лексики с точки зрения фонетических, морфологических, лексических и семантических особенностей путем сравнения диалектного материала с марийским литературным языком; этимологический анализ слов с определением заимствованных лексем и установление источников заимствования.

В статье используются описательный, сравнительно-сопоставительный методы и метод структурно-семантического анализа. Сбор полевого материала осуществлялся посредством наблюдения, опроса по подготовленным заранее вопросам, а также путем тематических бесед.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных ученых Ф.П. Филина [1], А.А. Уфимцевой [2], Д.Н. Шмелева [3], посвященные проблемам лексикологии и диалектологии, по лексикологии марийского языка — работы Д.Е. Казанцева, Г.С. Патрушева [4], Л.И. Барцевой, И.С. Галкина [5] и др.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы при составлении терминологических, диалектологических словарей и лингвистических карт, а также в практике преподавания курсов по диалектологии и лексикологии марийского языка.

Результаты и обсуждение

В отечественном языкознании имеются работы по исследованию словарного фонда, связанного с ткачеством. Одним из фундаментальных трудов, посвященных разработке вопросов ремесленной терминологии, является монография О.Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках» [6], где наряду с другими древними видами производства исследована и лексика текстильного дела. Из финно-угорских языков ткацкая лексика в достаточной степени изучена лишь в мордовских языках. А.Н. Келиной написана кандидатская диссертация «Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках» [7]. Отдельные аспекты данной тематики исследованы в коми языке — в статье Г.Н. Романовой [8], удмуртском — в статье О.В. Титовой [9]. Во многих финно-угорских языках, как и в марийском языке, лексика ткачества и прядения до сих пор остается малоизученной.

Ремесленная лексика представляет собой один из интереснейших пластов словарного состава марийского языка. Тем не менее данная тематическая группа в марийском языкознании до сих пор не была предметом специального лингвистического анализа. Имеется ряд статей и отдельные труды, которые в основном ограничиваются простой фиксацией наименований данной отрасли. С лингвистической точки зрения заслуживают внимания статьи М.С. Янгеловой, которые связаны с лексикой обработки льна и конопли, прядения и ткачества в марийском языке. Ее исследование посвящено терминам ткачества в

словаре О. Беке [10], где рассмотрены восемь подгрупп лексики, связанных с ткачеством: названия сырья и материала, названия действий и процессов, названия лиц по труду, названия орудий ткачества, названия единиц измерения, названия результатов производственных действий и продуктов обработки, названия частей ткацкого станка, названия вышивок [с. 48–49]. В работе М.С. Янгеловой рассмотрена лексика обработки льна, конопли и ткачества в марийском языке, элементы распределены по отдельным подгруппам, а также по словообразовательной структуре [11].

Общие сведения о домашней промышленности и кустарных промыслах у марийцев имеются в труде Т.А. Крюковой [12, с. 48–84], в коллективной монографии «Марийцы» [13, с. 163–167; 208–213]. Ценные материалы содержатся в работе Т.Л. Молотовой «Традиционное марийское ткачество» [14], в которой обобщен этнографический материал о ткачестве марийцев, особенностях выращивания и способах переработки конопли, льна: охарактеризованы ткацкие станы и орудия производства, связанные с изготовлением домашних тканей; рассматривается применение текстильных изделий в быту и обрядах. В конце книги дается словарь основных терминов [Там же. С. 131–136]. Необходимо подчеркнуть, что источниками для написания книги послужили этнографические материалы, собранные автором во время экспедиций в различных регионах проживания марийцев с 1978 по 2004 г. и коллекции Национального музея им. Т.Е. Евсеева Республики Марий Эл [Там же. С. 5].

Главными источниками для написания нашего исследования послужили «Марий мутэр» В.М. Васильева [15], «Марийско-русский словарь» [16], многотомный «Словарь марийского языка» [17; 18] «Словарь северо-западного наречия марийского языка» [19], «Словарь горного наречия марийского языка» [20], «Словарь балтачевского говора марийского языка» [21], «Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии» [22]. Также использованы материалы научного рукописного фонда МарНИИЯЛИ. В результате проведенного исследования нами было зафиксировано более 300 лексических единиц с лугового, горного, северо-западного и восточного наречий марийского языка, которые в большинстве случаев отличаются в фонетическом оформлении.

Среди выявленных терминов можно отметить следующие тематические группы.

1. **Названия ткацкого станка и его частей.** В значении «ткацкий станок» в большинстве изученных говоров используется русское заимствование л., г., с-з. *стан*, *ыстан* (К.), которое часто употребляется в сочетании с уточняющими марийскими словами: л. *куымо стан*, г. *комы стан* (л., с-з. *куымо*, г. *комы* — прич. от глаг. л. *куаш* I, г. *коаш* II ‘ткать’, *стан* ‘станок’); *вынер куымо стан* (л. *вынер*, г. *мбїнер*, с-з. *вбїнер*, *мбїнер* ‘холст’, л., с-з. *куымо*, г. *комы* — прич. от глаг. л., с-з. *куаш* I, г. *коаш* II ‘ткать’, *стан* ‘станок’); л. *вынер стан* (л. *вынер*, г. *мбїнер*, с-з. *вбїнер*, *мбїнер* ‘холст’, *стан* ‘станок’). В данном значении зафиксированы также наименования *снаш* (сарап., менз.), *инас*

(Кадр.). Лексема *снаш* (К.) также обозначает все детали домашнего ткацкого станка в совокупности [22. С. 523].

Понятие «притужальник ткацкого станка; палка для припираания навоя» передается сложным словом *каравондо* (*кара* – самостоятельно не употребляется, *пондо* ‘палка; посох, трость’) и сочетанием *кара тойа* (К.) (*тоя* ‘палка, посох’), *почменге* ‘столбик (часть марийского ткацкого стана для натягивания конца основы при тканье)’ (*поч* ‘хвост’, *менге* ‘столб’). В значении «поднога ткацкого станка» бытуют простые названия л. *тошкалтыш*, г. *ташкалтыш*, *стан тошкалтыш* (*стан* ‘станок ткацкий’, *тошкалтыш* ‘педаль, подножка-рычаг чего-л.’).

Понятие «подпорка в ткацком станке» передается сложным словом г. *пыртыванды* ‘подпорка в ткацком станке’ (*пырты* от гл. *пырташ* ‘пускать, пропускать, впускать кого-л.’ *панды* ‘палка’). Данное слово устаревшее, использовалось в основном в речи представителей горного наречия марийского языка.

Понятие «пришва; подпорка в ткацком станке» передается сложными словами л. *кугывуйвондо*, г. *коговуйванды* I ‘пришва, передний валик в ткацком станке’ (л. *кугу*, г. *кого* ‘большой’, *вуй* ‘голова’, л. *пондо*, г. *панды* ‘палка; посох, трость’), *изивуйвондо* ‘пришва; передний вал, скалка у ткацкого станка для наматывания тканого холста’ (*изи* ‘маленький’, *вуй* ‘голова’, *пондо* ‘палка; посох, трость’). В некоторых говорах марийского языка функционирует сложное название *кугувуйвондо* (лп.) (*кугу* ‘большой’, *вуй* ‘голова’, *пандо* (лп.) ‘палка; посох, трость’). В данной лексеме вместо лит. *пондо* в липшинском говоре употребляется *пандо* (в инлауте вместо лабиализованной гласной среднего подъема, заднего ряда *o* — нелабиализованная гласная нижнего подъема, среднего ряда *a* (o ~ a)).

2. Названия прялки и ее частей. Прядение из волокна ниток считается одним из трудоемких и важных процессов. Для прядения использовали прялки, которые у марийцев были двух типов: с донцем и просто прялка-палка, древний и простой тип прялки [14. С. 34]. Понятие «прялка, самопрялка» передается сложным словом л. *кунчылавондо*, г. *кынзалаванды* (л. *кунчыла*, г. *кынзала* ‘пряжа’, л. *пондо*, г. *панды* ‘палка; посох, трость’), также сочетанием слов *шудырымö орава* л. (л. *шудырымö* — прич. от глг. л. *шудыраш* ‘прясть, спрясть что-л.; скручивая волокна, превращать в нитки’, *орава* ‘колесо’), *кунчыла шудырымö орава* (*кунчыла*, *шудырымö*, *орава* ‘колесо’), *кунчыла шудырымö машина* (*кунчыла*, *шудырымö*, *машина* < рус. машина). В отдельных говорах функционирует русизм *самопрядка* [14. С. 41]. В некоторых марийских говорах функционируют следующие варианты: *кын'д'ыла вондо* (Шия), *кун'би'ж'ыла вондо* (менз.) ‘простая прялка с шестиком и сиденьем; шестик прялки’, *кун'ж'ыла вондо* (УнурК.) (*кун'ж'ыла* ‘пряжа; волокно льна, иногда конопль’, *пондо* ‘палка; посох, трость’) [22. С. 246].

В указанном значении зафиксированы также наименования л. *кунчыла тоя*, *кун'ж'ыла тойа* (Кадр.) (*кун'ж'ыла* ‘пряжа; волокно льна, иногда

конопли’, *тойа* ‘палка, стебель’). В отдельных говорах бытует лексема *пурака, прака* ‘пряслице для прядения нити’, с-з. *пёр’акә*, в. *кава* и русское заимствование *прясла*¹. В этом же значении функционирует название *нõлаш* ‘прясло, пряслень (кольцо, надеваемое на веретено для придания тяжести)’, которое может иметь фонетический вариант *лõлаш*.

3. Названия орудий для обработки волокна. В значении «валёк (для обработки волокна)» употребляются фонетические варианты г. *тьонги*, г. *тьонгыра* ‘валёк; инструмент для колоченья выбеленного на снегу холста’. В отдельных говорах функционирует русизм *валяк* (< рус. валёк).

Понятие «льномялка» выражается наименованиями *туле* ‘мялка для конопли, льна’, *кыне туле* ‘мялка’ (*кыне* ‘конопля’ и *туле* ‘мялка’), *йытын тулымо машина* (*йытын* ‘лен’, *тулымо* ‘прич. от гл. *тулаш* ‘мять (лён, коноплю)’, *машина* < рус. машина).

Для обозначения льнотрепалки употребляются названия л. *почкышвондо*, г. *пачкыш вандёи* (*почкышо, пачкышы* — прич. от глаг. *почкаш, пачкаш* ‘трясти, вытрясти мять, размять’, *пондо* ‘палка; посох, трость’), л. *почкыштоя* (*тоя* ‘палка’).

В значении ‘мотовило; приспособление для сматывания пряжи при ручном тканье’ используются сложные слова *кутлемвондо* (*кутлем* ‘моток (ниток)’, *пондо* ‘палка; посох, трость’), л. *йолвондо*, г. *ялванды*, с-з. *йалванты* (*йол, ял, йал* ‘нога’, *пондо, панды, панты* ‘палка; посох, трость’). В липшинском говоре данный термин претерпел некоторые фонетические изменения: *йалвандо* (лп.) ‘мотовило; снаряд для размотки пряжи для веретена’.

В говорах встречается лексема *йõрак* диал., г. *йõрәк* ‘палочка с дырочкой, используемая при мотании ниток на что-л.’, также описательное название *шӯртõ мундыртымо йõрак* (*шӯртõ* ‘нить, нитка’, *мундыртымо* ‘прич. от гл. *мундырташ* ‘мотать, намотать’, *йõрак* ‘палочка с дырочкой, используемая при мотании ниток на что-л.’). В отдельных говорах встречается русское заимствование *мотовил* (< рус. мотовило).

Необходимо подчеркнуть, что большой пласт составляют лексические единицы, совпадающие со словами марийского литературного языка, например: *вурт* ‘нитченки’, *йолвондо* ‘мотовило’, *вынер* ‘холст’, *кутлем* ‘моток (ниток)’, *каравондо* ‘притужальник’, *ис* ‘бердо, гребень ткацкого станка’, *кунчылавондо* ‘прялка’, *шуша* ‘ткацкий челнок’, *шӯдыр* ‘веретено’, *туле* ‘мялка для конопли, льна’, *кӯляш* ‘кудель’, *шопи* ‘цевка с нитками’ и др.

В ходе исследования выявлено значительное количество лексем, отличающихся от соответствующих слов литературного языка звуковым оформлением, отражающих особенности фонетической системы диалектов и говоров марийского языка. К примеру, в речи марийцев, проживающих в Волжском, Звениговском районах, а также Яранском, Тоншаевском и некоторых других

¹ МФЭ. 1966. № 29.

районах Кировской области, марийских говорах Татарстана и Удмуртии, слова, относящиеся к ткачеству и прядению, имеют некоторые фонетические различия: л. *вурт* ~ г. *вурт* ~ с-з. *варт* ~ *вурт*, *вырт* (Шия), *вурт*, *вёрт* (менз.) ‘нитченки’, л. *вурт тоя* ~ г. *вурт панды* ~ с-з. *варттайя* ‘палки в нитченках’, л. *шондаш* ~ г. *шандаш* ~ с-з. *шантакиш* ‘щетка для чесания кудели’, л. *агуртньо* ~ г. *артньё* ~ с-з. *артн’ё* ‘воробы’, л. *кунчыла* ~ г. *кызала* ~ *кун’ж’ыла* (Кадр.) ~ *кын’д’ыла* (Шия) ~ менз. *кун’ж’ыла*, л. *кўляш* ~ г. *кблйш* ~ *кбильйш* (лп.) ‘кудель’.

В рассматриваемых говорах зафиксированы и собственно лексические диалектные слова, которые отсутствуют в марийском литературном языке, например: *йорак* диал., г. *йорак* ‘палочка с дырочкой, используемая при мотании ниток на что-л.’, г. *пыртыванды* ‘подпорка в ткацком станке’ (*пырты* от гл. *пырташ* ‘пускать, пропускать, впускать кого-л.’ *панды* ‘палка’), г. *каракъял* ‘треножник-подставка для навивания ниток для тканья’, г. *сила* ‘поперечные дощечки, проходящие между нитками основы’ и др.

Следует отметить, что в марийском языке функционируют отдельные лексемы финно-пермского происхождения, например: слово *шуртё* в значении «нитка, нить» (< фп. *šärtz ‘нитка, нить, стержень’) [23. С. 432]; слово *куаш* в значении «ткать, соткать, выткать» (< фп. *куба ‘ткать, вязать’) [23. С. 433] и др.

В словарном фонде, связанном с ткачеством и прядением, в марийском языке выделяются слова, заимствованные из чувашского, татарского и русского языков. Чувашские заимствования претерпели фонетические изменения, лексические значения слов в большинстве случаев сохраняются, например: *ис* ‘бердо’ (ср.: чув. *хёс* II ‘бердо (ткацкая принадлежность)’ [24. С. 348]); *шуша* ‘ткацкий челнок’ (ср.: чув. *йса, уса, сйса* ‘челнок’ [25. С. 90]); *сила* (Г.) ‘поперечные дощечки, проходящие между нитками основы’ (ср.: чув. *силё* ‘название принадлежности ткацкого станка’ [26. С. 234–235; 24. С. 117]) и др.

Татарские заимствования также имеют место в лексике прядения и ткачества марийского языка, например: *агуртн’о, аурн’о* ‘воробы’ (ср.: тат. *аурнә, авёрнә* ‘тж’, башк. *ајернә* ‘крестовина, вороб, мотовило’) [27. С. 7; 28. С. 48]; *кава* в. ‘пряслице’ (ср.: тат., башк. *каба* ‘прялка’) [27. С. 61]; *каткыс* Вбр. ‘крутило (для кручения ниток)’ (ср.: тат. *каткыч* [27. С. 69]); *тараш* Вбр., *тәрәш* блб., менз. ‘чесаный лен’ (ср.: тат., башк. *тәрәш*’ [27. С. 144]) и др.

Слова русского происхождения получили широкое распространение в диалектах марийского языка. Отдельные русизмы при заимствовании претерпели звуковые изменения, например: *раме* ‘рама ткацкого станка’ (< рус. рама); *шпулько* ‘шпулька, цевка’ (< рус. шпулька); *навуй* ‘навой ткацкого станка’ (< рус. навой); *валек* ‘валёк; деревянный брусок для катания белья или выколачивания его’ (< рус. валец); г. *цепка, сепкә* ‘цевка с нитками’ (< рус. цевка) и др. Для большинства русизмов имеются параллельные исконные названия, которые обозначают те же самые предметы, что и лексика иноязычного происхождения.

Заключение

Таким образом, лексика ткачества и прядения в марийском языке и его диалектах представлена довольно богато. При анализе языкового материала установлено, что для выражения многих реалий в обследованных диалектах используются разные наименования. В зависимости от характерных особенностей ткацкую и прядильную лексику марийского языка можно разделить на следующие группы: лексические единицы, совпадающие со словами литературного языка; фонетические, собственно лексические диалектные слова. В ходе исследования выявлено, что в словарном составе рассматриваемой тематической группы присутствуют заимствования из других языков. Иноязычный пласт лексики представлен словами чувашского, татарского и русского происхождения.

Сокращения

Башк. — башкирский язык; **блб.** — белебеевский говор восточного наречия; **в.** — восточное наречие; **Вбр.** — бирский говор восточного наречия; **г.** — горное наречие; **диал.** — диалектное слово; **К.** — д. Калтаково Мензелинского р-на РТ; **Кадр.** — подговор д. Кадряково Агрызского р-на РТ; **л.** — луговое наречие; **лп.** — липшинский говор; **менз.** — мензелинский говор восточного наречия; **рус.** — русский язык; **сарап.** — сарапульский говор; **с-з.** — северо-западное наречие; **тат.** — татарский язык; **УнурК** — д. Унур-Киясово Киясовского р-на УР; **фп** — финно-пермский; **чув.** — чувашский язык; **Шия** — говор д. Большая Шия и д. Каргали Мамадышского р-на.

Список литературы

1. *Филин Ф.П.* Очерки по теории языкознания. Москва : Наука, 1982.
2. *Уфимцева А.А.* Слово в лексико-семантической системе языка. Москва : Наука, 1968.
3. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. Москва : Ленанд, 2017.
4. *Казанцев Д.Е., Патрушев Г.С.* Современный марийский язык : лексикология. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1971. С. 72–79.
5. *Барцева Л.И., Галкин И.С.* Кызытсе марий йылме : лексикологий. Йошкар-Ола : Издат. дом, 2003.
6. *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). Москва : Наука, 1966.
7. *Келина А.Н.* Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1996. EDN: ZJZLAJ
8. *Романова Г.Н.* Прядильная и ткацкая терминология в коми языке // *Fenno-ugristica* : труды по финно-угроведению — 6. Специфические особенности лексики и грамматики уральских языков. Тарту : Тарт. гос. ун-т, 1980. С. 94–102.
9. *Титова О.В.* Лексика ткачества и прядения в говорах северного наречия удмуртского языка // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Т. 14. 2021. С. 49–52. <https://doi.org/10.30853/phil201012> EDN: KUESTV
10. *Янгелова М.С.* Термины ткачества в словаре Ö. Beke «Mari nyelvjárási szótár» (Tschermisssches Dialektwörterbuch) // *Социально-культурное развитие народов Поволжья и Приуралья в XX — нач. XXI веков : материалы межрегион. науч. конф., посв. Дню мар. письменности и 80-летию со дня рождения М.Т. Сергеева* / отв. ред. О.Н. Тихонов. Йошкар-Ола : МарГУ, 2007. С. 47–49.

11. Янгелова М.С. Лексика обработки льна и конопли, прядения и ткачества в марийском языке // Вестник Чуваш. ун-та. 2008. № 3. С. 194–197. EDN: JZGHZR
12. Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1956. EDN: NJFPEK
13. Марийцы : историко-этнографические очерки. Изд. 2-е, доп. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2018.
14. Молотова Т.Л. Традиционное марийское ткачество : монография. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2004.
15. Васильев В.М. Марий мутэр. Түрлө вэре илышэ марийын мутшым танастарен нэргэлымэ кнага. Москва, 1928.
16. Марийско-русский словарь. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.
17. Словарь марийского языка : в 10 томах / Мар. НИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола, 1990–2005.
18. Словарь марийского языка. Доп. том: А–Я / авт.-сост.: А.А. Абрамова, И.С. Галкин, М.Т. Ипакова и др. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2019.
19. Иванов И.Г., Тужаров Г.М. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971.
20. Саваткова А.А. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1981.
21. Ильева А.А. Словарь балтачевского говора марийского языка / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2009.
22. Вершинин В.И. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2011.
23. Основы финно-угорского языкознания : вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва : Наука, 1974.
24. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 томах. Том 2. (Сав-Яштака). Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996.
25. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 томах. Том 1. (А-Ритаван). Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996.
26. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / под ред. И.С. Галкина. Саранск : Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. 336 с.

References

1. Filin, F.P. 1982. *Essays on the theory of linguistics*. Moscow: Science. Print. (In Russ.).
2. Ufimtseva, A.A. 1968. *Word in the lexical-semantic system of the language*. Moscow: Science. Print. (In Russ.)
3. Shmelev, D.N. 2017. *Problems of semantic analysis of vocabulary*. Moscow: Lenand. Print. (In Russ.)
4. Kazantsev, D.E., and G.S. Patrushev. 1971. *Modern Mari language. Lexicology*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, pp. 72–79. Print. (In Russ.)
5. Bartseva, L.I., and I.S. Galkin. 2003. *Kyzytse mari yylme. Lexicologies*. Yoshkar-Ola: Publishing House. Print. (In Mari.)
6. Trubachev, O.N. 1966. *Craft terminology in Slavic languages (etymology and experience of group reconstruction)*. Moscow: Science. Print. (In Russ.)
7. Kelina, A.N. 1996. *Terminology of weaving in Mordovian (Moksha and Erzya) languages*: Candidate of Philological Sciences Thesis. Saransk. EDN: ZJZLAJ Print. (In Russ.)
8. Romanova, G.N. 1980. “Spinning and weaving terminology in the Komi language.” In *Fennougristica. Works on Finno-Ugric Studies — 6. Specific features of the vocabulary and grammar of the Ural languages*. Tartu: Tartu State University, pp. 94–102. Print. (In Russ.)
9. Titova, O.V. 2021. “Vocabulary of weaving and spinning in dialects of the northern dialect of the Udmurt language”. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, vol. 14, pp. 49–52. <https://doi.org/10.30853/phil201012> EDN: KUESTV Print. (In Russ.)

10. Yangelova, M.S. 2007. “Terms of weaving in the dictionary Ö. Beke “Mari nyelvjárás szótár” (Tscheremissisches Dialektwörterbuch).” In *Socio-cultural development of the Volga and Ural peoples in the XX — beginning XXI centuries*. Yoshkar-Ola: Mari State University, pp. 47–49. Print. (In Russ.)
11. Yangelova, M.S. 2008. “Vocabulary of flax and hemp processing, spinning and weaving in the Mari language.” *Bulletin of the Chuvash University*, no. 3, pp. 194–197. EDN: JZGHZR Print. (In Russ.)
12. Kryukova, T.A. 1956. *Material culture of the Mari of the XIX century*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House. EDN: NJFPEK Print. (In Russ.)
13. Mari people. 2018. *Historical and ethnographic essays*. Yoshkar-Ola. Print. (In Russ.)
14. Molotova, T.L. 2004. *Traditional Mari weaving*. Yoshkar-Ola. Print. (In Russ.)
15. Vasiliev, V.M. 1928. *Mari Muter*. Mari Dictionary. Moscow. Print. (In Mari)
16. *Mari-Russian dictionary*. 1956. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. Print. (In Mari, Russ.)
17. *Dictionary of the Mari language*: 10 vol. 1990–2005. Yoshkar-Ola. Print. (In Russ.)
18. *Dictionary of the Mari language*. Add. vol: A-Ya. 2019. Yoshkar-Ola. Print. (In Russ.)
19. Ivanov, I.G., and G.M. Tuzharov 1971. *Dictionary of the northwestern dialect of the Mari language*. Yoshkar-Ola. Print. (In Mari, Russ.)
20. Savatkova, A.A. 1981. *Dictionary of the mountain dialect of the Mari language*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House. Print. (In Mari, Russ.)
21. Ilieva, A.A. 2009. *Dictionary of the Baltach dialect of the Mari language*. Yoshkar-Ola: Mari State University. Print. (In Mari, Russ.)
22. Vershinin, V. I. 2011. *Dictionary of Mari dialects of Tatarstan and Udmurtia*. Yoshkar-Ola. Print. (In Mari, Russ.)
23. *Fundamentals of Finno-Ugric linguistics: Issues of the origin and development of Finno-Ugric languages*. 1974. Moscow: Science. Print. (In Russ.)
24. Fedotov, M.R. 1996. *Etymological dictionary of the Chuvash language*, vol. 2. (Sav–Yashtaka). Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities. Print. (In Russ., Chuvash)
25. Fedotov, M.R. 1996. *Etymological dictionary of the Chuvash language*, vol. 1. (A–Ritävän). Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities. Print. (In Russ., Chuvash)
26. Fedotov, M.R. 1990. *Chuvash-Mari language relationships*. Saransk: Saratov Publishing House, Branch of Saransk University. Print. (In Russ., Chuvash, Mari)

Сведения об авторе:

Пекшеева Эльвира Ивановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы, истории им. В.М. Васильева, Российская Федерация, 424000, Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44. ORCID: 0009-0004-3091-9189. E-mail: pekshееvaelya@rambler.ru

Bio note:

Elvira I. Peksheeva is a Candidate of Philology, Senior Researcher of Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasiliev, 44 Krasnoarmeiskaya St, 424031, Yoshkar-Ola, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-3091-9189. E-mail: pekshееvaelya@rambler.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-49-66

EDN: GCPBSP

Научная статья / Research article

Лингвистические особенности эргономического пространства центральных улиц Йошкар-Олы и Казани

И.Г. Иванова , Ф.Я. Хабибуллина ✉

*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Российская Федерация,
✉ khflora@yandex.ru*

Аннотация. Эргономическое пространство городов, являясь неотъемлемой частью ономастического пространства, имеет ряд особенностей и является средством выражения языковой личности номинаторов. В исследовании рассматривается эргономический ландшафт центральных улиц городов Йошкар-Олы — столицы Республики Марий Эл и Казани — столицы Республики Татарстан в сравнительном аспекте. Актуальность изучения эргонимикона региональных городов в современной России важна в силу особой динамичности и отражающихся в них общественных процессов. Урбанонимы как наименования объектов различного функционального профиля являются индикатором предпочтительных языков для наименования городских объектов, а также выступают маркером сфер функционирования языков на данной территории. Цель исследования — выявление специфики эргонимов г. Йошкар-Олы и г. Казани на лексико-семантическом уровне в дихотомии прямая мотивация / косвенная мотивация. Процесс номинации обусловлен рядом факторов как собственно лингвистического, так и лингвокультурного характера. Лингвистические характеристики проявляются в лексико-семантических особенностях наименований различных типов предприятий, которые указывают на свойства объекта и содержат компонент, указывающий на признак наименования. Среди эргонимов с прямой мотивацией выделены семантические группы, которые характеризуются отличительными признаками, лежащими в основе номинации: профиль предприятия, геолокация объекта, указание на адресата (потребителя), указание на адресанта (владельца предприятия). Наименования с косвенной мотивацией содержат компонент, сигнализирующий о признаке объекта мотивации и построенный на тропах. Являясь лингвокультурным образованием, эргонимы выступают в качестве культурных ориентиров и социальных приоритетов современного общества изученных российских регионов. Выявлено, что процессом, способствующим изменению эргонимикона городов Йошкар-Олы и Казани, является проявление национальной идентичности. Рассмотрены наиболее частотные производящие основы эргонимов, представлены их тематические классификации. Материалом послужили 486 наименований предприятий общественного питания, торгово-промышленных центров, объектов культурно-развлекательного назначения, салонов красоты, пунктов сервисного обслуживания, туристических агентств и др., отобранных методом полевого исследования, наблюдения и дескрипции, которые были реализованы в приемах сбора, систематизации, классификации, обобщения и интерпретации языкового материала с привлечением статистического анализа. В результате исследования выявлены наиболее употребительные источники

© Иванова И.Г., Хабибуллина Ф.Я., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

номинирования: региональные — марийские и татарские — заимствования из русского, западноевропейских и восточных языков, в том числе стран СНГ. Наиболее репрезентативными являются эргонимы, указывающие на национальную специфику и региональную принадлежность.

Ключевые слова: городской ономастикон, эргонимы, полилингвальный регион, Казань, Йошкар-Ола

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Иванова И.Г.* — концепция исследования, аннотация, обзор литературы, сбор и обработка материала по г. Йошкар-Ола, Заключение, перевод на английский язык; *Хабидуллина Ф.Я.* — концепция исследования, аннотация, обзор литературы, сбор и обработка материала по г. Казань, Заключение, составление списка литературы.

Для цитирования: *Иванова И.Г., Хабидуллина Ф.Я.* Лингвистические особенности эргономического пространства центральных улиц Йошкар-Олы и Казани // Полилингвальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 49–66. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-49-66>

Linguistic Features of the Ergonomic Space of the Central Streets of Yoshkar-Ola and Kazan

Iraida G. Ivanova ^{ORCID}, Flera Ya. Khabibullina ^{ORCID}✉

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

✉ khflora@yandex.ru

Abstract. The ergonomic space of cities, being an integral part of the onomastic space, has several features and is a means of expressing the linguistic personality of nominees. The article examines the ergonomic landscape of the central streets of the cities of Yoshkar-Ola, the capital of the Republic of Mari El, and Kazan, the capital of the Republic of Tatarstan, in a comparative aspect. The relevance of studying the ergonymicons of regional cities in modern Russia is important due to the special dynamism and social processes reflected in them. Urbanonyms as names of objects of various functional profiles are an indicator of preferred languages for naming urban objects, and act as a marker of the spheres of functioning of languages in a given territory. The purpose of the article is to identify the specifics of ergonyms of Yoshkar-Ola and Kazan at the lexico-semantic level in the direct motivation/indirect motivation dichotomy. The nomination process is determined by several factors, both linguistic and linguocultural in nature. Linguistic characteristics are manifested in the lexical and semantic features of the names of various types of enterprises, which indicate the properties of the object and contains a component indicating the sign of the name. Semantic groups are identified among ergonyms with direct motivation, which are characterized by distinctive features underlying the nomination: the profile of the enterprise, the geolocation of the object, an indication of the receiver (consumer), an indication of the sender (owner of the enterprise). Names with indirect motivation contain a component that signals the sign of the object of motivation, built on trails. Being a linguistic and cultural phenomenon, ergonyms act as cultural landmarks and social priorities of the modern society of the studied Russian regions. It is revealed that the process contributing to the change of the ergonymicon of the cities of Yoshkar-Ola and Kazan is the manifestation of national identity. The most frequent generating bases of ergonyms are considered, and their thematic classifications are presented. The material consisted of 486 names of public

catering enterprises, shopping and industrial centers, cultural and entertainment facilities, beauty salons, service points, travel agencies, etc., selected by field research, observation and description, which were implemented in methods of collecting, systematizing, classifying, generalizing and interpreting linguistic material using statistical analysis. The study revealed the most used sources of nominating: regional — Mari and Tatar, borrowings from Russian, Western European and Eastern languages, including the CIS countries. The most representative are ergonyms indicating national specifics and regional affiliation.

Key words: urban onomasticon, ergonyms, multilingual region, Kazan, Yoshkar-Ola

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Authors' contributions: *Ivanova I.G.* — research concept, abstract, literature review, collection and processing of material on the city of Yoshkar-Ola, Conclusion, translation into English. *Khabibullina F.Ya.* — research concept, abstract, literature review, collection and processing of material on the city of Kazan, Conclusion, compilation of the list of references.

For citation: Ivanova, I.G., and F.Ya. Khabibullina. 2025. "Linguistic Features of the Ergonomic Space of the Central Streets of Yoshkar-Ola and Kazan." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 49–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-49-66>

Введение

Быстрый рост и развитие городов, повышение их роли в развитии общества в целом способствуют появлению новых предприятий, наименования которых становятся объектом изучения различных наук. Разные аспекты языка города исследуются историками, социологами, этнографами, философами, лингвистами, культурологами и т. д. Данная статья посвящена изучению функционирования урбанонимов в полиэтническом пространстве региональных городов Российской Федерации: Йошкар-Олы — столицы Республики Марий Эл и Казани — столицы Республики Татарстан.

Научная новизна нашего исследования заключается в том, что изучению и научному описанию подвергаются функционально-семантические особенности эргонимикона центральных улиц тополексеми лингвистического поля рассматриваемых городов в сравнительном аспекте.

Лингвистический анализ городских топообъектов г. Казани представлен в ряде работ, посвящённых обзору эргонимического пространства центральных улиц Казани (ул. Петербургская, ул. Хади Такташа, ул. Туфана Миннулина) [1. С. 35–39], анализу топонимов и антропонимов в эргонимиконе г. Казани [2], исторических эргонимов, относящихся к торговле, как части эргонимического пространства г. Казани XVII — начала XX в. [3], исследованию лингвокреативных тенденций в оформлении современного эргонимического пространства на материале наименований билингвальной Казани [4. С. 203–208]. Сравнительный аспект исследований топонимов проведён на материале г. Казани и г. Саламанки [5. С. 7–11], г. Мадрида и г. Казани [6. С. 34–39].

Появление новых урбанонимов в столице Республики Марий Эл М.В. Стафиевская и Д.А. Жуков соотносят с развитием культурно-политических связей между родственными финно-угорскими народами, а их устойчивое бытование в речи — с мотивированностью, выразительностью и удобством использования. Авторы представляют результаты изучения влияния российско-венгерских отношений на историко-культурное пространство Йошкар-Олы [7. С. 26–31]. Ф.Я. Хабибуллина и И.Г. Иванова исследовали заимствования в урбанонимах Йошкар-Олы с отантропонимным компонентом [8]. Ими представлено описание лексико-семантических и структурно-грамматических особенностей политических топонимов в региональных урбанонимах, отражающих концепт «политик» [9. С. 39–42].

Город, создавая многомерный социальный облик всего населения, расценивается как платформа, где осуществляется не только взаимодействие экономической, политической и культурной жизни, но и объединение в единое целое различных территорий, народов и видов их деятельности. Язык города отражает картину мира носителей языка, проживающих в данном населённом пункте. Полилингвальность и поликультурность пространства манифестируется в наименованиях топообъектов.

Город Йошкар-Ола (луговомар. *йошкар* «красный», *ола* «город»), то есть Красный Город, устар. Царла, Чарла) — столица Республики Марий Эл. Город расположен в центре европейской части России, на востоке Восточно-Европейской равнины и находится в составе Волго-Вятского экономического района. Он основан во время третьей черемисской войны в 1584 г., связанной с покорением Русским государством Казанского ханства, как крепость «Царёв город» на землях марийцев (устарев. черемисов). До 1919 г. назывался Царевококшайск, в период с 1919 по 1928 г. — Краснококшайск. В городе проживают представители более 88 национальностей, основными из которых являются марийцы, русские, татары.

Город Казань (тат. *Казан* «котёл») — столица Республики Татарстан, исторический центр Казанского ханства, Казанского уезда, Казанской губернии и Татарской АССР. Город был основан в 1004–1005 гг. Абд ар-Рахман ибн Мумином как пограничная крепость на севере Волжской Булгарии. В XIII–XIV вв. Казань становится важным торговым и политическим центром в составе Золотой Орды. В настоящее время это крупнейший город Поволжского экономического района, расположенный на левом берегу реки Волги. Казань является одной из самых многонаселённых (пятое место в РФ) и многонациональных городов России (свыше 115 национальностей: татары, русские, чуваша, мордва, удмурты, марийцы и др.). Город имеет зарегистрированный бренд «Третья столица России».

Столицы двух Республик — Марий Эл и Татарстана — принадлежат к единому геоареоалу и находятся на расстоянии 146 км. Близость расположения, общее историческое прошлое, многонациональный состав населения и поли-

лингвальная ситуация позволяют провести сравнительно-сопоставительное изучение эргоники городов, расположенных в контактной зоне двух региональных образований Российской Федерации.

Изучение эргонимов городов Йошкар-Олы и Казани осуществлялось нами в топостранстве главных пешеходных артерий города — бульвара Чавайна и улицы Баумана.

Бульвар Чавайна (мар. *Чавайн бульвар*) сформировался в конце 1950-х — начале 1960-х гг. по проекту Ю. Казаринова. Протяженность бульвара составляет 2 километра. Он находится в центре города: берёт начало от ул. Кирова и заканчивается монументальной Аркой Центрального парка на ул. Комсомольская. Современный облик бульвар получил в 1960 г., а само название — в 1964 г., когда ему было присвоено имя основоположника марийской литературы Сергея Григорьевича Чавайна (1888–1937). Наименование бульвара означает принадлежность к роду Чавая — легендарного марийского богатыря. Памятник поставили в 1978 г. к девяностолетию марийского классика. В 1990-х гг. в левобережной части бульвара установили памятники знаменитым деятелям культуры И.С. Ключникову-Палантаю и А.С. Крупнякову. Бульвар является местом проведения мероприятий и массовых гуляний в праздничные дни. На нём расположены мемориальные объекты, торговые, медицинские и другие центры.

Улица Баумана (тат. *Бауман урамы*) — главная и частично пешеходная улица в Казани, расположенная в историческом центре города. Это одна из самых старых улиц Казани, являющаяся ядром Казанского посада. В различные периоды своего существования улица носила следующие наименования: в эпоху Казанского ханства она называлась Ногайской дорогой; после штурма Казанского Кремля (1552 г.) московскими войсками Ивана Грозного обе его стены были проломлены взрывами. Поэтому улица была названа первоначально Проломной, а затем Большой Проломной; новое наименование улицы — Богоявленская — связано с сооружением одноимённой церкви в её южной части (XVI в.). В 1930 г. улица была переименована в честь уроженца Казани Николая Эрнестовича Баумана, российского революционера, деятеля большевистского крыла РСДРП. В 1996 г. улица стала первой в городе пешеходной зоной протяженностью 1885 м. Популяризация улицы Баумана как объекта городской достопримечательности в течение XX — начале XXI вв. привела к тому, что туристы стали основными потребителями услуг, предоставляемых на улице. Это является закономерностью не местного значения, а общемировой тенденцией для пешеходных улиц в исторических городах, ставших туристическими «мекками» [10. С. 60–61]. В настоящее время на улице Баумана расположены историко-культурные достопримечательности, объекты торговли, центры развлечений и досуга, рестораны и предприятия быстрого питания, элементы благоустройства и др. На улице традиционно проводятся массовые

народные гуляния, музыкальные, танцевальные и театрализованные представления, культурно-развлекательные мероприятия и акции.

Таким образом, язык центральных магистралей городов отражает историю, быт, традиции, культуру, образ жизни населения, включая в себя огромное пространство номинаций различных типов городских объектов. Одним из компонентов письменной языковой картины города являются эргонимы, служащие для обозначения построек различного функционального профиля: дом, предприятие, фирма, магазин, спорткомплекс, рынок, кинотеатр, здание общественного назначения и т.д.), а также наименования учреждений, деловых объединений и т.п.

Термин эргоним (греч. *ἔργον* «работа, дело, творение» и *ὄνομα* «имя») впервые использован Н.В. Подольской для наименования предприятий или организаций, осуществляющих деятельность в различных сферах жизни общества (политической, экономической, социальной, духовной) [11. С. 179].

Результаты и обсуждение

В рамках данного исследования рассматриваем имена собственные деловых учреждений, фирм, банков, заведений общественного питания, торгово-развлекательных центров, культурно-досуговых центров, медико-фармацевтических учреждений и др. Основой для классификации эргонимов служат ведущие функции коммерческих имён: информативные, рекламно-информативные, рекламные и номинативные. Следовательно, эргоним, напрямую отражая сложную мыслеречевую деятельность номинатора, характеризуется многофункциональностью. Ядром эргонимического поля является рекламно-информативный тип; периферия представлена номинативным видом. Номинативная функция позволяет идентифицировать объект; информативная и рекламная функции предназначены для сферы реализации товаров и услуг. Наименования содержат информацию преимущественно двух типов: рекламную (выделительно-оценочная характеристика) и рациональную (сообщение об объекте продажи) [12. С. 106]. Для реализации рекламной функции используются различные средства, среди которых выделяются наиболее универсальные:

- 1) структурно-словообразовательные;
- 2) семантико-стилистические и лексические, в том числе заимствования;
- 3) графические.

Таким образом, являясь именем собственным, эргонимы выделяют предмет из ряда однородных, обладают свойственной им структурой и значением. Эргоним имеет ряд специфических (дополнительных) функций, среди которых:

- 1) номинативно-выделительная;
- 2) информативная;
- 3) рекламная;
- 4) эстетическая.

Лексико-семантический анализ современной эргонимии городов Йошкар-Олы и Казани позволяет выделить мотивированные и немотивированные онимы. Под мотивированными наименованиями подразумевается микротекст, отражающий непосредственную связь со сферой деятельности предприятия. Согласно теории Н.В. Михайлюковой, вывески с мотивированной номинацией подразделяются на названия прямой, косвенной и условной мотивации [13. С. 10]. Онимы с прямой мотивацией несут наибольшую информацию об объекте городской среды. Данный тип непосредственно выделяет свойства предприятия и содержит структурный элемент, прямо указывающий на признак наименования.

На основе фактологического материала среди эргонимов с **прямой мотивацией** следует выделить несколько семантических групп, которые характеризуются отличительными признаками, лежащими в основе номинации (здесь и далее приведены реальные адреса в городах Йошкар-Ола и Казань):

1. **Указание на сферу его деятельности.** Данная группа включает наименования городских объектов, мотивированных предметной лексикой, которые сообщают:

– **о профиле предприятия:** «ХимRussia» (ул. Баумана, 26) (производство автохимии, клининговой и бытовой химии), «Гончарная студия № 1» (ул. Баумана, 51) (гончарная мастерская); «Старая проломная аптека» (ул. Баумана, 49) — аптека, которая сохранила своё старое название; «Тимбер» (англ. *timber* «лесной, строевой») (ул. Баумана, 26) — предприятие по деревообрабатывающей промышленности: древесина, лесоматериалы, строевой лес); «Мебельное бюро» (б. Чавайна, 45) — предприятие по изготовлению мебели; «РемБлагСтрой» — предприятие по ремонту, строительству, монтажу (Чавайна, 36); «Хлебница пекарня», «Государевы пекарни» (Чавайна, 36) — предприятия по производству хлебобулочных изделий); «Бухгалтерская фирма» (Чавайна, 36) — организация по оказанию бухгалтерских услуг;

– **об ассортименте торговли:** «38 Магазин игрушек и канцтоваров» (б. Чавайна, 45) — магазин по продаже товаров для детей и канцтоваров; магазин «Мир книги» (б. Чавайна, 14) — магазин по продаже книг и канцтоваров; магазин продуктов пчеловодства «Колода мёда» (б. Чавайна, 36); магазин «Часовой центр» (ул. Баумана, 74) — магазин по реализации часов; магазин «Китаплар» (ул. Баумана, 19) — магазин по продаже книг; «Экскурсионная Казань» (ул. Баумана, 47) — бюро по организации экскурсий по городу; ресторан монокухни «Пельмения» (ул. Баумана, 9) — пункт питания, предлагающий пельмени в ассортименте; аптека «Татхимфармпрепараты» (ул. Баумана, 49) — крупнейший производитель лекарственных препаратов в России, один из лидеров по выпуску таблетированных препаратов и др.;

– **о месте производства товара:** спортивный бар для болельщиков «Жигулевские звезды» (ул. Баумана, 42); магазин текстиля и предметов интерьера «Ивановский трикотаж» (б. Чавайна, 12); магазин обувной фирмы «Юничел»

(б. Чавана, 16) (англ. *union* «союз», «чел» — сокращение от названия города Челябинск).

2. Указание на местоположение городского объекта. Данный тип включает как официальные, так и неофициальные урбанонимы. Наименования указывают на местоположение городского объекта, помогают потребителю быстрее обнаружить определенное предприятие.

Под официальными урбанонимами следует понимать действующие наименования объектов городской среды, характеризующиеся их местоположением, например: магазин по реализации игрушек «*Магазин игрушек на бульваре Чавайна*» (б. Чавайна, 12); «*Магазин мясной продукции на бульваре Чавайна, 16*»; фотостудия «*Портрет на бульваре Чавайна*» (б-р Чавайна, д 16); салон красоты «*Релакс на Бульваре*» (б. Чавайна, 15Б); «*Продуктовый магазин на улице Баумана*» (ул. Баумана, 25) — магазин продуктов питания и напитков, расположенный на одноименной улице; «*Магазин сувениров на улице Баумана*» (ул. Баумана, 25); «*Магазин печатной продукции на улице Баумана*» (ул. Баумана, 52); «*Туристско-информационный центр*» (ул. Баумана, 49).

К неофициальным урбанонимам относятся «*Монастырская лавка*» (ул. Баумана, 1) — магазин по реализации религиозных товаров при Иоанно-Предтеченском мужском монастыре, единственном культовом учреждении подобного типа на улице Баумана; «*На Крыше*» (ул. Баумана, 82) — панорамный лофт-ресторан, указывающий на его расположение и название стиля, заимствованного из английского языка (*loft* «чердак»).

3. Указание на адресата. Данная группа урбанонимов характеризуется направленностью объекта предприятия на различные социальные характеристики потребителя:

а) **возрастные характеристики:** детское кафе «*Baby bar*» (ул. Баумана, 44), «*Экият*» («Сказка») (ул. Баумана, 58) — единственное семейное кафе в Казани, которое работает с 1970 г., где маленькие посетители могут выбрать блюда из специального детского меню и посетить игровую комнату; магазин «*Детская подростковая одежда*» (б. Чавайна, 10); магазины товаров для детей «*МалышОК*» (б. Чавайна, 33); «*Любимый кроха*» (б. Чавайна, 12); детская стоматологическая клиника «*32 Kids*» (б. Чавайна, 41а); детский клуб «*Страна чудес*» (б. Чавайна, 36);

б) **гендерные характеристики:** магазины женской одежды «*Леди Шарм*» (б. Чавайна, 12); «*Белая Леди*» (б. Чавайна р, 36); магазин парфюмерии и косметики «*La belle*» (б. Чавайна, 16); салон красоты «*Osoba*» (б. Чавайна, 43); свадебный салон «*Королева бала*» (б-р Чавайна, 36); магазин «*Все для женщин и мужчин*» (б-р Чавайна, 12); магазин мужской одежды «*Дмитрий*» (б. Чавайна, 12); магазин женской декоративной косметики и парфюмерии «*Лилиана*» (ул. Баумана, 29); бутик мужской одежды «*Pioneer London*» (ул. Баумана, 38); салон красоты «*Barbershop chair*» (ул. Баумана, 82) (мужская парикмахерская); мужская парикмахерская «*Bolton barbershop*» (б. Чавайна, 40); «*DIVA*»

beauty» (ул. Баумана, 82) (салон красоты для женщин); медицинская организация по комплексному ведению беременности «*Мир женщины*» (б. Чавайна, 36);

в) **профессия и род деятельности**: магазин рыболовных принадлежностей «*Поплавок*» (б. Чавайна, 12); туристическое агентство «*Бридж тур*» (б. Чавайна, 8); магазин товаров для ремонта видео и аудиотехники «*Эксперт*» (б. Чавайна, 16); ателье-ремонт одежды «*Рукодельница*» (б. Чавайна, 16); мастерская по ремонту одежды «*Мастерица*» (б. Чавайна, 12), салон связи «*Мастер-gsm*» (б. Чавайна, 12); мужская парикмахерская «*Mybarber*» (ул. Баумана, 47); экскурсионное бюро «*Эксперт туризма*» (ул. Баумана, 70); салон бытовых услуг «*VIP-Master*» (ул. Баумана, 51); кафе-столовая «*Кудесник вкуса*» (ул. Баумана, 20);

г) **указание на социальный и материальный статус**: магазин женской одежды «*Королевский размер*» (б. Чавайна, 12); гастронаб «*ФрендЫ*» (б. Чавайна, 36) (англ. *friend* «друг») — тематический бар, оформленный в стиле сериала «Друзья» «*F.R.I.E.N.D.S.*» (ул. Баумана, 44, 47, 51, 62); бюджетный ресторан, гастронаб «*For People*» (ул. Баумана, 13) — кафе с демократическими ценами и ассортиментом блюд класса фаст-фуд; свадебный салон «*Императрица*» (ул. Баумана, 29); компания по организации экскурсий по Татарстану «*Хан Тур Казань*» (ул. Баумана, 26); пункт общественного питания «*Добрая столовая*» (ул. Баумана, 21) — для категории потребителей со средними доходами; популярное кафе для широкого класса потребителей «*Простая еда*» (б. Чавайна, 45).

4. **Указание на адресанта**. Большинство эргонимов данной группы содержит в себе информацию о владельце предприятия и мотивировано названиями, основанными на именах собственных: «Адвокатский кабинет *Винокурова С.В.*» (б. Чавайна, 36); кабинет психологической помощи «*Психолог Завиткевич И.М.*» (б. Чавайна, 36); «Музей *Константина Васильева*» (ул. Баумана, 29); магазин кондитерских изделий «*Елена*» (б. Чавайна, 29а); «*Saxar*» (владелец) (ул. Баумана, 82); салон красоты «*Tiffani*» (ул. Баумана, 82) — по аналогии с *Tiffany & Co.* — американский дом по производству престижных ювелирных изделий и дизайна со штаб-квартирой на Пятой авеню в Манхэттене, США. 14 сентября 1837 г. Льюис Тиффани и Джон Янг открыли свой первый магазин на центральной торговой улице Нью-Йорка — Бродвее, назвав его «*Tiffany & Young*». Бренд известен предметами роскоши, особенно ювелирными изделиями из серебра и бриллиантов.

Ряд имён собственных выбраны владельцем в качестве эргонимов лишь потому, что эти имена вызывают у него положительные эмоции: салон шуб «*Джордано*» (ул. Баумана, 51), *Giordano / Giordano International Limited* — китайская сеть магазинов и дистрибуторских центров мужской, женской и детской одежды, известный бренд фирменной спортивной одежды, в том числе верхней. Компания основана в 1981 г. в Гонконге Джимми Лаем. Название в итальянском стиле спонтанно скопировано с нью-йоркской пиццерии. Каждый

случай возникновения наименования в этой группе индивидуален, например, названия парикмахерских и салонов красоты: «*Pavlov Studio*» (ул. Баумана, 26); «*Leopold Hair Studio*» (ул. Баумана, 70); студия красоты «*Kate Style*» (б. Чавайна, 36); художественный салон «*Еленин Дом*» (б. Чавайна, 45).

Топонаименования с **косвенной мотивацией** прямо не отражают свойств городских объектов, но «они содержат структурный компонент, так или иначе указывающий на признак объекта мотивации, — то есть могут быть построены на метафоре, метонимии или на сочетании этих тропов» [4, с. 30]. Особое место в эргонимах данного типа приобретает коннотативное значение. Так, текст вывески кондитерской «*Замок сладостей*» (ул. Баумана, 47) не просто сообщает об ассортименте данного заведения, но и свидетельствует о том, что купленные в магазине пирожные и торты приносят счастье. Интерьер другой кондитерской «*Сладости и радости*» (ул. Баумана, 86) выполнен в сказочном стиле и прямо указывает, что, покупая продукцию, клиент гарантированно испытает чувство радости. На аналогичной коннотации построены следующие эргонимы: свадебный салон «*Счастье на улице Баумана*» (ул. Баумана, 5); свадебный салон «*Роза Любви*» (ул. Баумана, 15); цветочный салон «*Лавка Счастья*» (б. Чавайна, 16); магазин кондитерских изделий «*Сладкий мир*» (б. Чавайна, 12); магазин одежды «*Дамское счастье*» (б. Чавайна, 12); товары для праздника «*Happy Day*» (б. Чавайна, 12). Подобная же коннотативность наблюдается и в следующих эргонимах: меховой салон «*Скандинавия*» (ул. Баумана, 51) — свойство предлагаемого товара — сохранять тепло даже в условиях северных широт; салон меховых изделий «*Снежная королева*» (ул. Баумана, 51) — коннотативная сема «снежная» продвигает идею о том, что меховые изделия, реализуемые данным салоном, позволят покупательнице выглядеть королевой даже в условиях суровой снежной зимы; туристическая компания «*Спутник-Гермес-Казань*» (ул. Баумана, 51) — входящие в состав названия фирмы компоненты выражают мысль о комфортном сопровождении в путешествии, поскольку Гермес — древнегреческий бог — покровитель путей и путников будет вашим спутником на протяжении всей поездки.

Эргонимы с условной мотивацией не указывают на содержание понятия, заключенного в наименовании предмета. Данные эргонимы основываются на символическом признаке мотивации, например, в названиях баров и спорт-баров: «*Hemingway*» (ул. Баумана, 36) (рыбный ресторан, аллюзия на повесть Э. Хемингуэя «Старик и море»), «*Дуть*» (ул. Баумана, 58а) (лаунж — бар, кальян — бар, авторский коктейльный бар, чайный сервис); «*Дымь*» (б. Чавайна, 36) (бар паровых коктейлей), салон-магазин по реализации мобильных телефонов марки Apple «*Яблоко*» (б. Чавайна, 16).

Данные онимы не всегда сообщают потребителю информацию о назначении предприятия, но создают образ в сознании покупателя. Отсутствие мотивированности в семантике приведенных эргонимов требует от адресата обращения к родовым обозначениям, которые выступают в качестве коммуника-

тивных опознавателей (салон-парикмахерская, книжный магазин, продовольственный магазин и т.п.): общественный пункт питания «*Столовая № 1*» (ул. Баумана, 50) (лучшая столовая); аптека «*Ладушка*» (ул. Баумана, 47) — гарантия в выздоровлении, улаживании проблем со здоровьем, усиленное уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ушк-*; развлекательный, культурно-досуговый центр «*Smile Park*» (ул. Баумана, 17) — получение положительных эмоций; салон маникюра и педикюра «*Пальчики*» (ул. Баумана, 36) — ухоженность ногтей рук и ног; магазин обуви «*Идеал*» (ул. Баумана, 42) — совершенное воплощение чего-либо, высшая степень качества; стоматцентры «*Смайл*» (б. Чавайна, 13а), «*Жемчужина*» (б. Чавайна, 20б) — здоровые и белые зубы; салон оптики «*Престиж*» (б. Чавайна, 16) — известность фирмы, основанная на высокой оценке; студия красоты «*Глянец*» (бульвар Чавайна, 12а) — блеск ухоженного лица; пункт реализации протезных и ортопедических товаров «*Ортопедический центр № 1*» (б. Чавайна, 45) — превосходство над другими магазинами данной сферы.

5. Эргонимы, указывающие на региональную принадлежность и национальную специфику объекта. Для городов Йошкар-Ола и Казань наиболее репрезентативными являются:

– *названия, образованные с помощью одноимённых ойконимов* Йошкар-Ола и Казань, Марий Эл и Татарстан и их производных: «Национальный банк *Республики Татарстан*» (ул. Баумана, 37); «Академия наук *Республики Татарстан*» (ул. Баумана, 20); книжный магазин «*Татарское* книжное издательство» (ул. Баумана, 51); «*Татарская* кухня National food» (ул. Баумана, 47); Ресторан «Дом *татарской* кулинарии» (ул. Баумана, 31); аптека «*Татхим*-фармпрепараты» (ул. Баумана, 49); магазин национальных продуктов «*Тат-Продукт*» (ул. Баумана, 29); магазин подарков и сувениров «*Tatar Bazar*» (ул. Баумана, 76); «*Казанские* сладости» (ул. Баумана, 62); «*Казанский* академический русский большой драматический театр имени В.И. Качалова» (ул. Баумана, 48); бизнес-центр «*Казанское* Подворье» (ул. Баумана, 9а); «*STAND UP CLUB KAZAN*» (ул. Баумана, 51); военкомат «Военный комиссариат *Республики Марий Эл*» (б. Чавайна, 44); офис продажи холодильного оборудования «*Мар*прохлада» (б. Чавайна, 32); редакция СМИ «Газета *Йошкар-Ола*» (б. Чавайна, 35); «*Йола*-маркет» (б. Чавайна, 11, 40): Й-Ола — сокращенное название г. Йошкар-Ола; бутик модной одежды «*Olamarito*» (б. Чавайна, 41) — компонент ола указывает на наименование города, *mar-* означает «марийский» веб-студия по разработке, раскрутке, сопровождению сайтов г. Йошкар-Ола «*YO-Design*» (б. Чавайна, 36); магазин марийских сувениров «*Царёв* Город» (б. Чавайна, 40) — лексема Царёв восходит к старинному названию столицы Марий Эл – Царевококшайску — магазин посадочных материалов «*Сад Мари*» (б. Чавайна, 35); магазин «*Марийские* сувениры» (б. Чавайна, 33) — лавка по реализации мороженого «*Мари*Айс» (б. Чавайна, 33);

– **названия, образованные от наименований районов и населённых пунктов Республики:** магазин мясных изделий «*Звениговский*» (б. Чавайна, 8) — Звениговский (район) — административно-территориальная единица РМЭ; магазин молочных продуктов «*Семол*» (б. Чавайна, 16) — компонент *Се* — сокращённый вариант от наименования села Семёновка в городском округе «Йошкар-Ола»; фирменный магазин мясной продукции «*Акашево*» (б. Чавайна, 16) — агрохолдинг «Птицефабрика Акашевская» образован в 2005 г. на базе птицефабрики «Акашевская», расположенной первоначально в д. Акашево; фирменный магазин молочной продукции «*Сернурский* сырзавод» (б. Чавайна, 12) — п. Сернур — административный центр Сернурского района РМЭ;

– **названия, отражающие национальную культуру, самобытность народа:** «*Ак Барс Галерея*» (ул. Баумана, 44) (крылатый Белый Барс — символ Татарстана, который с 1992 года располагается на государственном гербе Республики; тотемная фигура для татар); книжный магазин «*Китаплар*» (ул. Баумана, 19); Restorant «*КИТАП CLUB*» (ул. Баумана, 19); кафе «*Кыстыбый — tatar-food*» (ул. Баумана, 9) — кафе быстрого питания с традиционным блюдом татарской кухни «кыстыбый» (обжаренная пресная лепешка, начиненная чаще всего картофельным пюре или пшенной кашей); «*Тубэтэй / Тюбетей*» (ул. Баумана, 47) — сеть ресторанов современной и традиционной татарской кухни. Тубэтэй («Тюбетейка») — один из национальных древних головных уборов татар, небольшая, надеваемая на верхнюю часть головы шапочку; магазин подарков «*Чак-Чак*» (ул. Баумана, 86) — чак-чак — национальное кулинарное изделие татар и других тюркоязычных народов, представляющее собой мучной десерт из обжаренных во фритюре кусочков теста, перемешанных с медовым сиропом; дом чая «*Аишханэ*» (тат. *аи* «еда» + *ханэ* «дом»), то есть «столовая»; «столовый, кухонный») (ул. Баумана, 64) — татарская национальная кухня и кулинария (кыстыбый, лимонный пирог, эчпычмак, беккен с капустой, губадья с кортом и др.); магазин хлебобулочных и кондитерских изделий «*Булко*» (б. Чавайна, 19);

– **названия, отражающие религиозную ориентацию** определенной части населения, например: ресторан «Ханума *Halal*» (Баумана, 68) — все блюда ресторана соответствуют стандарту халяль, то есть «что разрешено и допустимо в исламе»; группа компаний T-Family с уникальной культурой Халяль, реализуемой брендом «*Тубэтэй*», одной из первых татарских халяль-сетей быстрого питания (ул. Баумана, 47).

6. Полиэтничность урбанонимов городов Йошкар-Ола и Казань. В поликультурном и полилингвальном пространстве закономерным является процесс проникновения и взаимовлияния элементов разных национальных языков и культур:

■ **русский:** ресторан русской кухни «*Русский*» (ул. Баумана, 9а); кафе блинная «*Масленица*» (ул. Баумана, 42); экспресс-кафе «*СССР*» (б. Чавайна, 36) — СССР — Союз Советских Социалистических Республик, известный как Совет-

ский Союз, означает федеративное государство, существовавшее с 1922 по 1991 г.; магазин-мастерская по изготовлению ювелирных изделий на заказ «Скань» (б. Чавайна, 36) — скань (др.-русс. *скать* «тянуть», «свивать») — это техника работы с драгоценными металлами; «Академический русский театр драмы им. Г. Константинова» (б. Чавайна, 28); центр раннего развития «Реченька» (б. Чавайна, 36). На уровне грамматического строя русской культуре свойственна эмоциональная насыщенность, выраженная большим количеством глаголов, суффиксами: гастробар «Хочу и Буду» (ул. Баумана, 25); бар-паб «Не Лезь в Бутылку» (ул. Баумана, 42); безалкогольный фрэш-бар «Хочу Кофе» (б. Чавайна, 15); станция зарядки телефонов «Бери Заряд!» (б. Чавайна 33); аптека «Ладушка» (ул. Баумана, 47); салон маникюра и педикюра «Пальчики» (ул. Баумана, 36);

■ **западноевропейские:**

– *английский*: студия танца и фитнеса «New Life» (б. Чавайна, 13); массажный салон «Brauni» (б. Чавайна, 15Б); парикмахерская «RE STYLE» (б. Чавайна, 16); ногтевая студия «THE Q» (б. Чавайна, 33); клуб настольных игр «WOW QUIZ» (б. Чавайна, 33); магазин одежды для беременных и кормящих мам «Happy Mammy» (б. Чавайна, 12); кафе-бар «If You Know» (б. Чавайна, 36); табачный магазин «Smoking Shop» (б. Чавайна, 45); кофейня «Your Time кофе & вафли» (б. Чавайна, 41а); сеть магазинов «Fix Price» (б. Чавайна, 10); развлекательный, культурно-досуговый центр «Smile Park» (ул. Баумана, 17); сырный ресторан «Cheeseria» (ул. Баумана, 44); парк виртуальной реальности «The Deep» (ул. Баумана, 44); «Meat grill» (ул. Баумана, 74); кафе паназиатской кухни «OmNomNom» (ул. Баумана, 82) — аналог выражения на русском языке «ам-ням-ням», которым обозначают активное поедание пищи или просто чего-то очень вкусного; «Coffeeshop company» (ул. Баумана, 38); суши-бар «Rock n`Rollы» (ул. Баумана, 21); «Relax cocktail bar» (ул. Баумана, 9а); бутик мужской одежды «Pioneer London» (ул. Баумана, 38); развлекательный центр «FUNBOX» (ул. Баумана, 35); корпорация развлечений «Big Funny» (пер. Большой смешной) (ул. Баумана, 35); сеть фирменных магазинов техники и аксессуаров со статусом Apple Premium Reseller в России «Re:Store» (ул. Баумана, 35); кафе, магазины «Gudini» (ул. Баумана, 42) — англ. *Houdini* используется для описания человека, обладающего способностью выходить из сложных ситуаций, освобождаться из затруднений или ускользать от ограничений, подобно знаменитому иллюзионисту и мастеру побегов Гарри Гудини); кафе восточной кухни *FireChef* (ул. Баумана, 9);

– *итальянский*: ресторан итальянской кухни «Трамтория Dito Italiano» (б. Чавайна, 31); ночной клуб «Burlisque» (ул. Баумана, 44) (*burla* «шутка») — вид комической поэзии, сформировавшийся в эпоху Возрождения, магазин одежды «FABIANA FILIPPI» (ул. Баумана, 44) — итальянский бренд, основанный двумя братьями Марио и Джакомо Филиппи в 1985 г.; «Cicheti Italo Bistro» (ул. Баумана, 9а) — чикетти (*cicheti*) — закуски с разной начинкой, которые

подаются в традиционных бакари — итальянских барах и закусочных Венеции;

– *испанский*: ресторан-бар латиноамериканской кухни «*PANCHITOS*» (б. Чавайна, 33) — слово «*ranchitos*» может иметь два значения: 1) жареные арахисовые орешки; 2) нарицательное имя для обозначения латиноамериканцев; ресторан мексиканской кухни «*Sangrita12.ru*» (б. Чавайна, 36); бар революционной кухни «*Cuba Libre*» («Свободная Куба») (ул. Баумана, 58) позволяет почувствовать атмосферу советской Кубы благодаря оригинальному дизайну заведения, кубинской и мексиканской кухне, мастер-классам латиноамериканских танцев; кафе латиноамериканской кухни «*Paloma cantina*» (ул. Баумана, 9а) — кантина в Мексике — это недорогое кафе, где все собираются за общим коммунальным столом; *La Paloma* — это известная песня испанского композитора Себастьяна Ирадьеры («*paloma*» в переводе означает «голубка» и является собирательным образом гостеприимства);

– *французский*: магазин парфюмерии и косметики «*La belle*» (б. Чавайна, 36) (*belle* «красивая»); отдел одежды «*Шарм*» (б. Чавайна, 12) (*charme* «очарование»); сервисный центр по ремонту мобильных устройств «*Pedant*» (*pédant* «учитель») (ул. Баумана, 82);

– *португальский*: студия танца «*Афро Кизомба*» (б. Чавайна, 33), где *кизомба* «вечеринка, праздник»;

– *латинский*: «*Cinnabon*» (ул. Баумана, 82) — *cinnamon* («цейлонская корица» (лат. *Cinna* «род многолетних травянистых растений семейства Злаки» + лат. *bona* «хорошая»)) — международная сеть закусочных кафе-пекарен, где основными блюдами являются булочки с корицей, сливочным сыром и кексы; магазин запчастей для бытовой техники и аксессуаров «*Ultra*» (б. Чавана, 14) — лат. *ultra* «сверх, чрезмерно»); аптека «*Vita*» (б. Чавайна, 16) — лат. *vita* «жизнь»;

– *латиница*: «*SCURATOROV CAFFEE ROASTERS*» (ул. Баумана, 9); компания «*InvestGT*» (ул. Баумана, 9А); ночной клуб «*RV CLUB*» (ул. Баумана, 82); магазин дизайнерской женской одежды «*Pop & Popl*» (ул. Баумана, 82) — «*Попл*» образован от слова «поплавок», «*Поп*» — от фамилии основателя фирмы «*Попова*», магазин сладостей для детей и взрослых «*PIRATMARMELAD*» (ул. Баумана, 51); кальян-бар «*Atmosfera*» (б. Чавайна, 33); цифровая фото-студия «*ФотоDom*» (б. Чавайна 36); центр ландшафтной архитектуры «*Trava*» (б. Чавана, 36);

■ *восточные*: Гуанчжоу — кафе *китайской* кухни «*Вася из Гуанчжоу*» (б. Чавайна, 31) — один из крупнейших мегаполисов Китая, столица провинции Гуандун, а также торговый и экономический центр страны; ресторан Китайский дворик (ул. Баумана, 49); кафе *таджикской* кухни «*Ситора*» (б. Чавайна, 13) — «звезда»; ресторан *азербайджанской* кухни «*Багашек*» (б. Чавайна, 23); *японский* бар «*Nami Izakaya*» (бул. Чавайна, 36) — *изакайя* (япон. *иру* «оставаться», *сакайя* «магазин sake») — традиционный японский гастробар, суши-бар «*Японика*» (б. Чавайна, 13); *вьетнамский* ресторан «*SaiGon*» (ул. Баумана, 35) — прежнее название города Хошимин (Вьетнам) — наиме-

нование города Сайгон произошло от термина «Тай нгон», что означает «дань с запада» (Тай Конг); кафе «Food Hanoi» (ул. Баумана, 33а) — Ханой (*вьет.* Hà Nội, тьы-ном 河內, досл. «город между рек» или «(место) окружённое рекой») — столица Вьетнама и второй по численности населения город страны; *арабское* кафе-кондитерская «Султан Сулейман» (ул. Баумана, 7) — название переводится (араб.) «мужественный или величественный правитель, король / королева»; Чайхана «Мархаба» (ул. Баумана, 7), где Мархаба — женское имя со значением «добро пожаловать», «здравствуйте»; *тюркские* наименования: магазин «Турецкая продукция» (ул. Баумана, 68); ресторан «Урюк» (ул. Баумана, 36) от тюрк. *орпек* «абрикос» < «слива»; сити-кафе «Ханума» (ул. Баумана, 68) — тюрк. *ханум* выражает значение «госпожа; мадам, сударыня»; отель «КАГАНАТ KAGANAT» (ул. Баумана, 68) — государство, глава которого носил титул кагана, от др.-тюрк. *kagan* «высший титул суверена в средневековой кочевой иерархии, хан ханов»; *кавказские*: грузинское бистро «Shavi» (б. Чавайна, 31) — Shavi «чёрный» — любимый цвет грузинских дизайнеров, ресторан «Грузинские Истории» (ул. Баумана, 54).

Эргономическое пространство городов Йошкар-Олы и Казани, являясь неотъемлемой частью ономастического пространства, демонстрирует общие тенденции к глобализации и стандартизации. Зарубежные примеры функциональной организации пешеходных зон исторических городов также демонстрируют явную стандартизацию — доминирование сувенирной торговли и доступного питания [14–16]. Языковая ситуация оказывает воздействие на процессы формирования эргонимического пространства и как социолингвистическое явление отражает уровень этнической и культурной составляющей социума. Эргонимы демонстрируют специфику лексико-семантического содержания, социальных условий ономастического пространства столиц Поволжского региона в лингвокультурологическом и социолингвистическом аспектах. Как показало исследование, наиболее употребительными в процессе номинации являются англоязычные названия (центры, торговые предприятия, заведения общественного питания), многочисленно представлены заимствования из романских (французский, итальянский, испанский, португальский), восточных (китайский, японский, вьетнамский), арабских, тюркских языков. Языки республик постсоветского пространства (кавказские — грузинский и среднеазиатские — таджикский, азербайджанский) занимают заметное место в номинации объектов с ориентальной спецификой.

Являясь лингвокультурным образованием, эргонимы отражают национально-культурные ориентиры и социальные приоритеты современного общества рассмотренных регионов. Эргонимический ландшафт центральных улиц подчинен императивам туристического бизнеса, удовлетворению запросов массового потребителя, приоритетному использованию заимствований из западных и восточных языков, оформлению национальных текстов или текстов на русском языке с использованием преимущественно латиницы.

Заключение

Эргонимы регионов содержат информацию о многонациональном составе населения городов, демонстрируют основные направления экономического и социально-культурного пространства городов и регионов. Названия коммерческих предприятий, функционируя в речевой деятельности, выражают тенденции в изменении характера городской коммуникации. Характерной чертой эргонимии региональных столиц является использование в качестве названий внутригородских предприятий и учреждений местных топонимов и их производных, отражающих в себе названия города и региона. Специфика урбанонимов Йошкар-Олы и Казани объясняется территориальной самобытностью, включением в структуру эргонимов компонентов, указывающих на местоположение объектов — на бульваре / бульваре Чавайна, на Баумана. Об общих тенденциях функционирования урбанонимов региональных столиц свидетельствуют следующие языковые и внеязыковые факторы: распространение заимствованной лексики, креолизация на фоне деструкции гомогенных элементов, а также десемантизации устойчивых языковых структур и их субституции не свойственными национальным языкам компонентами и лингвистическими конструкциями, использование средств языковой выразительности, актуализация регионального компонента.

Важной особенностью городских названий является способность схватывать культурные, социальные, экономические и прочие характерные черты эпохи. Вместе с тем в эргонимическом пространстве Йошкар-Олы и Казани отмечены некоторые особенности: преобладание в эргонимиконе столицы Республики Татарстан национальных артефактов, наличие этнокультурных элементов государственной символики, наименований религиозного характера; для столицы Республики Марий Эл характерны рассредоточение торговых точек, наличие отдельно взятых районных производственных предприятий, использование компонента старинного названия города.

Список литературы

1. *Зиятдинова Л.Р., Исмаилова А.Р.* Обзор эргонимического пространства центральных улиц Казани // *Terra Linguae*. 2020. Вып. 7. С. 35–39. EDN: SLDDDV
2. *Солнышкина М.И., Исмаилова А.Р.* Топонимы и антропонимы в эргонимиконе г. Казани // *Вестник Вятского государственного университета*. 2017. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/toponimy-i-antropnimy-v-ergonimikone-g-kazani> (дата обращения: 10.10.2024). EDN: ZEUPRD
3. *Амирова Р.М.* Исторические эргонимы, относящиеся к торговле, как часть эргонимического пространства г. Казани XVII — начала XX в. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 6–3 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-ergonimy-otnosyaschiesya-k-torgovle-kak-chast-ergonimicheskogo-prostranstva-g-kazani-xvii-nachala-xx-v> (дата обращения: 10.10.2024).
4. *Салимова Д.А.* Лингвокреативные тенденции в оформлении современного эргонимикона: на материале наименований билингвальной Казани // *Многоязычие в образовательном*

- пространстве. 2023. Т. 15. № 2. С. 203–208. <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-2-203-208> EDN: HBRPLE
5. Алексеева А.В., Исмагилова А.Р. Языки эргонимов центральных улиц Казани и Саламанки // *Terra Linguae*. 2020. Вып. 7. С. 7–11. EDN: CDXUBR
 6. Медведева Д.В., Исмагилова А.Р. Структурно-семантические парадигмы эргонимов центральных и периферийных улиц Мадрида и Казани // *Terra Linguae*. 2020. Вып. 8. С. 34–39. EDN: VOEZBE
 7. Стафиевская М.В., Жуков Д.А. Влияние российско-венгерских отношений на историко-культурное пространство города Йошкар-Олы // *Вестник Марийского государственного университета. Исторические науки. Юридические науки*. 2017. Т. 3. № 1. С. 26–31. EDN: YMZGKH
 8. Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Заимствования в урбанонимах Йошкар-Олы с отантропонимным компонентом // *Финно-угорский мир*. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovaniya-v-urbanonimah-yoshkar-oly-s-otantropnimnym-komponentom> (дата обращения: 15.12.2024). <https://doi.org/10.15507/2076-2577.014.2022.01.58-77> EDN: MCRNRU
 9. Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Национальные и заимствованные географические онимы в региональном лингвокультурном пространстве: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2022. 180 с. EDN: MOSVAI
 10. Мухитов Р.К. Актуальность функционального мониторинга пешеходной зоны исторического города (на примере улицы Баумана в Казани) // *Известия КГАСУ*. 2018, № 1 (43). С. 55–62. EDN: UOVUWB
 11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская / Ин-т языкознания АН СССР. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Наука, 1988.
 12. Перепелица В.В. Как рекламу сделать эффективной или как стать известным? Ростов н/Д : Феникс, 1997.
 13. Михайлюкова Н.В. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока) : монография. Владивосток, 2014. EDN: YYZVOL
 14. Taylor K., Lennon J. *Managing Cultural Landscapes*. London and New York : Routledge, 2012. <https://doi.org/10.4324/9780203128190>
 15. Martin O., Piatti G. *World Heritage and Buffer zone*. Paris : UNESCO, 2009.
 16. Krier L. *The Architecture of Community*. Washington : Island Press, 2009.

References

1. Ziyatdinova, L.R., and A.R. Ismagilova. 2020. “Overview of the ergonymic space of the central streets of Kazan.” *Terra Linguae*, issue 7, pp. 35–39. EDN: SLDDDV Print. (In Russ.)
2. Solnyshkina, M.I., and A.R. Ismagilova. 2017. “Toponyms and anthroponyms in the ergonymicon of Kazan.” *Bulletin of Vyatka State University*, no. 8, pp. 54–57. EDN: ZEUPRD Print. (In Russ.)
3. Amirova, R.M. 2016. “Historical ergonyms related to trade as part of the ergonymic space of Kazan in the 17th — early 20th centuries.” *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, vol. 60, no. 6–3, pp. 64–67. Print. (In Russ.)
4. Salimova, D.A. 2023. “Linguocreative trends in the design of the modern ergonymicon: based on the names of bilingual Kazan.” *Multilingualism in the educational space*, vol. 15, no. 2, pp. 203–208. <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-2-203-208> EDN: HBRPLE Print. (In Russ.)
5. Alekseeva, A.V., and A.R. Ismagilova. 2020. “Ergonymic languages of the central streets of Kazan and Salamanca.” *Terra Linguae*, issue 7, pp. 7–11. EDN: CDXUBR Print. (In Russ.)
6. Medvedeva, D.V. 2020. “Structural and semantic paradigms of ergonyms of the central and peripheral streets of Madrid and Kazan.” *Terra Linguae*, issue 8, pp. 34–39. EDN: VOEZBE Print. (In Russ.)
7. Stafievskaya, M.V., and D.A. Zhukov. 2017. “The influence of Russian-Hungarian relations on the historical and cultural space of the city of Yoshkar-Ola.” *Bulletin of the Mari State University*, vol. 3, no. 1, pp. 26–31. EDN: YMZGKH Print. (In Russ.)

8. Khabibullina, F.Ya, and I.G. Ivanova. 2022. “Borrowings in urbanonyms of Yoshkar-Ola with an otanthroponymic component.” *Finno-Ugric world*, vol.14, no. 1, pp. 58–77. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.014.2022.01.58-77> EDN: MCRNRU Print. (In Russ.)
9. Khabibullina, F.Ya., and I.G. Ivanova. 2022. *National and borrowed geographical onyms in the regional linguistic and cultural space*: monograph. Yoshkar-Ola: Mari State University. EDN: MOSVAI Print. (In Russ.)
10. Mukhitov, R.K. 2018. “The relevance of functional monitoring of the pedestrian zone of the historical city (on the example of Bauman Street in Kazan)”. *Izvestiya KGASU*, no. 1 (43), pp. 55–62. EDN: UOVUWB Print. (In Russ.)
11. Podolskaya, N.V. 1988. *Dictionary of Russian onomastic terminology. 2nd ed., revised and add.* Moscow: Science. Print. (In Russ.)
12. Perepelitsa, V.V. 1997. *How to make advertising effective or how to become famous?* Rostov-on-Don: Phoenix Publishing House. EDN: YYZVOL Print. (In Russ.)
13. Mikhailiyukova, N.V. 2014. *Texts of city signage as a special speech genre (based on the language of Vladivostok)*. Vladivostok. Print. (In Russ.)
14. Taylor, K., and J. Lennon. 2012. *Cultural landscape management*. London and New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203128190> Print.
15. Martin, O., and J. Piatti. 2009. *World Heritage and buffer zone*. Paris: UNESCO. Print. 16.
16. Krieger, L. 2009. *Architecture of the community*. Washington: Island Press. Print.

Сведения об авторах:

Иванова Ираида Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 420000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1. ORCID: 0000-0001-5247-0125, eLibrary SPIN-код: 4081-7299. E-mail: iraida44@yandex.ru

Хабидулина Флёра Яхиятовна — кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 420000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1. ORCID: 0000-0002-5438-1828, eLibrary SPIN-код: 2883-1021. E-mail: khflora@yandex.ru

Bio notes:

Iraida G. Ivanova is Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Mari State University, 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 420000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5247-0125, eLibrary SPIN-code: 4081-7299. E-mail: iraida44@yandex.ru

Flera Ya. Khabibullina is Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Mari State University, 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 420000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5438-1828, eLibrary SPIN-code: 2883-1021. E-mail: khflora@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРА

LINGUOCULTURE

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-67-76

EDN: FRGFWX

Research article / Научная статья

Representation of the Concept of Shulyk 'Health / Vitality / Well-Being / Happiness' in the Discourse of the Mari Ethnic Religion

Lyubov A. Abukaeva^{ORCID}

Mari State University, *Yoshkar-Ola, Russian Federation,*

✉ sylne@mail.ru

Abstract. In the religious concept sphere, *shulyk* 'health / vitality / well-being / happiness' refers to one of the multi-valued, multi-layered, significant concepts that require deep research. The purpose of the article is to identify the content of the concept of *shulyk*, to describe the features of its functioning in the discourse of the Mari ethnic religion. The conceptual content of the concept, interpretation in the works of religious scholars and clergy of the Mari ethnic religion, ways of representing the concept in the texts of Mari prayers, its figurative component and semantic connections with other key concepts of the Mari ethnic religion are analyzed. In the ethno-religious concept of *shulyk*, such semantic features as rise, fullness, growth, joy, vitality, energy, longevity, and happiness are actualized. It has been established that, along with other basic concepts, *shulyk* embodies the spiritual and moral values of the people, the fundamentals of the doctrine of the Mari ethnic religion and reflects the cultural and historical ties of the ethnos.

Key words: Mari language, Mari traditional religion, prayer text, discourse, concept

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding: the study was supported by grant No. 25-28-00064 from the Russian Science Foundation "Sacred texts of the Mari ethnic religion as a linguacultural phenomenon."

For citation: Abukaeva, L.A. 2025. "Representation of the Concept of Shulyk 'Health / Vitality / Well-Being / Happiness' in the Discourse of the Mari Ethnic Religion." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 67–76. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-67-76>

© Abukaeva L.A., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Репрезентация концепта Шулык 'здоровье / жизненная сила / благополучие / счастье' в дискурсе марийской этнической религии

Л.А. Абукаева^{ORCID}

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация
✉ sylne@mail.ru

Аннотация. В концептосфере марийской этнической религии *шулык* 'здоровье / жизненная сила / благополучие / счастье' относится к одному из многозначных, многогранных, значимых, требующих глубокого исследования концептов. Цель исследования — выявить содержание концепта *шулык*, описать особенности его функционирования в дискурсе марийской этнической религии. Анализу подвергнуты понятийное содержание концепта, интерпретации в трудах религиоведов и служителей культа марийской этнической религии, способы репрезентации концепта в текстах марийских молитв, его образная составляющая и смысловые связи с другими ключевыми концептами марийской этнической религии (*серлагыш* 'защита, милость', *перке* 'изобилие, плодородие, плодовитость'). В этнорелигиозном концепте *шулык* актуализируются такие семантические признаки, как подъем, полнота, рост, радость, жизненная сила, энергия, долголетие, счастье. Установлено, что наряду с другими базовыми концептами *шулык* воплощает духовно-нравственные ценности народа, основы вероучения марийской этнической религии и отражает культурно-исторические связи этноса.

Ключевые слова: марийский язык, марийская традиционная религия, текст молитвы, дискурс, концепт

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00064 «Сакральные тексты марийской этнической религии как лингвокультурный феномен».

Для цитирования: Абукаева Л.А. Репрезентация концепта Шулык 'здоровье / жизненная сила / благополучие / счастье' в дискурсе марийской этнической религии // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 67–76. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-67-76>

Introduction

Linguocultural analysis, religious conceptology through the study of language as a means of communication between members of an ethnic group, methods and means of recording, preserving and transmitting the most important aspects of culture allow us to reveal the essential characteristics of such a unique object as the ethnic religion of the Mari. The religious picture of the world, verbalized by means of language, 'becomes the cultural heritage of the people and is reflected in the linguistic picture of the world' [1. P. 40].

The basic Mari religious concepts that form the foundation of the worldview include the following:

юмо ‘god’, ото / кўсото ‘sacred / prayer grove’, онапу ‘sacred / prayer tree’, кумалтыш ‘prayer’, нерке ‘abundance, fertility, fecundity, prosperity’, шулык ‘health / vitality / well-being / happiness’, серлагыш ‘protection / mercy’.

Represented primarily in the texts of prayers, as well as in descriptions of rituals, and in general in Mari folklore, they embody the spiritual and moral values of the people, the foundations of the doctrine of the Mari ethnic religion.

Results and Discussion

In this article, we rely on the definition of I. Postovalova, who defines a religious concept as a multidimensional mystical-semiotic formation in the unity of its three main planes — spiritual-ideological, cultural-historical and linguistic [2. P. 139].

The conceptual content of the concept ‘shulyk’ is revealed by analyzing dictionary entries. V.M. Vasiliev in ‘Марий мутэр’ presented two meanings of the word *shulyk*: ‘здоровье, жизненная сила’ — ‘health, vitality’ and provided the following illustrations:

Шулык, тазалык, сьулык (ӱ. м.) — health. Шулык тажа илышым йодына ‘We ask for a healthy life’; шулыкан лий — be healthy, be happy [3. P. 274].

In the multi-volume Dictionary of the Mari Language, two meanings are defined for this word. The first is interpreted through a number of words of the Russian language: happiness, good, well-being — and a reference is given to the dictionary entry for the lexeme пил ‘happiness’. For the second meaning of the word, a reference is proposed to the word *tazalyk* ‘health’ [4. P. 333].

Etymological analysis leads to the conclusion that the word *shulyk* is of Turkic origin. Cf.: Tatar *саулык* ‘health, healthy state’ [5. P. 471], Turkish *sağlık* ‘health’, Turkmen *saglyk* ‘health’.

Comparative analysis of lexicographic data and etymological analysis indicate that the primary meaning of the word *shulyk* is ‘health’. As a result of the expansion of the meaning of the word in the Mari language, the semes ‘vital force’, ‘inner strength’, ‘power, energy’, ‘harmony of divine energy’ arose, and in the meadow dialect of the Mari language the took on the meaning of ‘happiness’.

This thesis is confirmed by the combinations *шулык вий* ‘life force’, *шулыкан вий* ‘life force, literally, the force of health’ from prayer texts:

Шулык виетым поро пашаште чаманыде кучылтметлан тылат вуйнам савена [6. P. 33] ‘For the fact that you use your life force in good deeds without sparing, we bow our heads’; Мланде Ава дене пырля Агавайрем Кугу Юмо шулыкан вийым пуэн шогыза, вольыклан, мўкшыжлан, пушенгылан,

саскалан, киндылан, шийвундылан шулыкан вийым нуэн шого [6. P. 32] ‘Goddess-mother of the earth, together with the God of the holiday Agavair (Spring holiday of arable land, plow — *L.A.*), give life force, for cattle, for bees, for trees, for fruits, for bread, for silver, give life force’.

Combinations from the texts of the prayers *шулыкан пұрымаиш* ‘happy fate, destiny’, *шулыкан кангаиш* ‘good instruction’ indicate that the word *shulykan* has a broader meaning than it is noted in the aforementioned ten-volume dictionary of the Mari language.

The word-formation nest of the lexeme-name *shulyk* includes the adjective *шулыкан* ‘1. happy; 2. (Hill Mari) healthy’; verb *шулыкланаиш* ‘(Hill Mari, book var.) to say hello, wishing someone to be happy’:

Шулыкан лий, кум тўрлө вольык перке гыч Юмо тыйым ынже кўрыл-тыктө [7. P. 204] ‘Be happy, let Yumo not deprive you of the abundance of three different types of cattle’; (*Яшпай*) *вәтә доно пурынок шулыканыиш*. V. Petukhov. ‘Yashpay greeted the woman warmly’ [4. P. 333].

When identifying the conceptual content of a religious concept, definitional analysis based solely on linguistic dictionaries seems limited, so **let us turn to the works of religious scholars and ministers of the traditional Mari religion**. The religious scholar N.S. Popov defines *shulyk* in the following context: ‘For a righteous life, deities can endow a person with an additional guardian angel, confirm the existence of a person in God, thereby ensuring the ability to contemplate and experience God, the harmony of divine energy (*shulyk*) and the human soul’ [8. P. 137]. He also deduces the meaning of the word *шулык* from such concepts as *тазальк* (*tazalyk*) ‘health’, *көргө вий* (*körgö viy*) ‘inner strength’, *куат* (*kuat*) ‘power / energy’ [7. P. 249].

When interpreting the meanings embedded in these concepts since ancient times, one cannot help but turn to the works of clergymen. V. M. Mamaev gives the following interpretation:

Шулык — тиде вий-куат, Перке — ваш кылдалт шогышо нимучаидыме поянлык, Серлагыиш — ылыи ласкалык [9. P. 12] ‘*Шулык*’ is strength and power, *Перке* is the interconnected manifestations of endless wealth, *Серлагыиш* is life’s well-being / tranquility.

In lexicographic and religious studies interpretations, there is no complete coincidence of semantic features of the main representative of the analyzed concept, however, native speakers have fairly stable ideas about its components. For clarity and completeness, we will consider the functioning of the word *шулык* and its synonyms for each of the dictionary meanings in prayer texts.

Representatives of the concept *шулык* ‘health / vitality / well-being / happiness’ and their implementation in the texts of prayers

The meaning of ‘correct, normal functioning of the body, its complete physical and mental well-being’ in the Mari language is also expressed by the word *tazalyk* ‘health’, borrowed from the Turkic languages. This word is also productive in the texts of prayers:

Тылеч вара илаш тазалыкым йодына. Ешланат, вольыкланат, суртланат, кугу серлагышым, кугу тазалыкым йодына [7. P. 158–159] ‘After this, in order to live, we ask for health. And for the family, and for the cattle, and to protect the home, we ask for good health.’

In the collection of prayers compiled by N.S. Popov, it appears as more frequent: 96 uses of the word *tazalyk* and 48 uses of *shulyk* were noted. The word *tazalyk* is commonly used and neutral, while the lexeme *shulyk* is present in the Hill Mari language and mainly in the religious discourse of the Meadow Mari people.

In the texts of prayers pleonastic combinations *шулык таза илыш, шулык тазалык* are used to intensify semantics:

а таче укечет дене, ару мogyр дене кo кумал шога гын, тудлан поро шулык тазалыкым, илышаи кужу ўмырым, шочио-влакшылан тазалыкым, пиалым, серлагышым пуэн шогыза [7. P. 63] ‘And today, on a new day, whoever is clean in body and prays, give him good (lit. healthy) health, longevity, give his children health, happiness, protection.’

The meaning of ‘a state of absolute satisfaction with life, a feeling of the highest pleasure, joy’ in the Mari language is expressed by the commonly used literary word *нуал (pial)* ‘happiness’ and the Eastern Mari dialect of Turkic origin *рыскал (ryskal)* ‘happiness’. Both lexemes are found in the texts of prayers, in particular in the collection ‘Марий кумалтыш мут’ the word *pial* — 70 times, *ryskal* — 22 times:

Перке ден перкем ваи ыштенат, пиал ден пиалым ваи ыштенат [7. P. 135] ‘You have united abundance with abundance, you have united happiness with happiness’; ...*кўшыл тўтырам ўлыкo волтен, ўылл тўтырам кўш кўзыктен, кок тўтырам ваи конден, нылле ик пачаи чаршаутым почылтарен, кўрылтдымo резыкетым пуэн, пытыдыме рыскалым пуэн, кум тўрлo еш гычын, тўрлo вольык гычын, кум тўрлo шурно чот гычын, кум тўрлo пакча кoргo мўкиш чот гычын, кум тўрлo ший казна дене илаш, Кугу Юмо, ынгайлыкым пу!* [7. P. 107] ‘Lowing the upper fog down, raising the lower fog up, connecting two fogs, opening forty-one curtains, giving continuous sustenance,

giving endless happiness, with three different families, with different cattle, three different types of bread, with bees in three different apiaries, with three reserves of silver, Great Yumo, give the opportunity to live!’

The lexemes *pial*, *tazalyk*, *shulyk* in the texts of prayers are used in the same context in texts of prayers:

Ынде ты тичмаиш ўмбачын пореи пиалым пу! Тиде тичмаиш ўмбачын, ой Кугече Юмо, кўшинё юмын сура почылтын, ўлнё мланде сура почылтын, кок тўтыра коклаште варсенге гае вычымаден, умла гае оварген, порсын гае ўмыр шуен илаш, поро кугу шулык перкем пу, шулык дене ыштыме поро еш перкем пу, ешыже-влакым ушан-акылан ыште... [7. P. 143] ‘Now, by prayer with this whole gift, grant happiness in goodness. By prayer with this whole gift, God of the Kugeche holiday (spring holiday of remembrance of ancestors, lit. Great day — L.A.), the divine castle opened above, the earthly castle opened below; to live between two fogs like swallows, rejoicing like hops, multiplying like silk, prolonging life, give good, great abundance of health, created by health, give well-being to the family, let everyone in the family be smart, reasonable’; А Вуйўмбал Кугу Юмо, ике Пиямбарет дене, чыла ешет дене, мемнан сۆрымым колын, чыла осалым поктен колто. Поро шулыкым да тазалыкым пуэн, илаш полишен шого [7. P. 9] ‘And the Great Yumo above our heads, with his Prophet, with his whole family, having heard our promise, drive away all evil. Giving good happiness and health, help us to live’.

The polysemantic word *эсенлык* of Turkic origin has a similar semantic content to the word *shulyk*: Cf.: *эсэнлык* 1. health; normal vital activity of the organism; the presence of strength, fortitude of the organism. 2. well-being; calm, successful course of life, affairs; contentment, security; good, kind’ [10. P. 141] and *исәнлык* health, as well as *исәнлык-саулык* [5. P. 178].

This representative of the analyzed concept is found in the prayers of the Eastern Mari:

Мер калык йодын кумалеш сурт көргө ямагатшылан эсенлыкым, кум тўрлө волькышылан эсенлыкым йодын, кум тўрлө ўдымё шурныжлан эсенлыкым йодын, пакча көргө мўкшыжлан эсенлыкым йодын, сۆйиш кайыше салтакше-влаклан эсенлыкым йодын, сондык көргө иши окса дене илаш ынгайлыкым йодын, кавыл ыште манын [7. P. 92] ‘The people pray, asking for well-being for the family, well-being for three different types of livestock, well-being for three different types of sown grain, well-being for the bees in the apiary, well-being for the soldiers who have gone into battle to live with silver in their chests, saying: accept’; ...илаш-касаи эсенлыкым, шулыкым,

күрылтдымө поро порылыкым ну, Поро Күдыратле Кугу Юмо [7. P. 112] ‘To live and prosper, well-being, health, endless goodness, grant me, Kind Mighty Great Yumo.’

Attributive combinations with the word *шулык* allow us to determine the properties and features of the analyzed concept. In the texts of prayers, the word *shulyk* is combined with the epithets-adjectives *кугу* (*kugu*) ‘big’, *күжгө* (*kүzhgө*) ‘thick, dense’, *поро* (*poro*) ‘kind’:

...ош порсын гане ұмыр сулен илаш күгу шулыкым тый дечет, Кугу Юмо, йодын кумалына [7. P. 81] ‘To live like white silk, prolonging life, we ask for great happiness from you, Great Yumo, and pray’; *Ий гыч ийыш, талук гыч талукыш, тылзе гыч тылзыш, кече гыч кечыш, эр кече гай нөлталтын, варсенге гай вычымаген, порсын гай ярымалтын, умла гай оварен, шыште гай печкалтын, илаш күжгө шулыкым нуэн шого* [7. P. 14] ‘From year to year, from summer to summer, from month to month, from day to day, like the morning sun, rising; like swallows, rejoicing; like silk, blossoming; like wax, illuminating, live, give us great happiness’; *Эр ұжара гай волгалтын, чевер кече гай нөлталтын, тылзе гай нөлталтын, шұдыр гай тўлен ылышаи поро шулыкым ну!* [7. P. 216] ‘To live, like the morning dawn, shining; like the red sun, rising; like the moon, rising; like the stars, multiplying, give good health.’

One of the above epithets is a permanent epithet of the characters of the Mari pantheon. Among them are *Ош Поро Кугу Юмо* ‘Bright, Kind, Great Yumo’. According to the beliefs of the Mari believers, such deities as *Кугу Шулык* (*Kugu Shulyk*) ‘Great Happiness/Health’, *Кугу Серлагыш* (*Kugu Serlagysh*) ‘Great Savior/Guardian/Defender’, *Кугу Перке* (*Kugu Perke*) ‘Great Abundance’ exist in unity, harmony, and constant creation. In prayerful addresses this unity is emphasized in a special way:

Шулык дене ыштыме еш перкем, еш дене ыштыме вольык перкем, вольык дене ыштыме кинде перкем, кинде дене ыштыме мўки перкем, шийвундо перкем ну [7. P. 26] ‘The well-being of the family created by health, the abundance of livestock created by the family, the abundance of bread produced by livestock, the abundance of bees created by bread, give us silver’; *Серлагыш вач кугу шулыкым йодына* [7. P. 129] ‘We kindly ask for good health’. Their unity receives a symbolic material embodiment in the pinches that are made with three fingers of the right hand (thumb, index and middle) on the gift of bread before it is baked. The priest sends this part into the fire for the god in whose honor the prayer is being performed. Each of the pinches symbolizes the prayer requests of believers for health (happiness) — *shulyk*, for abundance — *perke*, for protection, mercy — *serlagysh*.

According to the beliefs of the Mari believers, *Тўня юмо* ‘God of the bright world’, *Агавайрем юмо* ‘God of the *Агавайрем* holiday’, *Илян Кугу юмо* ‘Great life-giving god’ manifest themselves in maintaining health and happiness, endowing all living things with health, well-being, and vitality.

In the Mari religious discourse, *шулык* is harmoniously and inextricably linked with such categories as *тичмаши* (*tichmash*) ‘fullness’, *перке* (*perke*) ‘abundance’, *уш-акыл* (*ush-akyl*) ‘lit. mind-mind’:

А тиде тичмаши вач илаш, Поро Кугу Юмо, шулыкым пу. Шулык дене кучымо еш перке гыч йывыртыкте [7. P. 191] ‘And in order to live with this whole goodness, Great Good Yumo, give me health. Bring joy to a large family created by health.’

The figurative component of the concept is formed by comparisons and is revealed in comparative constructions that function as part of chains of 3, 5, 7 or 9 members, which expresses the full manifestation of *shulyk* ‘health, happiness’:

Сурт көргө еш денат иган варсенге гай вычымаден, порсын гай шарлалтын, ош шыште гай кувылтын, саска пеледыш гай илашат поро шулык перкем пуэн шого тиште көргө калыклан, родо пошкудо-шамычлан [7. P. 64] ‘So that we and our families in our houses live rejoicing like swallows, spreading like silk, separating like white wax, like flowers, bestow an abundance of health on the people of the area, relatives and neighbors.’

The chains of comparative constructions are expanded by the following variable figurative-symbolic comparisons:

эр үжара гай волгалтын ‘like the morning dawn, shining’, *Юмын волгыдо гае волгалтын* ‘like God’s light, shining’; *чевер кече гай нөлталтын* ‘like the red sun, rising’, *эр кече гае нөлтын* ‘like the morning sun, rising’; *тылзе гай нөлталтын* ‘like the moon, rising’, *тылзе гае темын* ‘like the moon, filling’; *шүдыр гай түлен* ‘like stars, multiplying’, *шүдыр гай чолгыжын* ‘like stars, shining’.

The construction can be supplemented with the following comparisons:

шыште гай печкалтын ‘like wax, illuminating’, *пыл гай оварен* ‘like a cloud, filling up’, *эр чоллан гай нөлтын* ‘like the morning dawn, rising’, *шуршо гай төршитыл* ‘like a flea, jumping’, *умдыр гане погым поген* ‘like a beaver, collecting the good’, *пурса гай төршитыл* ‘like peas, bouncing’, *саска гай пеледын* ‘like flowers, blooming’.

Of the folk ideas about happiness and health, each of the images highlights the most significant component: a prosperous life is seen as bright, long, fulfilling, cheerful:

Эр у́жсара гай волгалтын, чеве́р кече гай нӧлталтын, тылзе гай нӧлталтын, шӱдыр гай тӱлен ылышаш поро шулыкым пу! [7. P. 216] ‘Like the morning dawn, shining, like the red sun, rising, like the moon, rising, like the stars, multiplying, give me good health / happiness to live!’.

A prosperous and happy life as desired in traditional religious views of the Mari is presented in detail. The idea of procreation, of children, is given special significance:

Кугу Юмо, шочшо икшывылан йонлыдымо уш-акылым пуэн, каван гане капан ыштен, умла гане овартен, эр тӱтыра гане нӧлтмыктен, шушо кинде гане пенгыде ыштен, пенгыдылыкым пуэн, кече гане иян-кечан ыштен, тылзе гане тичмашылыкым пуэн, шӱдыр гане волгыдылыкым пуэн, шыште печкен гане тӧр ылышым пуэн, вараксим гане вычыматын, ош порсын гане у́мыр сулен илаш кугу шулыкым тый дечет, Кугу Юмо, йодын кумалына [7. P. 81] ‘Great Yumo, giving unclouded reason to the children who are born; making them as tall as a haystack; like hops, raising; like the morning mist, raising; like ripe grains, making them firm; like the sun, making them long-lived; like the moon, giving fullness; like the stars, giving light; like wax, giving an even life; like swallows, rejoicing; to live like white silk, prolonging life, we pray to you, Great Yumo, asking for great happiness.’

Conclusion

The concept of *shulyk*, actively presented in the Mari religious discourse, is manifested as polysemantic, reflecting the evolution of religious ideas of the ethnic group. In the ethno-religious concept of шулык such semantic features as light, rise, fullness, growth, joy, vitality, energy, longevity, happiness are actualized.

Synonyms of the word шулык, their differentiation by dialects is an indicator of the significance of the concept both for the people as a whole and for all ethnic groups. Systemic connections of the analyzed concept with the concepts of *perke* ‘abundance’, *serlagysh* ‘protection, mercy’, *tichmash* ‘fullness, integrity’ clearly demonstrate the antiquity of the concept, the peculiarities of not only religious views, but also the mentality of the Mari.

Further analysis of Mari religious concepts, the religious picture of the world as a whole, must be carried out taking into account that in the context of believers turning to the lost traditions of the Mari ethnic religion, new elements arise in it [11]. The key concepts of the Mari ethnic religion reveal the peculiarities of the Mari views on the nature of the divine, and allow us to comprehend and come closer to understanding the spiritual values of the people.

References

1. Galieva, M.R. 2015. “Religious consciousness in the language world picture.” *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, issue 5, pp. 35–46. EDN: TVVMWT Print. (In Russ.)

2. Postovalova, V.I. 2014. “Religious concepts in the Orthodox worldview (experience of theological analysis).” *Critique and semiotics*, no. 2, pp.127–148. EDN: SWJZYV Print. (In Russ.)
3. Vasil’ev, V.M. 1926. *Mari dictionary*. Moscow: Central Publishing House of the Peoples of the USSR. Print. (In Mari, in Russ.)
4. *Dictionary of the Mari Language*. 2004. Joshkar-Ola: Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History. Vol. 9. Print. (In Russ.)
5. *Tatar-Russian dictionary*. 1966. Moscow: Soviet Encyclopedia. Print. (In Tat., in Russ.)
6. *Texts of Mari prayers*. 2018. Compiler V.G. Blinov. Joshkar-Ola: Limited Liability Company Newspaper “Mari El”. Print. (In Mari)
7. *Texts of Mari prayers*. 1991. Compiler N.S. Popov. Joshkar-Ola: Mari Publishing House. Print. (In Mari).
8. Popov, N.S., Tanygin A.I. 2003. *Mari religion. Local history research*. Joshkar-Ola: Ministry of Culture and National Affairs of the Republic of Mari El, Republican Folk Art Center. Print. (In Mari).
9. Mamaev, V.M. 2014. *Mari religion and holidays*. Joshkar-Ola. Print. (In Mari)
10. *Dictionary of the Mari Language*. 2004. Vol. 10. Joshkar-Ola: Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History. Print. (In Mari, in Russ.)
11. Abukaeva, L.A. 2022. “Modern discourse of the Mari traditional religion as an object of linguistic analysis.” *Vestnik of the Mari State University*, vol. 16, no. 2, pp. 231–237. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-2-231-237> EDN: SMJSJZ (In Russ.)

Bio note:

Lyubov A. Abukaeva is a Doctor of Philology, Head of the Center of Uralic Languages Studies, Mari State University, 1 Lenin Sq, 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-9622-6770. E-mail: sylne@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-77-87

EDN: FVMKUN

Научная статья / Research article

Семантическая оппозиция *ошо* — *шеме* ‘белый — черный’ в паремиологическом фонде марийского языка

А.А. Митрускова^{ORCID}

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

✉ angel-ika.30@mail.ru

Аннотация. Анализируются паремии с лексемами *ош* / *ошо* ‘белый’ и *шеш* / *шеме* ‘черный’, в том числе в составе семантических оппозиций. Исследование выполнено на материале национального корпуса марийского языка, а также материалах словарей, сборников фольклора. Дано описание смысловых наполнений паремий, представлена расшифровка некоторых культурных кодов, описана система ценностей марийского народа, репрезентированная в анализируемых паремиях. В структуре оппозиции *ошо* — *шеме*, помимо собственно лексической семантики, актуализируется оценочная семантика: *ошо* ‘белый’ воплощает светлое, чистое, настоящее, истинное, *шеме* ‘черный’ содержит аксиологические компоненты значения ‘темный, злой, плохой, безрадостный, тяжелый, вредный, гнетущий’. В рассматриваемой семантической оппозиции отражается идея единства противоположных начал: *Ошо пелен кеч-кунанат шеме лиеш* ‘Рядом с белым всегда бывает черное’. Противопоставленность трактуется в народном сознании неоднозначно: *Шеме да шеремет, ошо да керемет* ‘Черный да дорогой (милый), белый да чертов’, *Шеш шорыкат ош пачам ыштен кертеш* ‘И от черной овцы может родиться белый ягненок’. В семантической оппозиции *ошо* — *шеме* ‘белый — черный’ в определенной мере находит воплощение народное мировидение и мировосприятие, оценка действительности.

Ключевые слова: марийский язык, паремия, пословица, загадка, присловье, запрет, семантическая оппозиция, культурный код

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00064 «Сакральные тексты марийской этнической религии как лингвокультурный феномен».

Для цитирования: Митрускова А.А. Семантическая оппозиция *ошо* — *шеме* ‘белый — черный’ в паремиологическом фонде марийского языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 77–87. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-77-87>

© Митрускова А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Semantic Opposition *Osho* — *Sheme* ‘White — Black’ in the Paremiological Fund of the Mari Language

Anzhelika A. Mitruskova^{ID}

Mari State University, *Yoshkar-Ola, Russian Federation*

✉ angel-ika.30@mail.ru

Abstract. In this study an analyze the paroemias with the lexemes *osh* / *osho* ‘white’ and *shem* / *sheme* ‘black’, including as part of semantic oppositions is performed. The research was carried out on the material of the national corpus of the Mari language, as well as materials from dictionaries, collections of folklore. The work describes the semantic content of the paroemias, provides a decoding of some cultural codes, and describes the value system of the Mari people. In the structure of the opposition to *osho* — *sheme*, in addition to the lexical semantics proper, evaluative semantics is actualized: *osho* ‘white’ embodies light, pure, real, true, *sheme* ‘black’ contains axiological components of the meaning ‘dark, evil, bad, joyless, heavy, harmful, oppressive’. The semantic opposition under consideration reflects the idea of unity of opposite principles: *Osho pelen kech-kunamat sheme liesh* ‘There is always black next to white.’ The opposition is interpreted ambiguously in the national consciousness: *Sheme da sheremet, osho da keremet* ‘Black but dear (cute), white but damn’, *Shem shorykat osh pacham yshten kertesh* ‘Even a black sheep can produce a white lamb’. The semantic opposition *osho* — *sheme* ‘white — black’ to a certain extent embodies the people’s worldview and perception, the assessment of reality.

Key words: Mari language, paroemia, proverb, riddle, saying, taboo, semantic opposition, cultural code

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding: The study was supported by grant No. 25-28-00064 from the Russian Science Foundation “Sacred texts of the Mari ethnic religion as a linguacultural phenomenon.”

For citation: Mitruskova, A.A. 2025. “Semantic Opposition *Osho* — *Sheme* ‘White — Black’ in the Paremiological Fund of the Mari Language.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 77–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-77-87>

Введение

Цель исследования — анализ смысловых наполнений паремий со словами *osh(o)* ‘белый’, *shem(e)* ‘черный’, в том числе в составе семантических оппозиций, расшифровка некоторых культурных кодов в паремиях с указанными лексемами.

Исследование паремий марийского языка проводилось на основе опубликованных материалов А.Е. Китикова [1–3], Т.Е. Евсеева [4], Ф.Т. Грачевой [5], Л.А. Абукаевой [6], а также корпуса марийского языка. Анализу подвергнуты марийские пословицы, поговорки, загадки, присловья, запреты. Используются описательно-аналитический метод, компонентный, контекстуальный и лингвокультурологический анализ. Перевод некоторых иллюстраций осуществлен автором статьи в целях отражения национальной специфики паремий.

Результаты и обсуждение

В настоящее время интерес к исследованию паремиологического фонда языков значительно вырос. Однако до настоящего времени у исследователей нет однозначного мнения по поводу точного определения паремии. В некоторых работах термин *паремия* обозначает классы народных афоризмов, таких как пословицы, поговорки, загадки, приметы, присловья, прибаутки [7; 8]. В состав паремий включают и такие жанры устного народного творчества, как запреты (табу) [6].

Обзор существующих определений паремий и истории их изучения представлены в трудах М.А. Черкасского [9], Г.Г. Матвеевой и М.А. Серединой [10], Е.И. Селиверстовой [11], М.Л. Ковшовой [12], М.А. Бредис, М.С. Димогло, О.В. Ломакиной [13], Л.Б. Захаровой и Е.В. Захаровой [14].

Одним из актуальных объектов исследований на материале паремий в последние годы становится семантика и символика цвета. Ученые при этом исходят из гипотезы, согласно которой восприятие какого-либо цвета может отличаться у разных народов [15].

В марийском паремиологическом фонде из цветообозначений слово *ошо* ‘белый’ является одним из главных элементов символики не только цвета. Для марийского народа белый цвет воплощает в себе светлое, чистое, священное начала. Так, эпитетом слова *юмо* ‘бог’ в марийской этнической религии, наряду с постоянными эпитетами *кугу* ‘великий’, *поро* ‘добрый, милостивый’, является слово *ошо* ‘белый, светлый’. В этой связи некоторые животные, птицы, насекомые особо почитаемы, что фиксируется в культовых запретах: *Ош йўк-сым лўяш ок йөрö — еш илышыште пудыранчык лиеш* [6. С. 45]. ‘Белых лебедей стрелять нельзя — в семейной жизни возникнет беспорядок’; *Лыпыньым, поснак ошым, пушташ ок йөрö — тиде кугезе кочай-кувавай-влак* ‘Бабочек, особенно белых, убивать нельзя. Это наши предки’ [6. С. 165].

Эпитет *ошо* ‘белый’ выступает и как постоянный в самоназвании мари. Сочетание *ош марий* ‘светлый / белый мари’ имеет значение «приверженец марийской этнической религии, истинный мари». Оно представлено в древнейших текстах. Приведем примеры из марийской молитвы:

*Ме языкан улына, чылажым она пале, вучен шогыктен улына тыйым. Но ош марий калык монден огыл, тьят, Петро Юмо, ит мондо ош марий кылыкым*¹ ‘Мы грешны, всего не ведаем, обещанное моление провели. Но светлый / белый народ мари тебя не забыл, Святой Петр, и ты не забывай светлый / белый марийский народ’; *А тебе, вўчкен товлен йөрәтен лий, Поро*

¹ Текст марийской молитвы // Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marii.ru/> (дата обращения: 26.09.2024).

Кугу Кава Юмо! Теле кечын лўдын-вожыл илымеке, таче теве, кугарня кечын ял марий пошкудо дене, район көргө пошкудо дене ик ойым ыштен, тичмаиш мелна кышыл дене, тичмаиш саска сорта дене Кава Юмо дечын ош марий калык лўм дене поро тазалыкым, серлагышым йодын кумалаиш лекна² ‘А вот с любовью и милостью прими, Добрый Великий Бог неба! Прожив зимние дни в страхе, в стеснении, сегодня вот, в день пятницы, с деревенским народом, соседями, придя к единому согласию, с непочатой стопкой блинов, с непочатой восковой свечой вышли мы молиться, просить у Бога неба для светлого / белого народа мари здоровья, защиты / милости’.

Сочетание *ош марий* ‘светлый / белый народ мари’ активно функционирует и в современном религиозном дискурсе, а именно в публицистических статьях служителей культа марийской этнической религии, в работах журналистов, освещающих события из религиозной жизни:

Марий Шнуй Оннам, Поро Лемдетўр Курык Кугызанам, Ош марий калык нигунамат мондышаиш огыл да тудын кийыме вержым сайын сōрастарен, кўкшыын аклен кучышаиш³ ‘Нашего Святого князя, Доброго Старика Горы, светлый / белый народ мари никогда не должен забывать, и место его упокоения, украсив, должен высоко чтить’; Юмылан тау. Шнуй Оным Ош марий калык нигунамат ок мондо. Тидым курымеш шарнен илаиш, кийыме вержым арун кучаиш, эреак сōрастарен шогаиш товатлен, угыч ваилиймеш чеверласыиш⁴ ‘Благодарность Богу. Святого князя светлый / белый народ мари никогда не забудет. Поклявшись помнить вечно, содержать в чистоте и украшенным место его упокоения, до следующей встречи распрощались’.

Мастера художественного слова, используя сочетание *ош марий* ‘светлый / белый мари’, подчеркивают свою приверженность традициям, включают его в произведения современной тематики:

Ош марий улмына — курымаиш сугынь мут⁵ ‘То, что мы светлые / белые мари, — вековой завет’; Ужар ото ўмбалне кўишнō ик турий Тўням моктен мура. Ладыра пушенге лонгаиште ош марий Кава Юмылан кумалын шога⁶

² Текст марийской молитвы // Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marnii.ru/> (дата обращения: 26.09.2024).

³ Мамаев В. Пагален, вуйнам савена = Проявляя уважение, молимся // Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marnii.ru/> (дата обращения: 26.09.2024).

⁴ Шамиев Б. Мер-политик илыш. Шўм-чон яндарлыкна ешаралтеш = Общественно-политическая жизнь. Чистота наших душ прибавляется // Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marnii.ru/> (дата обращения: 26.09.2024).

⁵ Дудина З. Стихотворения // Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marnii.ru/> (дата обращения: 26.09.2024).

⁶ Асаев А. «Ото» нерген мут = Слово об «Ото» // Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marnii.ru/> (дата обращения: 26.09.2024).

‘Над зеленой рощей, восхваляя Вселенную, распевает жаворонок. Между раскидистых деревьев светлый / белый мари молится Богу Неба’; *Йырваш мотор ош мариш семын Волгалт кая Марий Элна*⁷ ‘Подобно светлому / белому народу мари сияет кругом наша Марий Эл’; *Ош маришын уло Шкенжсын шочмо вел, Чоныш лишыл, шерге, Сылне Марий Эл*⁸. ‘У светлого / белого народа мари есть своя родина, близкая для души прекрасная Марий Эл’.

Слово *ошо*, как и в языковой картине мира других народов, семантически противопоставляется лексеме *шеме* ‘черный’. Рассмотрим словарные дефиниции указанных слов.

Ошо ‘белый’ в марийском языке имеет 8 значений: 1. белый (при обозначении цвета); 2. светлый, более светлый по сравнению с другими, белокурый; 3. бледный, слабо окрашенный; 4. чистый, не грязный (об одежде); 5. *перен.* белый; находящийся на стороне контрреволюции; 6. *сущ.* белый; белолицый, белокожий человек; блондин; 7. *сущ. перен.* белый, контрреволюционер; 8. *сущ. перен.* белое вино, водка [16. С. 361].

Слово *шеме* в марийском языке имеет больше значений, чем *ошо*: 1. черный; цвета сажи, угля; 2. черный, темный; мглистый, мрачный, сумрачный; погруженный в мрак; 3. смуглый; с темным цветом кожи; 4. черный, вороной (о лошадях), имеющий сплошь черную шерсть, черный с лоском или с синеватым отливом; 5. грязный; покрытый грязью, нечистый, испачканный чем-л.; 6. *перен. разг.* черный, черновой, неквалифицированный, подсобный, физически тяжелый (о труде, работе); 7. *перен.* черный, отрицательный, плохой, предосудительный; 8. *перен.* черный, безрадостный, тяжелый, тяжкий, мрачный, страшный; 9. *перен.* черный, злой, злобный, злостный, низкий, коварный; 10. *перен.* черный, темный, чародейский, колдовской, связанный с нечистью; 11. *перен.* темный, невежественный, отсталый, бескультурный, неграмотный; 12. *в знач. сущ.* что-л. черное, чернота, черный цвет [17. С. 80–81].

В марийских паремиях слова *ошо* и *шеме* употребляются как в своих прямых, так и в переносных значениях. Причем в анализируемых материалах не выявлены паремии, в которых слово *ошо* реализует свои 3, 5, 7 и 8-е значения, слово *шеме* — 6-е значение, что вполне объяснимо, поскольку указанные значения (кроме 3 у слова *ошо*) являются новыми.

В пословицах слово *ошо* отражает воплощение чистого, праведного:

Ошеш вочшыш товар дене руал налаш ок лий ‘Что легло на белое, то не вырубись топором’ [3. С. 89].

⁷ Анисимов Э. Стихотворения // Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marnii.ru/> (дата обращения: 26.09.2024).

⁸ Режеж-Горохов В. Стихотворения // Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marnii.ru/> (дата обращения: 26.09.2024).

Шеме в марийских паремиях несет две основные смысловые нагрузки: 1) черное, негативное: *Арака шкеже яндар, да кышаже шеме* ‘Водка сама чистая, да следы ее черные’ [2. С. 27]; 2) нечто безрадостное, мрачное, гнетущее: *Ойго курык деч нельырак, пелйүд деч шемырак* ‘Горе горы тяжелее, полуночи мрачнее’ [2. С. 189].

Тем не менее *шеме* ‘черный’ не всегда и не обязательно означает плохой, отрицательный, непригодный и т.п.: *Шем мландеш кинде шочеш* ‘На черной земле хлеб родится’ [1. С. 52]. При этом *ошо* ‘белый’ отнюдь не значит хороший, положительный: *Лумат ошо, да кочкаш ок йөрө* [1. С. 48] ‘Снег-то белый, да в пищу не годится’.

Наиболее ярко, контрастно смысловые наполнения паремий проявляются в тех конструкциях, в которых представлена семантическая оппозиция *ошо* — *шеме* ‘белый — черный’.

В современном языкознании изучение особенностей семантических оппозиций, особенно в составе паремий, вызывает большой интерес, так как они являются универсальными для отражения окружающего мира и многие модели пословиц и поговорок организованы по принципу противопоставления.

Рассматриваемая семантическая оппозиция в паремиях передает противоположность цветовых обозначений белого и черного, к примеру, мастей животных:

Ош пий кочшыжо, шем пийлан йолаже ‘Съела белая собака, а подозревают черную’ [3. С. 89]; *Ош шорыкшо кайыш, шемыже кодо (лум)* ‘Белая овца ушла, чёрная осталась (снег)’ [18. С. 44].

В основе анализируемой оппозиции в марийской лингвокультуре лежит оценка: *шеме* чаще ассоциируется с отрицательным, а *ошо* — с положительным:

Шимйи дон ошым айырен мышта, нуры дон худам пӓлӓ ‘Черное и белое различает, добро и зло знает’ [5. С. 67].

Марийские паремии демонстрируют, что *шеме* воплощает в себе невежество, поэтому оно не способно к восприятию самого очевидного:

Шем тумналан ош кечывалжат — пычкемыш йүд ‘Черному сычу и белый свет как темная ночь’ [2. С. 283].

Противопоставленность трактуется в народном сознании неоднозначно:

Шеме да шеремет, ошо да керемет [3. С. 143] ‘Черный да дорогой (милый), белый да чертов’; *Шем шорыкат ош пачам ыштен кертеш* ‘И от черной овцы может родиться белый ягненок’ [3. С. 143].

Поэтому *шеме* не значит не достойное, не соответствующее норме:

Ош кинде шем рокеш шочеш ‘Белый хлеб на черной земле родится’ [3. С. 89];
Ушкарже шеме, да шёржё ошо ‘Корова черная, да молоко белое’ [3. С. 128].
И *ошо* не обязательно значит доброе, чистое, светлое: *Шем мландеш кинде шочеш, ош мландеш ия вузялеш* ‘На черноземе (букв. на черной земле. — А.М.) хлеб уродится, на белой земле черти заводятся’ [3. С. 142].

Исходя из этого, учитывая оценочную семантику оппозиции *ошо* — *шеме*, ее смысловые наполнения в марийских поговорках в некоторых случаях можно интерпретировать по-разному, имея в виду и то, что порой содержание пословиц может отражать противоположные смыслы.

В горномарийском наречии функционирует поговорка с вариантами, в которой прилагательные как члены семантической оппозиции выступают в обратной последовательности:

Цьйрежьё ошы, йангжё шимьё ‘Лицо белое, душа черная’ [5. С. 12];
Бшкежьё ошы, йангжё шимьё ‘Сам белый, душа черная’ [5. С. 89].

Эти поговорки выражают мысль о том, что может быть полное несоответствие между внешним проявлением и внутренним содержанием.

Пословицы с анализируемой семантической оппозицией передают идеи, которые являются универсальными. Среди них и следующая: важное значение имеет не внешность, а внутренняя красота:

Шеме гынат, чонжо ошо (яндар) ‘Хоть и смуглый, да душа светлая (чистая)’ [1. С. 62].

В рассматриваемой семантической оппозиции отражается идея единства противоположных начал:

Ошо пелен кеч-кунамат шеме лиеш ‘Рядом с белым всегда бывает черное’ [1. С. 92].

Пословицы, включающие несколько семантических оппозиций, являются наиболее выразительными:

Ошым ошемдат, шемым шемемдат ‘Белое белят, черное чернят’ [3. С. 89].

Возможно, эта поговорка — сокращенный вариант поговорки *Сар ошым шемемда, шемым ошемда* ‘Война белое чернит, черное белит’ [3. С. 107], смысл которой интерпретируется таким образом: война расставляет все на свои места. Благодаря эллипсису поговорка расширила свое значение.

В загадках как в своеобразных способах метафорической репрезентации миропонимания, познания окружающей действительности широко представлены основные принципы менталитета марийского этноса:

Шем ушкар чылам пышта, ош ушкар чылам кынетла (йүд, кече) ‘Чёрная корова всех уложила, белая пришла — всех подняла (ночь, день)’ [18. С. 75]; Шем ушкыж ден ош шорык өргедылыт (йүд, кече) ‘Чёрный бык с белой овцой бодается (ночь, день)’ [18. С. 75]; Ошыжым кочкыт, шемыжым кудалтат (сорта) ‘Белое едят, чёрное бросают (свеча)’ [18. С. 262].

Противопоставления, положенные в основу описаний предметов в загадках, позволяли кратко и в то же время емко представить их основные свойства: *Шем вүлем ош почан (име) ‘Чёрная кобыла с белым хвостом (иголка)’ [18. С. 230]; Ош алаша шем оржан (име) ‘Белый жеребец с чёрной гривой (иголка)’ [18. С. 230].*

Благодаря наглядности в загадках создавался образный ряд, что в определенной мере облегчало поиск нужного ответа, приближало разгадку:

Лум деч ошо, шүч деч шеме (шогертен) ‘Белее снега, чернее угля (сорока)’ [18. С. 155]; Ошо — лум гай, шеме — копшанге гай, Ужарге — шоган гай, пörдеш — вүтеле гай (шогертен) ‘Бела — как снег, черна — как жук, Зелена — как лук, вертится — как кулик (сорока)’ [18. С. 156]; Нерже ошо, шкеже шеме, Пакча воктен коштеи, ломашым погалеш (шемгорак) ‘Сам чёрный, клюв белый, По грядкам ходит, жёрдочки собирает (грач)’ [18. С. 158]; Ош пörтеш шочеш, шем ялыште ила (кутко) ‘Родится в белой избе, живёт в чёрной деревне (муравей)’ [18. С. 165]; Шем сösна ош үдырын үтшым шереш (шондаш) ‘Чёрная свинья расчёсывает девушку-блондинку (чесалка)’ [18. С. 235].

В марийских загадках представлен также символический ряд из трех компонентов:

Аваже ошо, үдыржө чевер, эргыже шеме (комака, тул, шүй) ‘Мать — белая, дочь — красная, сын — черный (печка, угли)’ [4. С. 83]; Чодыраште шеме, нурышто шара, мөнгыштө ошо (нымыште) ‘В лесу черна, в поле сера, в избе бела (молодая липа)’ [18. С. 95].

Заключение

В составе марийских паремий особое место занимают пословицы со словами *ошо* ‘белый’, *шеме* ‘черный’. Значительная часть из них организована на основе семантической оппозиции *ошо — шеме* ‘белый — черный’. В паремиях она используется для обозначения цветовой символики, выражения оценочной семантики, смысловых нагрузок.

В структуре оппозиции *ошо* — *шеме*, помимо собственно лексической семантики, актуализируется оценочная семантика: *ошо* ‘белый’ воплощает светлое, чистое, настоящее, истинное, *шеме* ‘черный’ содержит аксиологические компоненты значения ‘темный’, ‘злой’, ‘плохой’, ‘безрадостный’, ‘тяжелый’, ‘вредный’, ‘гнетущий’.

Семантическая оппозиция *ошо* — *шеме* ‘белый — черный’ в марийской языковой картине мира представлена следующими видами смысловых наполнений: противоположные начала проявляются как неразрывное единство; между внешним проявлением и внутренним содержанием может быть полное несоответствие; важное значение имеет не внешняя, а внутренняя красота. Эти идеи, безусловно, являются универсальными и находят отражение и в пословицах других народов.

Перспективным продолжением работы представляется анализ других продуктивных семантических оппозиций в марийском паремиологическом фонде, а также расшифровка заложенных в них культурных кодов путем лингвокультурологического комментирования.

Список литературы

1. Китиков А.Е. Калыкмут = Пословицы. Йошкар-Ола : Марий книга издательство, 1981.
2. Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер = Словарь марийских пословиц и поговорок. Йошкар-Ола : Марий книга издательство, 1991.
3. Марий калык ойпого: Калыкмут-влак = Свод марийского фольклора : пословицы и поговорки / сост. А.Е. Китиков. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2004.
4. Евсеев Т.Е. Калык ойпого: Тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туньктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шўведыме ю-влак = Марийский фольклор: марийские сказания, сказки, предсказания, сновидения, нравочения, юмор, загадки, молитвы и заклинания. Йошкар-Ола : Марий книга савыктыш, 1994.
5. Грачева Ф.Т. Горномарийские пословицы, поговорки, загадки, приметы / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2001.
6. Абукаева Л. А. Запреты в системе воззрений мари : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2018. EDN: YROWAZ
7. Семененко Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Белгород : Изд-во Белгородского ун-та, 2011. EDN: QWUNSP
8. Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль : монография / под ред. В.М. Мокиенко. Москва : РУДН, 2018. EDN: ZAXLUD
9. Черкасский М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст) / сост. Г.Л. Пермяков. Москва : Наука, 1978. С. 35–52.
10. Матвеева Г.Г., Серегина М.А. К определению понятия «паремия» (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2009. № 3. С. 175–178. EDN: KZPRTX
11. Селиверстова Е.И. О некоторых константах в паремике // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 54. С. 66–70. EDN: KZUNCJ
12. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок : антропонимический код культуры : монография. Москва : Ленанд, 2019. EDN: BKRGSM
13. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Россий-

- ского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284> EDN: JKHVJH
14. Захарова Л.Б., Захарова Е.В. Дефиниция и классификация паремий в русском и испанском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2021. Т. 14. Вып. 11. С. 3560–3564. <https://doi.org/10.30853/phil20210577> EDN: LEEJOP
15. Бакуменко О.Н. Корреляция разноязычных цветоконцептов в идиолекте билингва В. Набокова // Проблемы этнолингвистики и этнопедагогике в контексте региональных исследований : материалы Всерос. науч. конф. 29.06.05 – 30.06.05. Славянск-на-Кубани : Изд. центр СГПИ, 2005. С. 134–147.
16. Словарь марийского языка. Том IV : М — Ö (ма — öрчыктарымаш) / А.А. Абрамова, Л.И. Барцева и др.; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1998.
17. Словарь марийского языка. Том IX : Ш, Щ / сост. А.А. Абрамова, Е.А. Черашова. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2004.
18. Марий калык ойпого: Марий калык тушто-влак = Свод марийского фольклора: Марийские народные загадки / сост. А.Е. Китиков. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2006.

References

1. Kitikov, A.E. 1981. *Proverbs*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House. Print. (In Mari)
2. Kitikov, A.E. 1991. *Dictionary of Mari proverbs and sayings*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House. Print. (In Mari)
3. Kitikov, A.E., eds. 2004. *Collection of Mari folklore: Proverbs and sayings*. Yoshkar-Ola: MarSRILLH publ. Print. (In Russ.) (In Mari)
4. Evseev, T.E. 1994. *Mari folklore: Mari legends, fairy tales, predictions, dreams, moral teachings, humor, riddles, prayers and spells*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House. Print. (In Mari)
5. Gracheva, F.T. 2001. *Hill Mari proverbs, sayings, riddles, signs*. Yoshkar-Ola: Mari State University. Print. (In Russ.) (In Mari)
6. Abukaeva, L.A. 2018. *Prohibitions in the system of Mari's views: monograph*. Yoshkar-Ola: Mari State University. EDN: YROWAZ Print. (In Russ.)
7. Semenenko, N.N. 2011. *Russian paroemias: functions, semantics, pragmatics*. Belgorod: Belgorod University publ. EDN: QWUNSP Print. (In Russ.)
8. Lomakina, O.V. 2018. *Phraseology in the text: functioning and idiostyle: monograph*. Edited by V.M. Mokienko. Moscow: RUDN publ. EDN: ZAXLUD Print. (In Russ.)
9. Cherkasskij, M.A. 1978. “The experience of building a functional model of one particular semiotic system (proverbs and aphorisms).” *In Paremiological collection. Proverb. Riddle (structure, meaning, text)*, pp. 35–52. Moscow: The science. Print. (In Russ.)
10. Matveeva, G.G., and M.A. Seregina. 2009. “To the definition of the concept of “paroemia” (based on the material of the Russian and German languages).” *Pyatigorsk State University bulletin*, no. 3, pp. 175–178. EDN: KZPRTX Print. (In Russ.)
11. Seliverstova, E.I. 2009. “About some constants in the pareemics.” *Vestnik of Novgorod State University*, no. 54, pp. 66–70. EDN: KZUNCJ Print. (In Russ.)
12. Kovshova, M.L. 2019. *Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings. Anthroponymic code of culture: monograph*. Moscow: Lenand publ. EDN: BKRGSM Print. (In Russ.)
13. Bredis, M.A., Dimoglo, M.S., and O.V. Lomakina. 2020. “Paremmas in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential.” *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284> EDN: JKHVJH Print. (In Russ.)
14. Zakharova, L.B., and E.V. Zakharova 2021. “Definition and Classification of Paroemia in the Russian and Spanish Languages.” *Philology. Theory and Practice*, vol. 14, no. 11, pp. 3560–564. <https://doi.org/10.30853/phil20210577> EDN: LEEJOP Print. (In Russ.)

15. Bakumenko, O.N. 2005. “Correlation of multilingual color concepts in V. Nabokov’s bilingual idiolect.” In *Problems of ethnolinguistics and ethnopedagogy in the context of regional studies: proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. Slavyansk-on-Kuban: Publishing Center of the Slavic State Pedagogical Institute, pp. 134–147. Print. (In Russ.)
16. *Dictionary of the Mari language*. 1998. Edited by I.S. Galkin, vol. IV. М–Ӗ (ma – örchyktarymash). Print. (In Russ.) (In Mari)
17. *Dictionary of the Mari language*. 2004. Vol. IX. Sh, Shh. Print. (In Russ.) (In Mari)
18. Kitikov, A.E., eds. 2006. *Collection of Mari folklore: Mari folk riddles*. Yoshkar-Ola: MarSRILLH publ. Print. (In Russ.) (In Mari)

Сведения об авторе:

Митрускова Анжелика Ананьевна — аспирант кафедры финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1. ORCID: 0009-0007-5805-5214. E-mail: angel-ika.30@mail.ru

Bio note:

Anzhelika A. Mitruskova — postgraduate student of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University, 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-5805-5214. E-mail: angel-ika.30@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-88-98

EDN: GANNIC

Научная статья / Research article

Компаративные модели и образы в марийских народных песнях

Ю.В. Полякова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

✉ yulia_love95@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ компаративных (структурных) моделей и компаративных образов (семантических особенностей) сравнений, функционирующих в марийских народных песнях. Структурными компаративными моделями в анализируемых текстах календарно-обрядовых и семейно-обрядовых песен являются следующие: «существительное в именительном падеже + послелог гае / гане / гай / гаяк»; «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже»; «имя существительное в именительном падеже + послелог семын / семынак»; «имя существительное в именительном падеже + суффикс *-ла*». В народных песнях наиболее продуктивны семантические компаративные модели, в которых человек или животное сравнивается с объектом окружающего мира (растительный объект: *снеге пеледыш гае ўдыр-танем кодеш* ‘девушка-подруженька моя, как цветок земляники, остаётся’; зооморфный объект: *шырчык гае латик уныкам уло* ‘есть у меня одиннадцать внуков, подобных скворушкам’; природно-религиозный объект: *вўташ петырыме шем ушкалет вўд гыч лекше Вўдава гае* ‘чёрная корова в хлеву как Богиня-Мать воды, вышедшая из реки’; вещный объект: *чеве́р мўгинде гай ўдыр-танна кодале* ‘как пряник расписной, осталась наша душа-подруженька’). Сравнения носят символический характер, отражают народный взгляд на мир, демонстрируют проявление языкового творчества носителей диалектной речи. Некоторые сравнения из произведений марийского устного народного творчества стали символами, национально-специфическими стереотипами.

Ключевые слова: марийский язык, марийские народные песни, сравнения, компаративные модели, компаративные образы

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: автор выражает признательность доктору филологических наук, начальнику Центра изучения уральских языков Марийского государственного университета Л.А. Абукаевой за консультационную помощь в подготовке работы.

Для цитирования: Полякова Ю.В. Компаративные модели и образы в марийских народных песнях // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 88–98. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-88-98>

© Полякова Ю.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Comparative Models and Images in Mari Folk Songs

Yulia V. Polyakova^{ORCID}

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

✉ yulia_love95@mail.ru

Abstract. The work is aimed at studying comparative (structural) models and comparative images (semantic features) of comparisons functioning in Mari folk songs. The structural comparative models in the analyzed texts of calendar-ritual and family-ritual songs are the following: “noun in the nominative case + postposition *gaye / gane / gay / gayak*”; “noun in the nominative case + noun in the nominative case”; “noun in the nominative case + postposition *semyn / semynak*”; “noun in the nominative case + suffix *-la*”. In the folk songs of the most productive semantic comparative models in which a person or animal is compared with the object world (the plant object: *snege peledysh gaye udyr-tangem kodesh* ‘girl-girl, as the flower of strawberry, remains’; zoomorphic object: *shyrchyk gae latik unycam ulo* ‘I have eleven grandchildren like skvorushka’; natural religious object: *vutash petyryme shem ushcalet vud gych lekshe Vudava gae* ‘black cow in the stable as the Mother Goddess of the water coming out of the water’; the real object: *chewer muginde gay udyr-tangna kodale* ‘as the carrot painted, left our soul-girlfriend’). The comparisons are symbolic in nature, reflect the people’s view of the world, and demonstrate the manifestation of linguistic creativity of speakers of dialect speech. Some comparisons in the works of Mari oral folk art have become symbols, national-specific stereotypes.

Key words: mari language, mari folk songs, comparisons, comparative models, comparative images

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to Doctor of Philology, Head of the Center for the Study of Ural Languages of the Mari State University L.A. Abukaeva for consulting help in preparing this work.

For citation: Polyakova, Yu.V. 2025. “Comparative Models and Images in Mari Folk Songs.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 88–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-88-98>

Введение

Устное народное творчество занимает важное место в становлении и развитии марийского литературного языка. Этот процесс особенно активно происходил в конце XIX в., когда стали целенаправленно собирать и публиковать тексты марийского фольклора. Так, в 1887 г. Ф. Васильев в свою книгу «Пособие к изучению черемисского языка» включил около 70 народных песен и 1 молитву. Особое влияние на становление литературного языка имели выпуски марийского календаря, в которых наряду с другими фольклорными текстами в каждом номере печатались и марийские народные песни. Затем появились отдельные книги народных песен. История публикации и изучения марийских народных песен с особым акцентом на гостевые песни изложена в монографии Л.А. Абукаевой «Марийские гостевые песни в контексте традиций гостеприимства» [1].

Исследователи сходятся во мнении, что марийские народные песни во всех своих разновидностях (лирические, колыбельные, трудовые, бытовые, игро-

вые, хороводные, обрядовые, солдатские) отражают философское, этнокультурное, психологическое начало менталитета в ракурсе крупнейших исторических, общественных событий в жизни этноса, а также определенных циклов времен года, человеческой жизни, трудовой деятельности. В каждой из указанных разновидностей песен функционируют изобразительно-выразительные средства, которые помимо стилистических функций выполняют роль репрезентации культурных кодов. В этом контексте особое внимание ученых привлекают образные сравнения.

В 2019 г. был издан лексикографический труд, составленный на базе Национального корпуса марийского языка, в который вошли образные сравнения, функционирующие в текстах марийского фольклора, авторские сравнения из текстов марийской литературы и публицистики [2]. Авторами «Словаря сравнений марийского языка» были представлены 176 компаративных конструкций из народных песен. Данная статья нацелена на анализ компаративных (структурных) моделей и компаративных образов (семантических особенностей) сравнений, функционирующих в марийских народных песнях на базе этого словаря, а также национального корпуса марийского языка¹.

Сравнительные конструкции занимают в языке особое место, поскольку, по выражению А.А. Потебни, «сам процесс познания, есть процесс сравнения» [3. С. 162]. В данной работе из множества определений сравнения приняты следующие. Согласно А.Ф. Прияткиной, сравнение — это художественный прием (троп), при котором образ создается посредством сравнения одного объекта с другим. Автор отмечает, что сравнение отличается от других художественных сопоставлений, например, уподоблений, тем, что всегда имеет строгий формальный признак [4. С. 197]. В.В. Виноградов указывал, что сравнение — это логический приём, с помощью которого устанавливается сходство и различие предметов, явлений объективного мира. Ученый считал, что сравнение обладает особой семантической и логической структурой, которая обусловлена его компаративным значением. В лингвистическом отношении сравнение представляет собой сложное единство значимых элементов, их особую организацию, т.е. модель или структуру [5. С. 6–31]. М.Д. Кузнец подразделяет сравнение на три составные части, но выделяет их более структурировано и обозначает более лаконично как: субъект сравнения (то, что сравнивается), объект сравнения (то, с чем сравнивается) и признак (модуль сравнения (общее у сравниваемых реалий) [6. С. 11]. Исследователи не единодушны в именовании одних и тех же элементов. Н.Д. Арутюнова, в свою очередь, обозначает их таким образом: предмет (то, что сравнивается), образ (то, с чем сравнивается) и признак (на основании которого и происходит сравнение первых двух) [7. С. 28]. Тем не менее заметим, что как бы по-разному ни именовались элементы сравнения, его структура восходит к одной и той же схеме.

¹ Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marnii.ru/> (дата обращения: 04.12.2024).

Обсуждение

Сравнение в языке имеет два принципиально разных результата — установление равенства или установление неравенства.

Равенство подразумевает, что некий признак представлен у сравниваемых объектов в одинаковой степени.

В противоположность этому элементы микрополя неравенства устанавливают более высокую или более низкую степени качества по сравнению с исходной формой. Микрополю неравенства присуще «объединение сравниваемых предметов (явлений, лиц) при качественном тождестве какого-либо свойства и нетождественности количества этого свойства в этих предметах (явлениях, лицах)» [8. С. 181]. Микрополе неравенства в марийском языке представляют различные типы степеней сравнения: сравнительная степень (суффикс *-рак*), превосходная степень (слова «*моткоч, пеш, путьрак, эн*»), также морфологические способы выражения степеней признака (суффиксы *-алге, -та, -ата, -ка, -ака*) и семантические характеристики конструкций микрополя неравенства (сравнения, направленные на описание человека или служащие описанию окружающей среды или предметов).

В исследованных текстах песен анализу подвергнуты конструкции микрополя равенства, где определенные признаки сравниваемых предметов и объектов представлены в одинаковой степени.

В марийских народных песнях выделяются следующие виды конструкций с микрополем равенства.

Сравнительные конструкции с маркером *-ла* имеют модель «имя существительное в именительном падеже + суффикс сравнительного падежа *-ла*»:

Тыйым ончем азала, йырет пӧрдам казала 'За тобой ухаживаю, как за ребёнком, верчусь пред тобой, как коза' [2. С. 224]; *Маке вуй шинчаже тулла койын почылтеш* 'Маков цвет раскрывается, будто огонь' [2. С. 182]; *Йогышо вӱдла лектын каена* 'Мы уйдём, как текущая вода' [2. С. 165]; *Кынела кушкын улына, пачашла ойыралтына* 'Как конопля росли мы вместе, как посконь расстаёмся' [2. С. 148].

Особой продуктивностью рассматриваемая модель отличается в марийских свадебных песнях, в которых с помощью компаративных конструкций создаются образы персонажей традиционной свадьбы:

Порсын ярымла сапым пыштышна 'Положили мы вожжи, как шёлковые пряди' [2. С. 301]; *Мемнан кондымо качыже моско тьякла веле коеш* 'Женех, которого мы привели, подобен московскому писарю' [2. С. 107]; *Мемнан нангайышаш удыржӧ шошым пелдышла веле коеш* 'Невеста, которую нам предстоит забрать, кажется весенним цветком' [2. С. 359]; *Меже толын улына да, мӱкшигыла модына* 'Мы прибыли и веселимся, как пчелиный рой' [2. С. 190].

Послеложные сравнительные конструкции организованы существительным в именительном падеже + *гай* / *гае* / *гане* / *гаяк* ‘как’.

Послелог в этой модели представлен в своих вариантах. Употребление того или иного варианта зависит от ритмической организации народной песни, а также жанровой разновидности. Так, послелог *гай* в большей степени используется в коротких свадебных песнях, в частушках и в рекрутских песнях:

Ший гай волгалт илыза ‘Живите, сияя, точно серебро’ [2. С. 56]; *Ен кокла гыч ончымаште мемнан родо олма гай* ‘Как посмотришь среди людей, наша родня точно яблочко’ [2. С. 293]; *Купсолажын марийже — үмылеш күйшө энгыж гай, Шернуржын үдыржө — кечеш күйшө снеге гай* ‘Купсолинский жених — точно малина, созревшая в тени, сернурская невеста — точно земляника, созревшая на солнце’ [2. С. 359]; *Шале марийын үдыржө — иреш шочшо ир олма гай, Маршан марийын качыже — лопеш шочшо лопшудо гай* ‘Девушки из деревни Шали — точно дикие яблочки, выросшие на воле, маршанские парни — точно лопухи, выросшие в низине’ [2. С. 360]; *Ой, үдыржат-моторжат, күйн шушо мөр гай. Энгыж гай чурийжым энгыжвондо коклаш палышна* ‘Ой, девица-красавица, словно спелая ягодка. Распознали мы её малиновое личико в малиннике’ [2. С. 360]; *Мыйын изи үдыремже — чонештен толишо суксо гай. Юмынүдыр гай пиалан лийже, Пиямбар үдыр гай поян лийже* ‘Доченька моя точно ангел, сошедший с неба. Пусть она будет счастлива, как дочь Бога, пусть она будет богата, как дочь Пророка’ [2. С. 355]; *Чеве мўгинде гай үдыр-тангна кодале, кайыше комбо гай шкеже каен колтышна* ‘Как пряник расписной, осталась наша душа-подруженька; как гуси дикие, улетели (букв. ушли) мы сами’ [2. С. 108].

Послелог *гае* в своем употреблении не дифференцируется по жанрам: он представлен и в гостевых, и в свадебных песнях, а также в частушках:

Пураже лийылден мүй гае, шонжо лийылден кўпчык гае ‘Квас подошёл по вкусу, как мёд, пена его стала словно подушка’ [2. С. 271]; *Волгыдыжым пуртышо тёрза рамем — сорта гае ужар пўнчын рўдыжө* ‘Оконная рама, пропускающая свет, — зелёной сосны стрежень, словно свечка’ [2. С. 291]; *Порсын ярым гае мемнан үмыржат эрталалын каялеш* ‘Жизнь наша, подобная пряди шёлка, проходит’ [2. С. 364]; *Садысе олма гае налиаш үдырем коदेश* ‘Как яблочко в саду, невеста моя остаётся’ [2. С. 355]; *Өрш мунетын йўдалам ыле гын, өрш гае чеве лийылдалам ыле* ‘Если бы я выпил яйцо снегиря, то был бы красив, как снегирь’ [2. С. 376]; *Мөрө пеледыш гае каче-тангем коदेश* ‘Как цветок клубники, остаётся мой дружок’ [2. С. 108].

Особенность функционирования послелога *гане* заключается в том, что он характерен для величальных гостевых и свадебных, а также сиротских песен:

Мемнан танже олма гане ‘Наш дружок точно яблочко’ [2. С. 313]; *Озан тияк гане качына улыт* ‘Ухажёры наши как казанские писари’ [2. С. 108]; *Мемнанат ўмырна эрталеш кече шичмаиш гане, йогал каялеш шыже лышташ-лай гане* ‘Жизнь наша проходит, будто солнце закатывается, осыпается, будто осенняя листва’ [2. С. 204]; *Мемнанат-лай ўмырна порсын гане ... Эртал кая пеледалие, ай, сад гане* ‘Наша жизнь будто шёлк. Проходит она как цветущий сад’ [2. С. 204]; *Лачак уло ўмбалнем шокте гане мыжерем* ‘Только есть на мне кафтан точно сито’ [2. С. 204]; *Эр кечыже легылда шёртнё гане ... Миялалын шинчалеш, ай, ший гане* ‘Солнце утром восходит, как золото, закатывается, как серебро’ [2. С. 114].

Послелог *гай* с усилительной частицей *-ак* имеет значительный выразительный потенциал за счет такого компонента экспрессивности, как интенсивность:

Шарвоч гаяк йылдырна, шовыч гаяк пеш чевер, ший шергаиш гай пеш мотор ‘Кривляется (наш дружок. — Ю.П.), как утка, красивый, как платок, изящный, как серебряное кольцо’ [2. С. 313]; *Ойырлашыже ойырлена песан вуйысо мамык гаяк* ‘Расстаёмся мы, как пух разлетается с головки осота’ [2. С. 217]; *Кушкашыже кушкынна ик тўикасе шоган шудо гаяк* ‘Вырастать-то выростали мы, как луковые перья в одном пучке’ [2. С. 148].

Перевод, к сожалению, не отражает добавочное модальное значение компаративной конструкции. В качестве предложения для переводчиков марийских народных песен на русский язык можно обозначить вариант перевода конструкции с союзом *словно как*. Ср.:

Шинчыше вўд гаяк шинчын кодыда, Йогышо вўд гаяк йоген каена ‘Как стоячая вода, вы останетесь, как текущая вода, мы уйдём’ [2. С. 122] и ‘Словно как стоячая вода, вы останетесь, словно как текущая вода, мы уйдём’; *Шочашыже шочынна ик пыжашысе кайык иге гаяк* ‘Родиться-то мы родились, как птенцы в одном гнезде’ [2. С. 436] и ‘Родиться-то мы родились, словно как птенцы в одном гнезде’.

Модель с послелогоми *гай / гае / гане / гаяк* ‘как’ в марийских народных песнях отличается наибольшей продуктивностью.

Послеложные сравнительные конструкции оформляются также с помощью имен существительных в именительном падеже + *семын / семынак* ‘как, словно, точно, подобно’: *Ой, чонемжат-кумылемжат порсын семын рончылтеш* ‘Ой, душа моя, душевка разматывается, словно шёлк’ [2. С. 293]; *Ожно, чеверем годом, кайык семын ылышым*² ‘В прежние годы, когда я была краси-

² Необрядовые песни // Корпус марийского языка. URL: <https://corp.mariii.ru/> (дата обращения: 04.12.2024).

вой, жила, словно пташка'; *Олыкыш каен, пеледыш **семын** пелед шогалаш оклий* 'Нельзя, отправившись на луг, расцвести, как цветы' [2. С. 243]; *Ожно, чеверем годым, кайык **семын** илышым* 'Раньше, когда была я красива, жила, словно птица' [2. С. 57]; *Шырчык йылым кычалме **семын** мыйын чонем ешемшачым вучен ила* 'Как скворушка ищет червей, так и душа моя живёт в ожидании моих близких' [2. С. 40]; *Канде кава йымалне, ужар мланде умбалне коштам турий **семын** шкетын* 'Под голубым небом, по зелёной земле хожу один, как жаворонок' [2. С. 421].

Послелог *семын* используется также с усилительной частицей *-ак*:

*Чевер маке **семынак** да сай йолташем, чеверын* 'Словно маков цвет да до свидания, мой друг' [2. С. 71].

Функционируют в марийских народных песнях и сравнительные конструкции с частицами *чылт / чылтак* 'будто, как, словно, как будто, точно':

*Танем, тыйын йукетше **чылтак** шуйшыкын гае* 'Дружок мой, голос у тебя точно у соловья' [2. С. 80].

Немаркированные сравнительные конструкции в текстах песен оформлены по двум моделям.

Первая имеет структурную схему «имя существительное + *деч / дечат / дечын* + имя существительное»:

*Ломбо гына лывырге, ломбо лывырге, ломбо **дечат** лу парнят лывырге* 'Черёмуха гибкая, черёмуха гибкая, гибче черёмухи твои (гармониста) десять пальцев' [2. С. 240].

Вариант с усилительной частицей *-ат* аналогичен рассмотренным выше моделям с частицей *-ак*.

Данная модель омонимична и другим синтаксическим конструкциям, т. е. не предназначена только для выражения значения сравнения.

Вторая модель не имеет специальных формальных показателей и организуется по схеме: «имя существительное в функции подлежащего + имя существительное в функции сказуемого»; «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже»:

ведраже лие шудыр, вудвараже — шонанпыл 'ведра стали звёздами, коромысло-то — радуга' [2. С. 44]; *Кенгеж лыве — шольым уло* 'Летняя бабочка — брат мой младший' [2. С. 428].

Образное сравнение в марийском языке может оформляться также с помощью лексем *ушештараш* 'напомянуть', *ушагаш* 'быть похожим', *сынан* 'определённого вида', *тусан* 'определённого цвета; с внешностью, видом, лицом:

Ты *гына-лай шинчалме шке шочшем энгыж гына огыл, мёр тўсан*³ ‘Сидящее здесь мое дитячко ликом не только что малина, а клубника’.

Меньшей продуктивностью в марийском языке отличаются компаративные конструкции, построенные по модели «инфинитив в функции подлежащего + имя существительное в функции сказуемого»; конструкции, осложнённые вводными словами. В анализируемом нами материале сравнения с указанной моделью не обнаружены.

Союзные сравнительные конструкции (сравнительные обороты и придаточные сравнения, вводимые с помощью заимствованного из русского языка союза *пуйто* ‘будто’ и союза *кузе*) находятся на периферии средств, выражающих значение сравнения, и в анализируемых песнях не зафиксированы.

В изученных нами текстах марийских народных песен функционируют и отрицательные сравнения:

Эр *ўжсара лектын, ида шоно — мемнан егган сергаже лектын* ‘Не думайте, что взошла утренняя заря — это нашей снохи серьги нашлись’ [2. С. 303].

Семантические компаративные образы — это лингвистическое воплощение образности, включающее в себя все структурно-семантические виды метафоры и образного сравнения. Основой данного объединения является общность метафоры и образного сравнения с точки зрения структуры, семантики и функционирования, а также общность лежащих в их основе когнитивных процессов [9].

В основе сравнительных конструкций лежат компаративные образы, отражающие мир природы и человека. Они охватывают отношения уподобления или подобия. Отношения подобия в таких образах динамичны и субъективны, могут носить постоянный или временный характер, уподобляя субъект объекту с разнородными референциями [10].

По когнитивно-семантической направленности компаративные образы дифференцируются на три вида: антропоморфные, натурморфные и артефактные. При использовании антропоморфных компаративных образов природный, предметный или абстрактный мир наделяется чертами человеческой внешности. Для марийских народных песен эта семантическая модель сравнения не характерна.

Натуроморфные, или анималистическо-флористические (растительный или зооморфный объект), компаративные образы предполагают, что человека или какой-то предмет характеризуют путем сравнения их с явлениями природы, живыми существами:

³ Необрядовые песни // Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marii.ru/> (дата обращения: 26.11.2024).

шинчат шеме, шоптыр гане, ала чиялтенат, ала-мо? ‘глазки у тебя чёрные, как смородина, то ли подкрасила, то ли что?’ [2. С. 407]; *шеш шыже гаяк мемнан ұмыржат эрталал каялеш* ‘и наша жизнь проходит, как чёрная осень’ [2. С. 474]; *ой, энгыжше, энгыжше, йошкар тўсан солык гай* ‘ой, малинка-то, малинка, как платочек, красная’ [2. С. 472]; *изи пызыльме гай шўжарем кодеш* ‘как куст рябинки, младшая сестра остаётся’ [2. С. 448].

Излюбленным в марийских народных песнях является образ птицы:

шырчык гае латик уныкам уло ‘есть у меня одиннадцать внуков, подобные скворушкам’ [2. С. 349]; *куку гане шке улам, куку муно гане эргым уло, кўгўрчен гане шешкым уло, таракан гане алашам уло...* ‘сам я как кукушка, сын у меня как яйцо кукушки, как голубка у меня сноха, конь мой как таракан...’ [2. С. 473].

Артефактные образы создаются при сравнении человека или объектов с тем, что создано искусственно, с помощью человека:

чевер мўгинде гай ўдыр-танна кодале ‘как пряник расписной, осталась наша душа-подруженька’ [2. С. 360]; *мемнан ўмырна эрталеш, порсын ярим гай эрталеш* ‘жизнь наша проходит, словно шёлковая прядь’ [2. С. 364]; *кыне гае шочынна, кышыл гае чумыргена, арва гае шаланена* ‘родились мы, как конопля, собираемся мы как стопка (блинов), разойдёмся мы, как мякина’ [2. С. 448]; *посто гай пошкудына кодо, тарай гай танна кодо* ‘словно сукно, соседи наши остались; словно кумач, друзья наши остались’ [2. С. 313]; *сыраже лие пелтыме ўй гай, шонжо лие шўшмўй гай* ‘пиво-то словно топлёное масло, а пена-то словно сливочное масло’ [2. С. 310].

Рассмотренные образы отражают культурно-исторические реалии, бытовой опыт народа.

Если охарактеризовать компаративные образы по источнику заимствования образа сравнения, то можно выделить сравнительные конструкции, связанные с:

– жизненными наблюдениями: *мемнанат мырна эрталеш кече шичмаш гане, йогалў каялеш шыже лышташ-лай гане* ‘жизнь наша проходит, будто солнце закатывается, осыпается, будто осенняя листва’ [2. С. 303];

– внутренним состоянием человека: *мыйын чонем тул гане, савыренак отыл дыр?* ‘душа моя горит огнём, не заморозил(-а) ли ты меня?’ [2. С. 381];

– физиологией (внешностью, возрастом): *тыйым ончем азала, йырет п рдам казалаў* ‘за тобой ухаживаю, как за ребёнком, верчусь перед тобой, как коза’ [2. С. 224]; *луй гай шеме ме улына, луйла модаш толын улына* ‘мы смуглые, словно куница, и приехали мы играть (свадьбу), словно куница’ [2. С. 402];

– мифологией: в таш петырыме шем ушкалет — *в д гыч лекше В дава гае* ‘чёрнаяў ў ў корова в хлеву как Мать воды, вышедшая из воды’ [2. С. 354].

Заключение

Анализ компаративных моделей и образов в марийских народных песнях позволяет осуществить семантическое описание народного языка, в результате которого высвечиваются особенности сознания марийского народа.

Так, в рамках данной статьи представлены структурная и семантическая классификации сравнительных конструкций в народных марийских песнях. Наиболее частотными структурными компаративными моделями среди выделенных в ходе анализа сравнительных конструкций в 176 примерах фольклорных песен оказались следующие: «существительное в именительном падеже + послелог *гае / гане / гай / гаяк*»; «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже»; «имя существительное в именительном падеже + послелог *семын / семынак*»; «имя существительное в именительном падеже + суффикс *-ла*». Среди проанализированных текстов наиболее часто используемыми являются семантические компаративные модели, в которых человек или животное сравнивается с объектом окружающего мира или с природно-религиозным, физиологическим объектом. Отличаясь наглядностью, яркостью, такие сравнения служат показателем образности, выразительности народной речи и являются образцом для авторских сравнений в художественных произведениях.

Перспектива исследования связана с анализом и расшифровкой культурных кодов, заложенных в компаративных конструкциях.

Список литературы

1. *Абукаева Л.А.* Марийские гостевые песни в контексте традиций гостеприимства : монография. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2023.
2. *Словарь сравнений марийского языка / сост. Л.А. Абукаева, А.В. Чемышев, А.А. Митрускова.* Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2019.
3. *Потебня А.А.* Полное собрание сочинений. Том 1. Харьков : Гос. изд-во Украины, 1926.
4. *Прияткина А.Ф.* Сравнительный оборот // *Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова.* Москва : Дрофа, 1997. С. 197.
5. *Виноградов В.В.* Стилистика. Поэтика. Теория поэтической речи. Москва : Просвещение, 1963.
6. *Кузнец М.Д.* Стилистика английского языка. Ленинград : Учпедгиз, 1960.
7. *Арутюнова Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры // *Известия АН СССР.* Т. 37, № 4. 1978. С. 28. EDN: YKCOPT
8. *Казанцева И.В.* Функционально-семантическое поле компаративности в марийском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2005. EDN: NNODLP
9. *Кочешкова И.Ю.* Компаративные тропы как отражение авторского мировосприятия в творчестве Дж. Фаулза : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. EDN: NNIYHJ
10. *Замай С.Ю.* Функционально-семантическая категория компаративности и средства её репрезентации в русском и английском языках // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение.* 2008. Вып. 6. С. 93–96. EDN: JENETO

References

1. Abukaeva, L.A. 2023. *Mari guest songs in the context of hospitality traditions: a monograph*. Yoshkar-Ola: Publishing House “Mari Book Publishing House.” Print. (In Russ.)
2. Abukaeva, L.A., Chemyshev, A.V., and A.A. Mitruskova. 2019. *Dictionary of comparisons of the Mari language*. Yoshkar-Ola: Publishing house “Mari Book Publishing House.” Print. (In Russ.)
3. Potebnya, A.A. 1926. *Complete works*, vol. 1. Kharkiv: State Publishing House of Ukraine. Print. (In Russ.)
4. Priyatkina, A.F. 1997. “Dictionary entry ‘Comparative turnover’.” In *Russian language. Encyclopedia*. Moscow: Drofa. P. 197. Print. (In Russ.)
5. Vinogradov, V.V. 1963. *Stylistics. Poetics. Theory of poetic speech*. Moscow: Prosveshchenie publ. Print. (In Russ.)
6. Kuznets, M.D. 1960. *Stylistics of the English language*. Leningrad: Uchpedgiz publ. (In Russ.)
7. Arutyunova, N.D. 1978. “Functional types of linguistic metaphor.” *Izv. USSR Academy of Sciences*, vol. 37, no. 4, pp. 28. EDN: YKCOPT Print. (In Russ.)
8. Kazantseva, I.V. 2005. *Functional and semantic field of comparativity in the Mari literary language*: dissertation of Candidate of Philological Sciences. Yoshkar-Ola. EDN: NNODLP Print. (In Russ.)
9. Kocheshkova, I.Y. 2004. *Comparative tropes as a reflection of the author’s worldview in the work of J. Fowles*. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Barnaul. EDN: NNIYHJ Print. (In Russ.)
10. Zamaï, S.Y. 2008. “Functional and semantic category of comparativity and means of its representation in Russian and English.” *Bulletin of the Adygea State University*, no. 6, pp. 93–96. EDN: JENETO Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Полякова Юлия Владиславовна — аспирант кафедры финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. им Ленина, д. 1. ORCID: 0009-0000-5154-5674. E-mail: yulia_love95@mail.ru

Bio note:

Yulia V. Polyakova is a postgraduate student of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University, 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation. ORCID: 0009-0000-5154-5674. E-mail: yulia_love95@mail.ru

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

TRADITIONAL CULTURE

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-99-110

EDN: GRVZJK

Научная статья / Research article

Интерпретация орнаментальных композиций в костюмном комплексе царевококшайских мари

В.Г. Кудрявцев^{ORCID}

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

✉ vladku2004@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено интерпретации и анализу орнаментальных композиций в костюмном комплексе царевококшайских мари конца XIX — начала XX в. Выдвинутая современными исследователями-орнаментоведами модель изучения художественной и смысловой трактовки как «элемент — мотив — орнаментальная зона» в качестве конструктивного паттерна приемлема при анализе композиций вышивки этнотерриториальной группы царевококшайских мари. В образной интерпретации орнаментальных композиций костюмного комплекса царевококшайской (йошкар-олинской) группы мари как наиболее яркого художественного явления и богато насыщенного вложенными в них смыслами выражается этноидентифицирующая особенность народного творчества. Вышитое орнаментальное изображение является источником многих символических значений и служит в качестве средства коммуникации. В этом виде художественного творчества отражается космологическая модель мира, изначально сформировавшаяся в изделиях из металла и керамики, а впоследствии их изобразительная символика перешла к вышивке. Образы солнца сопровождалась в виде универсальных знаков ромба, креста, свастики, изображения животного мира включали таких представителей, как медведь, лось / олень, конь, орнитоморфный орнамент состоял из утки, лебедя, глухаря, тетерева. Особый акцент отводился вертикально размещённому образу мирового дерева, антропоморфным изображениям и крупно нанесённым солярным знакам. Сегодня сложность дешифровки орнаментальных композиций заключается в наложении одного образа над другим. В выражении своего отношения к внешнему окружающему миру орнамент, прежде всего, характерен для наиболее консервативной традиции ручного творчества, проявившегося в оформлении праздничной и обрядовой вышивки как женского, так и мужского костюмного комплексов. В них наряду с эстетическими и художественными проявлениями раскрываются исполнительские приёмы женского ручного ремесла. Эти абстрагирован-

© Кудрявцев В.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ные или вполне реалистичные вышитые изображения связаны с мировоззренческими паттернами и получили самое разное проявление именно в композиционном решении костюмного комплекса царевококшайских мари.

Ключевые слова: народное искусство, костюмный комплекс, царевококшайские мари, орнаментальная композиция, интерпретация вышивки

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кудрявцев В.Г. Интерпретация орнаментальных композиций в костюмном комплексе царевококшайских мари // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 99–110. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-99-110>

Interpretation of Ornamental Compositions in the Costume Complex of the Tsarevokokshaysk Mari

Vladimir G. Kudryavtsev^{ORCID}

Mari State University, *Yoshkar-Ola, Russian Federation*
✉ vladku2004@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the interpretation and analysis of ornamental compositions in the costume complex of the Tsarevokokshaysk Mari of the late 19th — early 20th centuries. The model of studying the artistic and semantic interpretation as “element — motif — ornamental zone” as a constructive pattern put forward by modern researchers-ornamentologists is acceptable in the analysis of the embroidery compositions of the ethnoterritorial group of the Tsarevokokshaysk Mari. The figurative interpretation of the ornamental compositions of the costume complex of the Tsarevokokshaysk (Yoshkar-Ola) group of Mari as the most striking artistic phenomenon and richly saturated with the meanings invested in them expresses the ethno-identifying feature of folk art. The embroidered ornamental image is a source of many symbolic meanings and serves as a means of communication. This type of artistic creativity reflects the cosmological model of the world, initially formed in metal and ceramic products, and later their pictorial symbolism passed to embroidery. The images of the sun were accompanied by universal signs of a rhombus, cross, swastika, images of the animal world included such representatives as a bear, elk / deer, horse, ornithomorphic ornament consisted of a duck, swan, wood grouse, black grouse. Particular emphasis was given to the vertically placed image of the world tree, anthropomorphic images and large solar signs. Today, the complexity of deciphering ornamental compositions lies in the layering of one image over another. In expressing its attitude to the external world, the ornament, first of all, is characteristic of the most conservative tradition of manual creativity, manifested in the design of festive and ritual embroidery of both women’s and men’s costume complexes. In them, along with aesthetic and artistic manifestations, the performing techniques of women’s manual craftsmanship are revealed. These abstracted or quite realistic embroidered images are connected with ideological patterns and have received the most diverse manifestations in the compositional solution of the costume complex of the Tsarevokokshaysk Mari.

Key words: folk art, costume complex, Tsarevokokshaysk Mari, ornamental composition, interpretation of embroidery

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kudryavtsev, V.G. 2025. “Interpretation of Ornamental Compositions in the Costume Complex of the Tsarevokokshaysk Mari.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 99–110. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-99-110>

Введение

В художественно-образном выражении орнаментальных композиций костюмного комплекса царевкокшайской (йошкаротинской) группы мари как одного из наиболее ярких художественных явлений и богато насыщенных вложенными в них смыслами во многом выражается этноидентифицирующая особенность народного творчества. Этот феномен знакового орнаментального искусства, прежде всего, характерен для наиболее консервативной традиции ручного ремесла, проявлявшегося в оформлении как женского, так и мужского костюмного комплексов. В них наряду с функциональными, конструктивными и эстетическими проявлениями раскрываются исполнительские приёмы женского рукоделия, которые в своей целостной композиционной основе создают образную картину окружающего мира. Эти абстрагированные или вполне реалистичные вышитые изображения связаны с мировоззренческими паттернами и получили самое разное семантическое проявление именно в решении орнаментальных композиций в костюмных комплексах разных этнотерриториальных групп марийского народа. Символическое сопровождение орнамента, определяемого как объект художественной практики и подразумеваемого как упорядоченная организация и упорядочивающее начало, имеет такие специфические характеристики, как ритмическая, симметрическая системы и система метрики. Она создавалась в соответствии с нуждами защитной магии с целью закрытия доступа к человеку путём нанесения охранительных орнаментальных узоров, размещённых на ворот, подол, рукава, спину и другие части костюма. В парадигме изучения народного искусства орнаментальное творчество рассматривается как взаимосвязь изначально простых элементов, развёрнутых мотивов, сложных композиций, структурированных с формообразованием предметов и связанных с внешней средой и оформлением поверхности предмета.

Орнаментальное творчество финно-угорских народов как форма художественного выражения этнического самосознания недостаточно изучено гуманитарными науками. Марийская вышивка как явление визуального художественного творчества частично получила освещение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Научные поиски теоретических ориентиров исследования такого важного пласта традиционной культуры, каким является орнаментальное творчество марийского народа, были заложены финскими исследователями А.О. Хейкелем, Ю. Вихманн. Среди отечественных учёных известны труды Т.А. Крюковой, Т.Е. Евсеева, В.Я. Яковлевой, Г.И. Соловьёвой, Т.Л. Молотовой, А.Н. Павловой, А.А. Песецкой и др.

Орнамент является одним из ключевых понятий в теории народного и декоративно-прикладного искусства. В настоящее время искусствознание, сталкиваясь с теоретическими и методологическими переменами, испытывает изменения по инструментарию для формального анализа искусства и актуальных художественных практик. Представители различных научных направлений

обратили внимание на широкий круг проблем в изучении орнаментального искусства. Они, отмечая малую степень изученности этого явления народного творчества, призывают выработать в отношении него единую методологическую основу. В структуре орнамента основополагающими являются линия, порядок, ряд. Другие существенные характеристики как упорядоченная, ритмическая организации и организация метрики предмета также доминируют в значении «орнамента». И.В. Палагута, ссылаясь на английское слово *pattern* как синоним орнамента, трактует его понимание в контексте как любую регулярно повторяющуюся композицию, рисунок, состоящий из чередующихся линий, форм и цветов, и предлагает такие подходы к изучению орнамента, которые «должны базироваться на синтезе методов его исследования, выработанных в рамках различных направлений и научных областей» [1. С. 52]. Некоторые перспективные подходы научного изучения орнаментального творчества обозначены на основе сформулированных в кристаллографии знаний азербайджанскими исследователями. Среди них Худу Мамедов, Сиявуш Дадаш и Т.Ш. Бакирова, которые выявили схожесть орнаментальных композиций азербайджанских ковров со строением химических элементов в молекулярной структуре веществ и доказали построение орнамента как систему «сборки» из установленных частей и объяснили имеющее универсальное значение подобное формообразование [2. С. 90]. И не только ритм, характерный для многих проявлений культуры, но и другие закономерности отражаются в орнаменте: равновесие, когда одно может быть равно множеству; тройственность мира, имеющего центр, среднюю часть и периферию. Как предполагают орнаментоведы, синтез результатов формального, технологического, этноисторического, семантического и искусствоведческого изучения приведёт к выработке единого подхода к пониманию феномена орнамента [3. С. 154].

Результаты и обсуждение

Расположенные в орнаментальных зонах декоративные орнаментальные композиции и их интерпретация в костюмном комплексе царевкокшайских мари не являлись предметом специального исследования. Ввиду отсутствия в определении орнамента таких базовых понятий, как «элемент», «мотив», «композиция орнамента» и «орнаментальная зона», мы будем придерживаться разработанной И.В. Палагута этой теоретической модели изучения при анализе традиционной вышивки царевкокшайских мари как основного конструктивного паттерна [3. С. 155].

Костюмный комплекс царевкокшайской (йошкар-олинской) группы принадлежит этнографической группе луговых мари, проживающих в Медведевском, Оршанском и Советском районах современной Республики Марий Эл, а также в Яранском и Пижанском районах Кировской области. Он состоял из туникообразной рубахи с правым асимметричным грудным разрезом, штанов

с узким шагом, прямоспинного халатообразного кафтана, головного убора, пояса, обуви. Рубаха надевалась с большим напуском. Богато вышитыми орнаментальными композициями оформлялись рубахи в области груди, рукавов, подола, также свадебные покрывала и праздничные поясные подвески. Дополнительно при отделке использовалась домотканая тесьма тёмно-красного цвета, а бисер, бусы, стеклярус, блёстки, металлические накладки дополняли тканые пояса [4. С. 244].

Визуальные художественные образы, созданные марийскими мастерицами, отражают сложные пути этнокультурной истории и помогают выявить преемственность орнаментальных традиций с глубокой археолого-этнографической древности. Проявление этноопределяющей эстетической парадигмы в костюмном комплексе связано с многими факторами. Это, прежде всего, канонические изобразительные образы, связанные с мифологическими представлениями, оригинальными приёмами ручной вышивки, синтезом целого и частного в сложную структуру орнаментальных композиций; защитной функцией орнамента от негативного воздействия в ансамбле многослойной одежды. С течением времени основные элементы отдалялись от своего реального прототипа, подвергались новой образной и смысловой трактовке. А основа самоотканого материала (холста), изготовленного из нитей конопли, крапивы и льна при их перпендикулярном переплетении, способствовала созданию характерных приёмов счётной вышивки в строгой геометрической форме, которая приобретала живописные переливы в силу направленных под разными углами швов. Для создания вышивки использовалась пряжа домашнего окрашивания: шерсть, шёлк, реже бумага. Шерсть для вышивания тонко пряли и скручивали. Приобретённый на ярмарках либо у бродячих торговцев шёлк-сырец также подвергался прядению и покраске. Живописная фактура конопляных и льняных самоотканых холстов полотняного и саржевого переплетения не могла не повлиять на цветовую гамму вышивки. Ранее встречавшиеся в оформлении керамической посуды и металлических украшений изображения птиц, животных, растений, звёзд, антропоморфные фигуры транслировались в строгую орнаментальную форму.

Одним из важных показателей в костюмном комплексе царевококшайских мари стал головной убор *сорока*. Его конструкция и форма связаны с каркасом, состоящим из вышитого очелья прямоугольной формы и надетой на холщовую шапочку — волосник — лопастью. По мнению одних исследователей, этот тип головного убора заимствован от русского населения, другие — полагают его широкое распространение у волжских финнов, тверских карел и тюркоязычных народов региона, что позволяет предвидеть местную основу по причине древности его происхождения и архаического характера орнамента. Для сравнения, у мордвы-эрзи очелье *сорока* имело форму трапеции и включало позатыльник, у мокши — подобный головной убор *панго* был в виде мешочка с лопастью, лицевая часть также имела каркасную конструкцию

из дощечки [5]. *Сорока* надевался на орнаментированную шапочку, сверху покрывался квадратным или прямоугольным платком, либо свадебным покрывалом *вуйвидыш*. Последнее показывало статус переходного состояния невесты / жены. Богато вышитая налобная часть этого головного убора как центральное звено орнаментальной зоны дополнялась относительно скромно оформленным позатыльником и боковинами-крыльями. Выразителен декор центральной налобной части, где в композиционном размещении наблюдается два ряда повторяющейся вышивки. Чаще всего в верхней части по центру симметрично расположено изображение, зеркально повторяющееся в нижнем ярусе; иногда по обеим сторонам в строгой симметрии вышивались сложные розетки. Мотив розеток в другом изобразительном варианте повторяется в боковинах. Они имеют строго выстроенную графическую трактовку и интерпретируются нами как засеянное поле с изображением квадрата в центре с отходящими по углам древовидными, возможно, антропоморфными, зооморфными (парные конские головы), также направленными вверх и вниз острыми стреловидными завершениями. Ещё более упорядоченное изображение просматривается с тремя вписанными друг в друга ромбовидными формами, между которыми расположены перевернутые парные конские головы. Направленные вершинами вверх и вниз и вписанные один в другой треугольники верхнего и нижнего рядов визуальнo просматриваются как смысловой маркер мужского и женского начал. В орнаментальной полоске нижнего ряда парно размещены фигуры водоплавающих птиц уток. Утка, как известно, символ плодородия, умножения человеческих коллективов и средств, необходимых для существования этих коллективов. Известны такие традиции и у других финно-угорских народов. У народа коми невеста обычно привозила с собой в дом жениха в качестве подарка жареную утку и деревянную солонку в виде утки. В мордовских песнях убийство охотником птицы верхнего мира *Верепазы* или Хозяйки леса *Вирьавы* (утки) ведёт к гибели всей его семьи и описывается как катастрофа. Семантическое объяснение этого традиционного головного убора *сорока* связано с защитой густых волос, рассматриваемых как обилие, плодородие, плодовитость либо сексуальная сила [6. С. 44]. С начала XX в. размер очелья *сорока* становится гораздо меньше по размерам.

Сверху на *сорока* накидывалось закрывающее лицо головное покрывало или платок. Они, как многослойный вариант традиционного свадебного костюма, выполняли защитную функцию. В богатой орнаментальной вышивке свадебных покрывал подтверждается воссоединение мужского и женского начал: развёрнутая по всему периметру орнаментальная композиция (изображение Древа жизни — символ плодородия — в центре и медведей по его сторонам — символ мужского начала) сверху дополнена узкой полоской с фигурами уток с поднятыми крыльями (также связана с женским началом).

Другие визуальные паттерны традиционной вышивки царевкокшайских мари, как и у других этнотерриториальных групп, содержатся в основных

орнаментальных зонах нагрудной части рубах. Здесь изобразительная и смысловая символика имеет устойчивое и характерное каноническое воплощение. Оно преемственно. Ритмично и симметрично расположенные строгие композиции эстетически выразительны, художественно гармоничны, пропорционально распределены по орнаментальным плоскостям нагрудной части. В них выявлено несколько сюжетных линий, воплощённых на основе сетчатой композиции. Одна из них связана с изображением водоплавающей птицы утки, являющейся одной из основных в мифологии и искусстве финно-угорских народов. Археологический материал подтверждает их образы как характерный артефакт в этнической культуре древних мари [7. С. 17, 19]. В ансамбле женского костюма водоплавающая птица утка являлась оберегом. Фигурки уток использовались в качестве нагрудного украшения и как подвеска к поясу и косам. Культ этой птицы, жертвующей в языческих молениях в священной роще, сохранился по настоящее время.

Лаконичное изображение утки на нагрудной вышивке стилистически соединяет в себе как реалистическое, так и условно-схематическое или почти графическое воплощение. В музейных собраниях и частных коллекциях сохранились изображения и других птиц, птиц-олений и птиц-коней. Они вполне узнаваемы, а четырёхкратное повторение по обеим сторонам грудного разреза усиливает их смысловую нагрузку в значении птицы-посредника между мирами (верхним, средним, водным / подводным). К тому же по бордюру композиции деликатно мелкими косыми стежками нанесены их Z-образные изображения. Каноническая орнаментальная основа в разных художественных воплощениях имеет подтверждение в других вариантах, возможно, более позднего исполнения. Если в первом варианте орнамент птиц выполнен охристыми и тёмно-синими нитками на бордовом фоне, то в другом – приглушённо голубыми и чернильно-сиреневыми. Цветовая палитра претерпевает изменения: во втором случае дополнительно на коричневом фоне контрастно просматриваются стежки нежно-зелёного и оранжевого оттенков.

На женских рубахах царевкокшайских мари последней четверти XIX в. на тёмно-красном фоне сплошной ковровой вышивки по обе стороны грудного разреза представлены фигуры лебедей. Они вписаны в ромб и вышиты тёмно-синей и голубой шерстью. Этот сюжет связан с верхним небесно-солнечным миром в вертикальной структуре общей композиции рубахи. Фигуры лебедей — символы небесного мира — вышиты крупно, а более мелкие фигуры уток, как и в предыдущем варианте с образом утки, имеют соподчинённое значение посредника между средним и верхним миром [8. С. 21–22]. Подобные ромбические композиции являются наиболее распространёнными. Они могут состоять из уток, лебедей, коней, восьмиконечных звёзд. Изображение в виде восьмиконечной звезды распространено не только на женской нагрудной вышивке, но и на головных платках, подолах рубах, свадебных поясных полотенчатых подвесках. Нехарактерные для тюркоязычных народов

Поволжья, они впоследствии были заимствованы соседними чувашами, использовавшими их в декоре женских головных повязок, головного убора *сурпан*, свадебного покрывала невесты и платка жениха [9. С. 89].

Нагрудные вышитые композиции с правым асимметричным разрезом представлены в двух женских рубах конца XIX в., хранящихся в Старокрещенском Доме ремёсел Оршанского района Республики Марий Эл. Они также вписаны в сетчатую композиционную схему и исполнены традиционными приёмами «роспись» и «косая стёжка» без просветов. В одном случае предстают изображения утки, в другом — геометрические фигуры и рога лося. Наспинная часть оформлена солярными знаками, а на подоле просматриваются изображения растений. Именно в декоре рубаш мариек Царевококшайского уезда этнограф Т.А. Крюкова заметила чётко выстроенные композиции и высокий уровень художественного воплощения, на которых орнаментальные зоны, охватывающие не только нагрудную часть, но и концы рукавов, подола, всего рукава, также размещались на спине [10. С. 64]. В целом орнамент нагрудной части йошкар-олинской рубашки напоминает ковровую вышивку. Плотное массивное изображение сосредоточено в центре, края слегка смягчены мелкими узорами и переходят от сочной и богатой содержанием цветной вышивки к белой поверхности холста. Как сами изобразительные образцы, так и качество изготовления тканого полотна привлекали и других исследователей традиционной вышивки [11. С. 70; 12. С. 246–257].

Последовательность нанесения орнамента определялась чёрными контурными швами приёмом «роспись», а далее основной визуальный акцент переносился на гармонично подобранные цветные из натуральных красителей нити, создающие декоративно звучные и выразительные эффекты. Технические способы выполнения швов на разных орнаментальных зонах усиливали их смысл, имея разные композиционные качества: соразмерность, ритм, симметрия, выделение главного и второстепенного изображения. Символика орнаментальных композиций связана со стилизованными растительными, орнитоморфными, животными и антропоморфными изображениями, выполненными такими традиционными приёмами вышивальных швов, как «роспись», «косая стёжка», иногда «набор».

Другие орнаментальные зоны связаны с оформлением нарукавной и наплечной частей женских рубаш и подола женской и мужской рубаш, а также пояса. Вдоль рукавов царевкокшайской и моркинско-звениговской группы размещались несложные элементы в виде крючков, создающие подобие пышных ветвей. Подобный орнамент воспринимается как растительный, но в его основе можно рассмотреть и известные в земледельческих культурах и напоминающие бараньи рога зооморфные мотивы. Орнамент, идущий вдоль всего рукава, воплощает и ветки священного дерева *онану*, олицетворяющего Небесный столб (*Кава менге*), с сидящими на нём птицами. На вышивке края рукава попарно расположены водоплавающие птицы у основания священного дерева.

Необходимо заметить, что происходил процесс трансформации указанных простых реалистических образов в сложные символы, интерпретировать которые возможно по-разному через множество заключённых в эти символы смыслов.

Вышивка на мужской рубаше расположена на груди, спине, на рукавах у запястья и на подоле. Нагрудная находится по обеим сторонам разреза в виде полос, составленных из отделённых друг от друга тёмными полосками квадратов. Она завершается острым углом, названным *пондаш кадыр* (борода). Под этим орнаментальным знаком скрыты и сердце, и лёгкие, и печень человека, т. е. жизненно важные органы, которым необходима особая защита. Вышивка обрамлена узкой полосой, переходящей через плечи на спину и завершающейся там зубцом. Рукава отстрочены полоской орнамента. На подоле вышиты три крупные фигуры, центральное изображение имеет фаллическое значение. В одних случаях визуально просматривается как дерево, в других — как изображение мужского репродуктивного органа. На наспинной части вышивка обозначалась такими терминами, как зубья серпа, зубчатый шов, чёрные зубья серпа, также выражающие оберегающую функцию человека [13. С. 187, 190–191].

С устойчивой символикой плодородия связано вышитое на всю длину рукава женских рубах Дерево жизни. В одних случаях колористическая гамма использованных ниток контрастна и решена в строгом сочетании на бордовом ковровом фоне тёмно-синей и охристой шерстью, в других — на тёмном коричневом фоне тёмно-синим и голубым и незначительно дополнена зелёным цветом салатного оттенка. В графической интерпретации Древа можно рассмотреть повторяющиеся на всю длину рукава мотив оленьих рогов, а наверху подразумевается близкая к антропоморфному изображению фигура. Эти устойчивые изобразительные элементы и мотивы нарукавной орнаментальной зоны также вызывают множество смысловых интерпретаций.

На подоле женских рубах чаще всего узкой полосой размещалась трёхъярусная ленточная композиция, образующая защитное кольцо и соответствующая границе миров. На верхнем ярусе представлены «птички-баранчики», т. е. птицы с бараньими рогами. Центральный ярус составляют «птицы-кони», разделённые многоступенчатыми ромбами. Под ними размещены Z-образные фигурки водоплавающих птиц, вышитые нитками тёмно-синего цвета. На нижнем ярусе располагаются повторяющиеся группы с конями, обращёнными к дереву. Их разделяет женская фигура с воздетыми вверх руками, возможно, олицетворяющая Богиню *Шочын Ава*, посылающая души новорождённых. Завершает композицию этой орнаментальной зоны зигзагообразная линия как граница миров [13. С. 123–124].

Розетки имеют центрический вид композиции и чаще всего вышиты солярными знаками.

Знаки-символы в строго выстроенных смысловых значениях предстают как определённая модель / образец этнической информативной системы, воплощая в орнаментальном искусстве символическую картину мира. Головной

убор и нагрудная вышивка в костюмном комплексе отождествляются с небесным ярусом Вселенной, а пояс как основная внутренняя граница разделял фигуру человека на две части, семантически обозначая связь с верхним и нижним земным / подземным мирами [14. С. 11–12]. Оберегающее значение нанесения орнамента заключалось в необходимости защиты слабых и наиболее уязвимых мест входа-выхода в тело человека природной энергии через ворот, подол, рукава костюма, где в большинстве проходят спрятанные под вышивку швы. Эти места, так же как и другие орнаментальные зоны, предполагалось укреплять, что способствовало зарождению и специфических приёмов счётной вышивки.

Заключение

Таким образом, вышитое орнаментальное изображение является источником многих символических значений, и поэтому исследователи полагают, что только в многообразной интерпретации заключённых в них смыслов изобразительные элементы, мотивы и композиции становятся полноценным орнаментом. Нить как первичный результат созидательного процесса становится средством визуализации картины мира, а само пространство тканого холста в традиционной культуре как проявление бесконечности окружающего мира заключает в себе смысл непознанности [15. С. 14; 16. С. 311]. В выражении своего отношения к внешнему окружающему миру орнаментальные знаки и символы также выступают в качестве средства коммуникации. Созданная по специфическим законам красоты вышивка царевококшайских мари имеет общие универсальные качества и характерные этнотерриториальные отличительные особенности, проявляющиеся в строгом размещении изображений в орнаментальных зонах и лаконично выраженном колорите. Композиции в основном решены ленточным и сетчатым способом, также использовано центрическое размещение розеток и геральдическая трактовка. В них отразилась космологическая модель мира, изначально сформировавшаяся в изделиях из металла и керамики, а впоследствии их изобразительная символика перешла к новому виду искусства — вышивке. Образы солнца сопровождалась в виде универсальных знаков ромба, креста, свастики, изображения животного мира включали таких представителей, как медведь, лось / олень, конь, орнитоморфный орнамент состоял из утки, лебедя, глухаря, тетерева. Особый акцент отводился вертикально размещённому образу мирового дерева, антропоморфным изображениям и крупно нанесённым солярным знакам. Сложность дешифровки орнаментальных композиций заключается в наложении одного образа над другим. Сегодня осмысление роли орнаментальной традиции в провозглашённых проектах по синтезу этнокультурных достижений в контексте отражения картины мира и применяемых человечеством инновационных технологий, объединяющих основные ресурсы социально-экономического, экологического развития, может быть направлено на формирование целостной структуры

этнокультуры и её гетерархию [17. С. 180]. Изучение специфики орнаментального искусства является междисциплинарной проблемой гуманитарных наук и нуждается в дальнейшем комплексном исследовании.

Список литературы

1. Палагута И.В. Орнамент как особый вид искусства // Художественная культура. 2020. № 1. С. 45–64. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2020-00007> EDN: RBOERZ
2. Бакирова Т.Ш. Применение научных достижений в орнаментальном искусстве // Крымские диалоги: культура, искусство, образование. Т. 15. Вып. 7. Симферополь: РИО КИПУ, 2021. С. 85–95. EDN: SDFRYL
3. Палагута И.В. Опыт «теоретизации» орнамента: «герменевтика» или бриколаж? Рец. на кн.: Иванов Н.А. Орнамент: Герменевтика и глоссарий. Москва : Этерна, 2018. 352 с. // Terra artis. Искусство и дизайн. 2021. № 2. С. 152–157. https://doi.org/10.53273/27128768_2021_2_152 EDN: PFDZSA
4. Молотова Т.Л. Марийский костюм. Йошкар-Ола : Нац. Музей РМЭ им. Т. Евсеева, 2020. 383 с.
5. Павлова А.Н. Сорока — головной убор Царевококшайских марийцев: генезис и семантика // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. URL: <https://science-education.ru/gu/article/view?id=12015> (дата обращения: 14.12.2024).
6. Павлова А.Н. Костюм волжских финнов как этнокультурный феномен. Йошкар-Ола, Мар. гос. ун-т, 2006. 146 с. EDN: QQYNFP
7. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // Археология СССР. Свод археологических источников. Е 1–59. Москва : Наука, 1979. 176 с. EDN: WFZKFH
8. Большов С.В., Большова Н.А., Данилов О.В. Древние культовые памятники Марий Эл (по археологическим, этнографическим, фольклорным и историческим материалам). Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 2008. 163 с. EDN: QPOCDT
9. Шутова Н.И. История происхождения и семантика лунного знака тользы // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 87–94.
10. Крюкова Т.А. Марийская вышивка. Ленинград, 1951. 194 с.
11. Евсеев Т.Е. Этнографические коллекции. Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 2002. 148 с.
12. Яковлева В.Я. О марийской вышивке // Учёные записки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 4. Йошкар-Ола, 1951. С. 245–265.
13. Кудрявцев В.Г., Павлова А.Н. Искусство марийской вышивки. Йошкар-Ола : Издат. дом «Марийск. кн. изд-во», 2023. 256 с.
14. Павлова А.Н. Костюм волжских финнов как этнокультурный феномен. Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 2006. 146 с. EDN: QQYNFP
15. Иванов Н.А. Герменевтика орнамента: к методологии интерпретации орнаментальных композиций // Международный журнал исследований культуры. 2015. Т. 20. № 3. С. 14–25. EDN: WBMDUB
16. Шигурова Т.А. Семантика ткани как основы мордовской вышивки // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 308–319. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.03.308-320> EDN: OZKPLS
17. Токпулатов В.Г. Основные метапроекты культуры народа мари // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. Т. 86. № 12-4. С. 178–180. EDN: ZXHDHT

References

1. Palaguta, I.V. 2020. “Ornament as a special type of art”. *Artistic culture*, no. 1, pp. 45–64. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2020-00007> EDN: RBOERZ Print. (In Russ.)

2. Bakirova, T.Sh. 2021. “Application of scientific achievements in ornamental art.” *Crimean dialogues: culture, art, education*, vol. 7, no. 15, pp. 85–95. EDN: SDFRYL Print. (In Russ.)
3. Palaguta, I.V. 2021. “The experience of “theorizing” ornament: “hermeneutics” or bricolage?: Rec. on the book: Ivanov N.A. Ornament: Hermeneutics and glossary. Moscow: Eterna publ., 2018. 352 p.” *Terra artis. Art and design*, no. 2, pp. 152–157. https://doi.org/10.53273/27128768_2021_2_152 EDN: PFDZSA Print. (In Russ.)
4. Molotova, T.L. 2020. *Mari costume*. Yoshkar-Ola: Nat. Museum named after T. Evseev. Print. (In Russ.)
5. Pavlova A.N. 2014. “Soroka — headdress of the Tsarevokokshay Mari: genesis and semantic.” *Modern problems of science and education*, no. 1. 14 Sept. 2024. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12015>
6. Pavlova, A.N. 2006. *Costume of the Volga Finns as an ethnocultural phenomenon*. Yoshkar-Ola: Mari State Univ. EDN: QQYNFP Print. (In Russ.)
7. Golubeva, L.A. 1979. “Zoomorphic decorations of the Finno-Ugrians.” *Archeology of the USSR. Collection of archaeological sources*. E 1–59. Moscow: Nauka. EDN: WFZKFH Print. (In Russ.)
8. Bolshov, S.V., Bolshova, N.A., Danilov, O.V. 2008. *Ancient cult monuments of Mari El (based on archaeological, ethnographic, folklore and historical materials)*. Yoshkar-Ola: Mari State Univ. EDN: QPOCDT Print. (In Russ.)
9. Shutova, N.I. 2015. “History of the origin and semantics of the lunar sign Tolyze.” *Bulletin of the Udmurt University*, vol. 25, issue 4, pp. 87–94. Print. (In Russ.)
10. Kryukova, T.A. 1951. *Mari embroidery*. Leningrad. Print. (In Russ.)
11. Evseev, T.E. 2002. *Ethnographic collections*. Yoshkar-Ola: Mari book publishing house. Print. (In Russ.)
12. Yakovleva, V.Ya. 1951. “About Mari embroidery.” *Scientific notes of the Mari Research Institute of Language, Literature and History*, vol. 4, pp. 245–265. Print. (In Russ.)
13. Kudryavtsev, V.G., and A.N. Pavlova. 2023. *The art of Mari embroidery*. Yoshkar-Ola: Mari book publishing house. Print. (In Russ.)
14. Pavlova, A.N. 2006. *Costume of the Volga Finns as an ethnocultural phenomenon*. Yoshkar-Ola: Mari State Univ. EDN: QQYNFP Print. (In Russ.)
15. Ivanov, N.A. 2015. “Hermeneutics of ornament: towards a methodology for interpreting ornamental compositions.” *International Journal of Cultural Research*, vol 20, no. 3. pp. 14–25. EDN: WBMDUB Print. (In Russ.)
16. Shigurova, T.A. 2021. “Semantics of fabric as the basis of Mordovian embroidery.” *Finno-Ugric world*, vol. 13, no. 3, pp. 308–319. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.03.308-320> EDN: OZKPLS Print. (In Russ.)
17. Tokpulatov, V.G. 2017. “Basic meta-projects of the culture of the Mari people.” *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, vol. 86, no. 12-4, pp. 178–180. EDN: ZXHDHT Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кудрявцев Владимир Геннадьевич — доктор искусствоведения, профессор кафедры культуры и искусств, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1. ORCID: 0000-0002-1421-1664. e-Library SPIN-код: 5970-1282, AuthorID: 123094. E-mail: vladku2004@mail.ru

Bio note:

Vladimir G. Kudryavtsev is a Doctor of Art History, Professor of the Department of Culture and Arts, Mari State University, 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1421-1664. e-Library SPIN-code: 5970-1282, AuthorID: 123094. E-mail: vladku2004@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-111-127

EDN: GBGCAO

Research article / Научная статья

The Chukchi Text in the Cycle of Poems by Gennady Oyar “Ydvel Tulsavysh”: Other/Own in the Author’s Worldview

Raisiya A. Kudryavtseva Mari State University, *Yoshkar-Ola, Russian Federation,*✉ kudsebs@rambler.ru

Abstract. This research work was carried out within the framework of a relevant scientific field related to the study of local texts in national literatures. The article presents a study of the local text defined by the concept locus, namely, a philological analysis of the ‘Chukot text’ in modern Mari lyrics. The research material is the Chukot cycle of poems by Gennady Oyar ‘Northern Flashes’, created in the Mari language, with the involvement of authorized translations into Russian in some cases. The paper uses the techniques of contextual, conceptual, and structural-semantic analysis of local texts. The author of the article considers artistic techniques and means relevant to the formation of the ‘Chukot text’ (toponyms, specific natural phenomena and images, landscape, objects of vital activity and signs of national life, material and spiritual culture, folklore and mythological images and motifs, individual linguistic inclusions). Within the framework of the stated problem of ‘Other/Self’ in the author’s worldview, a set of consistently realized motives (expectation, fear, discovery, surprise, admiration, rapprochement, acceptance, recognition of kinship of souls) that make up the lyrical plot is studied; principles and techniques of inclusion in the ‘Chukot text’ of the Mari world, nostalgic notes and author’s reflections are studied. Chukotka through Mari. The author’s ‘myth’ about Chukotka as a cultural space of the northern people, characterized by extreme natural conditions, the ontological and at the same time heroic essence of people who preserve their mythology and traditions, is investigated; it is proved that the knowledge of the ‘Other’ allowed the Oyar to truly appreciate his ‘Self’ and establish himself in the Mari ethno-identity.

Key words: local text, conceptual locus, modern Mari poetry, Sabantsev-Oyar G., author’s ‘myth’, lyrical cycle, local subtext, motif complex

© Kudryavtseva R.A., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kudryavtseva, R.A. 2025. “The Chukchi Text in the Cycle of Poems by Gennady Oyar ‘Ydvel Tulsavysh’: Other/Own in the Author’s Worldview.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 111–127. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-111-127>

Чукотский текст в цикле стихотворений Геннадия Ояра «Йүдвел тулсавыш»: чужое/свое в авторской картине мира

Р.А. Кудрявцева^{ORCID}

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация
✉ kudsebs@rambler.ru

Аннотация. Исследование выполнено в рамках актуального научного направления, связанного с изучением локальных текстов в национальных литературах. Представлено изучение локального текста, определяемого концептом-локусом, а именно дан филологический анализ чукотского текста в современной марийской лирике. Материалом исследования стал чукотский цикл стихотворений Геннадия Ояра «Йүдвел тулсавыш» («Северные сполохи»), созданный на марийском языке, с привлечением в отдельных случаях авторизованных переводов на русский язык. Используются приемы контекстуального, концептуального и структурно-семантического анализа локальных текстов. Рассмотрены актуальные для формирования чукотского текста художественные приемы и средства (топонимы, специфические природные явления и образы, пейзаж, объекты жизнедеятельности и приметы национального быта, материальной и духовной культуры, фольклорно-мифологические образы и мотивы, отдельные языковые вкрапления). В рамках заявленной проблемы «чужое/свое» в авторской картине мира исследован комплекс последовательно реализуемых мотивов (ожидание, страх, открытие, удивление, восхищение, сближение, принятие, признание родственности душ), составляющих лирический сюжет; изучены принципы и приемы включения в «чукотский текст» марийского мира, ностальгические ноты и авторские рефлексии чукотского через марийское. Исследован авторский «миф» о Чукотке как о пространстве культуры северного народа, отличающемся экстремальными природными условиями, онтологической и одновременно героической сущностью людей, сохраняющих свою мифологию и традиции; доказано, что познание «чужого» позволило Ояру по-настоящему оценить «свое» и утвердиться в марийской этноидентичности.

Ключевые слова: локальный текст, концепт-локус, современная марийская поэзия, Сабанцев-Ояр Г., авторский «миф», лирический цикл, локальный субтекст, мотивный комплекс

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кудрявцева Р.А. Чукотский текст в цикле стихотворений Геннадия Ояра «Йүдвел тулсавыш»: чужое/свое в авторской картине мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 111–127. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-111-127>

Introduction

Gennady Oyar (Gennady Leonidovich Sabantsev, born in 1958) is a National Poet of the Republic of Mari El (2015), widely known to both Mari and Russian-speaking readers for his poems of national-philosophical orientation. He is the author of a great variety of poetry books published in his native (Mari) language¹ and in translation into Russian made by himself and in translations made by his fellow poets.² The object of study in this article is his Chukot cycle, entitled in the original ‘Йўдвел тулсавыш’³ (Northern Flashes) and included in the collection ‘Шўмсавыш’ (Echoes of the heart, 2008). Translated into Russian with the title ‘Чукотский цикл’ (Chukot Cycle)⁴ it is presented in the author’s book ‘Всполохи сердца’ (Flashes of the Heart) (2014).

The Chukot theme in Oyar’s lyrics is the result of the ‘translation’ of extra-textual reality into a literary text; the poems of the Chukot cycle were created during his stay in Chukotka (2003–2008) and under the influence of Chukot events and experiences. The poet lived in Pevek, the administrative center of the Chaunsky District of the Chukotka Autonomous Okrug (he wrote the words for the anthem of this city), worked as a correspondent for the regional newspaper ‘Polyarnaya Zvezda’ (founded by the ‘Krainii Sever’ publishing house), and was also the director and editor-in-chief of the ‘Beringovskii Vestnik’ newspaper, published by the Beringovsky branch of the ‘Krainii Sever’ publishing house.

Oyar’s poems from his Chukot cycle have never been the subject of special study, although, in general, quite a lot has been written about the features of his work, such as philosophical nature, ethnic orientation and figurative symbolism [1; 2; 3; 4; 5]. An attempt was made to examine Oyar’s lyrics in the context of the ‘philological problem of the national text in translations into Russian,’ and using his work as an example, a ‘circle of poetic techniques and means that allow us to reconstruct the national text’ was defined [6. P. 287]. As for the local texts of Oyar, organized around geographical objects and characterized by concepts-loci, they are

¹ Sabantsev G. 1987. *Chytamsyr kurym: pochelamut-vlak*. Yoshkar-Ola: Mari book publishing house; Oyar G. 1993. *Numaltysh: pochelamut-vlak, poem*. Yoshkar-Ola: Mari kniga Savyktysh; Oyar G. 2008. *Shumsavysh: pochelamut-vlak, poeme*. Yoshkar-Ola: Mari kniga Savyktysh; Oyar G. 2018. *Ilyshpordem: poehzii oypogo*. Yoshkar-Ola: “Mari Book kniga izdatel’stve” savyktysh port.

² Sabantsev-Oyar G. 2003. *By Light Alone: Poems*. Translated by G. Smirnov. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House; Oyar G. (Sabantsev G.L.). 2014. *Flashes of the Heart: Poems*. Yoshkar-Ola: State Unitary Enterprise of the Republic of Mari El ‘Mariy Journal’; Oyar G. 2023. *Crouching to the Sources: Book of Poetry*. Translated from Mari. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House.

³ Oyar G. Yodvel tulsavysh. In Oyar G. *Shumsavysh: pochelamut-vlak, poeme*. Yoshkar-Ola: Mari book Savyktysh, 2008, pp. 127–150. This edition is cited everywhere below, pages of quotations are indicated in the text in square brackets.

⁴ Oyar G. *Chukot cycle* (Translations by the author). In Oyar G. (Sabantsev G.L.). 2014. *Flashes of the heart: poems*. Yoshkar-Ola: State Unitary Enterprise of the Republic of Mari El ‘Mariy Journal’: String, pp. 154–185.

becoming the subject of special scientific study for the first time. But we note that, in general, in Mari literary science there are several works on such local texts (see articles on the ‘Morki’ [7], ‘Sernur’ [8], ‘Sheklyanur’ [9] texts).

Oyarov’s ‘Chukot text’ can be considered part of the ‘Chukot supertext’ of Russian multinational literature (Chukot stories, short stories, essays and the novel ‘The Resurrected Tribe’ by V. Tan-Bogoraz, the story ‘Chukotka’ and the novel ‘Alitet Goes to the Mountains’ by T. Semushkin, ‘Territory’ by O. Kuvaev, the essay book ‘On the Chukotka Land’, the story ‘In the Far North’ and the novels ‘The Swift-Footed Deer’, ‘The White Shaman’ and ‘The Ancient Sign’ by N. Shundik, unfinished book by V. Bogomolov ‘My Life, or Did You Dream of Me...’, a collection of stories about Chukotka ‘The Law of Polar Travels’ by A. Miftakhutdinov, etc.), which, like any local supertext, represents ‘a complex system of integrated texts that have a common extra-textual orientation, forming an open unity, marked by semantic and linguistic integrity’ [10. P. 13]. Accordingly, this article is intended to supplement the scientific knowledge about the ‘Chukot text/supertext’ available in modern literary studies [11; 12; 13; etc.].

The author of this article focuses not only on identifying the semantic center (the author’s ‘myth’) of the ‘Chukot text’ in the ‘Northern Flashes’ cycle, but also on understanding the interpenetration of the ‘Other’ and the ‘Self’ at the level of the author’s picture of the world and the poetics of the text.

Results and Discussion

The basis of the supertext, as well as of the local text, is, as N.E. Mednis notes, is ‘a figuratively and thematically designated center, a focusing object, which in the system of extra-textual realities-text appears as a single concept of the supertext. The role of such a center for topological supertexts is played by one or another specific locus, taken in the unity of its historical-cultural-geographical characteristics’ [10. P. 9–10]; as textual elements of the local subtext (‘local coordinates, systematized’ and transformed on the way from factual reality to artistic reality’ [10. P. 10]), there is a ‘system of natural and cultural images (signs) plus predicates, ways of expressing limitation, space and time, surnames, names, numbers, elements of meta-description (theatre, scenery, role, actor, etc.), a single lexical-conceptual dictionary, motives and more’ [10. P. 11].

The ‘unified concept’ of the ‘Chukot text’ in Oyar’s cycle ‘Northern Flashes’ is determined by the author’s ‘myth’ about the Chukot space, which is characterized by ‘established constant natural, landscape, climatic, architectural and everyday descriptive features’ [14. P. 16]; this myth ‘forms the image of the role and main idea of space in culture’ [14. P. 16–17] in the traditional and individual author’s understanding of it. Before Oyar, there were already myths in the ‘Chukot texts’ of his predecessors, for example, Russian writers, with their characteristic ways of describing the locus (themes, images, motifs, symbols, etc.). For example, O. Kuvaev

defines the myth of his ‘Chukot text’ in the novel ‘Territory’ as ‘the biblical creation of the world and man from the primordial chaos’, as a northern brotherhood, as a population of ‘strong people, passionaries, heroes’ [12] — both local and newcomers. In T. Semushkin’s novel ‘Alithet Goes to the Mountains’ the myth of the autonomy and autochthony of the Chukot world is presented.

Oyar’s ‘myth’ has a pantheistic nature. Chukotka is a space of all-powerful nature, testing man and highlighting the limits of human capabilities. And the indigenous inhabitants of the region, the Chukchi, in this semantic context are associated not so much with the ethnonym ‘чаучу’ (translated as ‘rich in deer’), but with the ethnonym ‘луораветланы’, which in the Chukchi language means ‘real people’.

The Chukotka (‘Other’ in factual reality) in Oyar’s artistic reality is constantly in contact with his ‘Self’ one — native, Mari. The cycle begins with ‘Self’ reality, and it also ends with it. In the first poem ‘Корныш лекме годым’ (Before setting off on a journey) the poet promises to remember what connects him with his small homeland, reminding the reader of the folk traditions of farewell and ‘throwing’ at him a few Mari *ойөрө*,⁵ for example, that one must not turn around when setting out on a journey — otherwise there will be no happiness, but evil (trouble):

*Мӱнгеш савырнашат ок йӱрӱ,
Лекмеке корнышко, вигак.*

*Тыге тый лӱдыктет пиалым,
Лач шики гай южым кормыжетет
Да сай олмеш этак осалы.
Ужат тый кошмо корнышетет [P. 127–128]*

You can’t turn back,
To the road you came out on, right away.

That way you will scare away happiness.
You’ll grab [lit., squeeze into a fist. — R.A.] only air, similar to smoke,
And instead of good, you’ll always see evil
On the road you walk on.

The first poem ends with a promise to always keep the colors and voices of the native land in the heart:

⁵ *Ойөрө* (prohibition, taboo) is a short genre of Mari folklore that expresses the age-old wisdom of the Mari people, generalizing their life experience, containing a prohibition on performing any actions, on the use of certain words and objects. “The structure of *Ойөрө* is a unique formula and consists of two parts. The first part is the actual prohibition with the word *ок* /о йӱрӱ ‘not suitable’. The second part is a laconic statement of the consequences of violating the prohibition, and less often the reasons for its existence” [15. P. 12].

*Да корно кургыла налам мый
Ик сӧрымемым шӱмышкем:
Тӱсдам ужам, йӱкдам колам мый
Эртакак*

коштмо корныштем. [P. 128]

And just like a travel food I will put [lit. take food. — R.K.]
In my heart one promise of mine:
I see your appearance, I hear your voice
All the time
on my way.

In the opposition ‘Other/Self’, Oyar gives preference to the ‘Self’ and demonstrates the poet’s high degree of ethnic self-identification:

*Мый кызыт раи палем: кеч-куи ом кае,
Могай йылман коклаште мый ом лий, —
Кодам чонем ден ялт тунамсе гае —
Колумбын манмыла, шӱм-мокиш йотке марий!* [P. 150]

Today I clearly know: wherever I go,
Among those speaking whatever language I may be,
In my soul I remain the same as then, —
As Columbus would say, Mari to the heart-liver!

But ‘Other/Self’ in the meaning of ‘Chukot/Mari’ of the Mari poet is not given according to the principle of opposition, as in S. Yesenin’s cycle ‘Persian Motifs’ (beautiful and cold exoticism and native, real): ‘No matter how beautiful Shiraz is, / It is no better than the Ryazan wide spaces;⁶ The heart dreams of another country. / I will sing to you myself, my dear, / Something that Khayyam never sang before...’⁷). In Oyar’s version of this opposition, there are more complex relationships. The ‘Other’ for the poet is incredibly stronger, more powerful and very close. At the same time to the nostalgia for ‘Self’ are added grateful memory and nostalgia for the ‘Other’. Then this ‘Other’ has become his ‘Self’. It has happened in the process of Oyar’s and his lyrical subject’s active cognitive efforts in artistic reality.

The interpenetration of the ‘other’ and the ‘self’ in the cycle is largely explained by the closeness of the pagan culture of the Mari and the shamanism and animism of the Chukot. All of them are natural beliefs. For example, it is always noted about the animism of the Chukchi people that it is ‘the personification and deification of individual areas and phenomena of nature (masters of the forest, water, fire, sun,

⁶ Yesenin S. 1977. *Collected Works in Three Volumes*. Vol. 1. General editor and introduction by Yu.L. Prokusheva. Moscow: Pravda, p. 244.

⁷ *Ibid.*, p. 249.

deer, etc.), many animals (bear, raven), stars, sun and moon; belief in evil spirits that cause all earthly disasters, including illness and death'.⁸ The same is characteristic of the traditional Mari religion, which G.E. Shkalina calls Mari shamanism [see: 16].

The dynamics of the lyrical plot, which is intended to unite all the poems of the cycle into a single artistic whole, along with the general Chukot theme, the author's concept and the opposition 'Other/Self' (compositional-semantic principle), is based on a system of consistently replacing each other (in some cases combined) motives: expectation, fear, discovery, surprise, overcoming fear, admiration, rapprochement, acceptance, a sense of kinship. In this context, the artistic techniques and means that form the 'Chukchi text', such as toponyms, figurative centers, landscape, portrait elements, signs of national life, material and spiritual culture, folklore and mythological images and motifs, linguistic inclusions, etc., acquire the greatest significance. Gradually, the reader gets an idea of the Chukotka region and the people who inhabit it; and the presence of the opposition 'Other/Self' allows him to see the Mari world, with which the author of the poems about Chukotka is connected by birth.

The 'Self / Chukot' theme is included in the cycle along with the author's idea of an immensely distant and unfamiliar land for the Mari, where the plane flies to all night at an incredible altitude, which makes the Lyrical subject's heart skip a beat (the poem 'Каваште' — In the Sky). In the third poem of the cycle 'Чукотка дене вашлиймаш' (Meeting with Chukotka) this idea is confirmed by a number of the author's definitions: *мланде тўрыш* 'to the edge of the Earth'; *Эше тенгече, мо тыгае Чаун, / Пален ыш керт мемнан марий чонна* [P. 129] 'Just yesterday, what is Chaun, / Our Mari hearts could not even know'. It is also a semantic center of the poem 'А мый тылат тышечын эрым...' (And I am from here to you the morning...): *...Пел мланде гоч эртен* [P. 131] '...Having walked a half of the Earth...'; *...палет, моткоч умбалне, / Кушан ок ыре вўд, / Кушан кия сандалык-мланде, – / Ила кум тылзе йўд* [P. 131] '...you know, very far away, / Where the water does not warm up, / Where the universe-earth lies, — / Night lives for three months'. This poem is already saturated with toponyms that directly form Oyar's 'Chukot text', the first of which are Chukotka and Chaun (a river flowing through the territory of the Chaunsky District of the Chukotka Autonomous Okrug). At the same time, the ethnonym 'Mari' continues to be preserved, helping the author to artistically realize the motives of expectation and discovery of a new (other) world. Gradually, other toponymic images appear in the poem, as well as astronomical images, both generalized and specific, that are significant for the place depicted (names familiar to the author are given in the Mari version): *Йўдвел* (North), which is extremely clear and dear to the interlocutor of the lyrical subject, who has lived in Chukotka for half a century and has become attached to it with his soul, but for the lyrical subject himself, at the beginning of his acquaintance with the region, it is the wild North (*Ир Йўдвел*); *Певек* (Pevек) (*Российын тиде эн йўдвел олаже...*

⁸ Chukchi. 10 Oct. 2024, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Чукчи>

[P. 129] ‘This is the northernmost city of Russia’); *Иянше Океан* (Arctic Ocean); *Полярный шудыр* (North Star); *Чолпан* (the Mari name for the planet Venus).

In the poem ‘Meeting with Chukotka’ we also draw attention to the landscape sketches. They contain traditional images of the nature of the Chukotka region (white seagulls, polar bear, wild cold, a hill) and are intended to convey the excitement and surprise of the lyrical subject from what he saw. They also introduce the reader to the essence of the Chukotka ‘myth’ (they present the Chukotka space as an extreme natural environment, an element that tests a person’s strength):

*Кум тылзе веле южшо тыште шокишо,
Индешыже — ош маскалан пайрем.
Кок сер воктен шуйна радамын сопка,
Тудат ок керт ир йўштым авырен.* [P. 129–130]

Here the air is warm only for three months,
And for nine months there is a holiday for the polar bear.
Between the two coasts the hill stretches in rows
And it cannot hide the wild cold.

As usual, Oyar adds his ‘Self’ (Mari) detail to this ‘Other’ (unusual) natural picture, associating a Chukchi seagull with a grey swan on the Какшан River (Kokshaga in Russian):

*... Чайка вуй ўмбалне
Ялт комбо йўк ден кычкырал колта.
Маннеже мо: ‘Йокрокым ида пале...’,
Какшан сер комбым койын кенета?* [P. 130]

...A seagull overhead
Cried out in exactly the same voice as a swan.
Perhaps it wants to say: ‘Don’t be sad...’,
Suddenly becoming a grey swan from Kokshaga?

This comparison is noticeably strengthened in the poem ‘And I am from here to you the morning...’, written as an appeal to a loved one from Mari El (in our opinion, such a genre-compositional solution can also be considered as a form of presence of ‘Self’ next to ‘Other’). The Lyrical subject continues to be nostalgic for his homeland. Although he seems to have already accepted the harsh Chukot world and sends as a gift to his addressee not just something, but a Chukot morning. The most pleasant activity (*тамле сомыл*) for him in this poem is a long and beautiful sleep, next to a loved one from his native world, when you are distracted from the terrible ‘howl’ of the wild northern wind. And in the next poem ‘Нигуш йокрок деч ом керт таче шылын...’ (I can’t hide from sadness anywhere today...) the pleasant thing is the song by Ivan Smirnov, sounding from the cassette and warming

with its familiar warmth. At the beginning of the poem, the poet declares a familiar and close ornithological imagery (*кукун куанжым* ‘the joy of the cuckoo’) and other natural imagery (*шошо пеледалттым* ‘the blossoming of spring’), associated with the Mari world. But it is very quickly replaced by an inspired, lyrical story about a snowy bay, the icebreaker ‘Flying Dutchman’, paving the way for the last ship, taking with it the sunlight until spring (*Могай уверым кондыш гын ты мландыш? / Виса умбаке корным кушкыла?* [P. 132] ‘And what news did he bring to this land? / And where does he pave his way to further?’). The sunlight will be replaced for the poet by the Mari artist Iyvan Smirnov, who ‘arrived’ in the cold Chukotka region via the cassette.

The motive of interested studying and recognition of the Chukot world, as well as admiration for it, in the poem ‘Кү пеледыш’ (Stone Flower) enters through the image of a female artist, who replenishes the scarcity of northern vegetation in the art of stone, through the recreation of the creative process itself (the creation of a stone flower):

*Тудлан күлеш ал малахит,
Я канде сото лазуритын,
Ужар лышташ гай түс нефритын –
Шинча кумен чыла пала:
Йыга, пүчкеш да перкала...
Амалкала түс дене түсым.* [P. 132–133]

She needs scarlet malachite,
Or the blue of light lapis lazuli,
Like a green leaf, the color of jade –
With closed eyes she knows everything:
Sharpens, cuts and knocks...

Selects [lit. is occupied by, works cleverly. — R.K.] color to color.

It is no coincidence that the image of a woman artist is present in the ‘Chukot text’. For example, according to the principle of the ‘ethnic unconscious’, the author again turns to his own ‘Self’ text (the embroiderer, who among the Mari, as a rule, were women), claims the unity of creative souls, the creative spirit of different peoples. The motif of the kinship rapprochement of ‘Other’ and ‘Self’ in the author’s concept of the world enters the cycle:

*Ушем дене ужам мый тидым:
Ялт весе
шүртым шып кереш,
Түрла лыжган ош вынереш...*

Туштан пелед кая пеледыш!
Туштан моторлык — чон леведыш!..
Икгае улыт шүртө, кү, —
Кунам мастарлык шын ок кий... [P. 133]

In my mind I see the following:
a completely different woman
quietly pierces with a thread,
smoothly embroiders on a white canvas...
And there a flower will bloom!
And there a beauty is a joy to the heart [lit. blanket over the heart. — R.K.]!
The threads, the stone are the same, —
When the craftsmanship does not sleep...

The most shining ways of realizing the author's 'myth' in Oyar's 'Chukot text' are the figurative centers, the main one of which is the mythopoetic image of the Yuzhak (*южак*). Yuzhak is the main feature of the city of Pevek. It is 'the strongest constant wind in the world', which 'blinds, literally cutting the eyes with blades of small ice floes, tears fur coats to pieces, breaks bones, bends metal'.⁹ It is an evil spirit in Chukchi mythology. According to Chukchi legend, the city of Pevek (the name, according to one version, is given for the neighboring mountain Peekinei (Пээкиней) — from the Chukchi *пэвэк, пээк* 'fat, swollen' [17. P. 324], according to another, widespread among the people, comes from two Chukchi words 'Пагыт-кэнай', which are translated as 'fragrant mountain') was built against the will of the northern gods and so evil spirits imposed a curse. This curse is still in effect: 'people for the Yuzhak are no heavier than chips', 'the Yuzhak, who can blow without weakening for weeks, as if he still strives to drive all people out of Pevek'.¹⁰ The poem also mentions the traditional collective name of evil spirits in Chukchi mythology — 'Келе', In the context of the poem it is directly related to the image of the Yuzhak.

Oyar reproduces in horrifying details the wild rampage of the evil spirit — the master of the world (*Ок ужьыс нимомат вийлан — / Оза лач тудо тўнялан!..* [P. 134] 'He doesn't see anything strong — / Only he is the master of the world!..'), making a person, it would seem, completely helpless. This poem is key in terms of the author's concept of the Chukot world. Creating the author's 'myth' in the Chukot cycle, Oyar relied on the traditional idea of the Chukchi way of life: 'This is unity and struggle with the harsh nature of the Arctic. Man is a part of nature, but it also subjects him to severe tests. To survive means to win'.¹¹ Yuzhak is a force majeure (an unpredictable circumstance, an irresistible force), a symbol of human suppression.

⁹ Yuzhak: the wind that only the Chukchi can bear // Back to the past. 15 Sept. 2024, <https://vk.com/@old.history-uzhak-veter-kotoryi-mogut-vynesti-tolko-chukchi>.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Chukchi // National policy: information portal. 22 Sept. 2024, <https://nationalpolitics.rf/nationalities/Chukchi>

However, the ending of the poem claims the author's idea about the ability of a northern man to live in a wild and unpredictable nature, to survive (win) and continue to live:

*Түтан олян-олян лушка — <...>
Йырвашын тымык авалта...
А ме уремыш лектына,
Адак пашашке вашкена.
Да кажне иктым лач шона:
Илен лекна гын — илена!.. [P. 134]*

The storm slowly, slowly dies down — <...>
Silence reigns all around...
And we go out into the street,
Again we hurry to work.
And everyone thinks about only one thing:
We survived — we live!..

Oyar completes the image of the northern man in his attitude towards Yuzhak in the poem 'Певекын шонгыенжылан' (To the Pevek old man), again pointing to his inner strength and nobility: 'Южак' мардежлан тун ден савырналын / Йүдвел айдеме ыш кошт нигунам... [P. 138] 'Having turned his back to the wind of the 'Yuzhak', / Never did the northern man walk'.

Oyar attaches great importance to recreating the state of a person experiencing a storm (in the poem 'Yuzhak' — from immense fear, confusion to calm). The Mari poet in his feelings and thoughts is united with everyone, shares a common state. We see the same emotional unity of the author with the Chukchi world in poems dedicated to spring ('Певекышке пөрткайык толын' 'Sparrows have flown to Pevek'; 'Шошо шүлыш тыштат шижалтеш...' 'The spring mood is felt here too...'):

*Түнө йүштө, но чонышто сай.
Кенета, öрын, иктым шоналтышым:
Нигöат тышеч чылт ынеж кай
Нимогае кечан шокшо мландышке... [P. 140]*

It's cold outside, but my soul feels good.
Suddenly, surprised, I thought of one thing:
Nobody wants to leave this place
Not to some sunny, warm land...

In the poem 'Кузе шочеш йүдвел тулсавыш' (How Northern Flashes Are Born) (the title of the poem echoes the title of the entire cycle), the key metaphorical image of the 'Chukchi text' is revealed for the first time — northern flashes. He expresses in it the manifestation (revelation) of the people's soul (Трук почылтешыс калык

чон [P. 134] ‘Suddenly the people’s heart opens up’) and realizes the motive of admiration for the ‘Other’ (Chukot) — the strength and talent of the people, living in an ‘organized’ manner with Mother Nature and preserving their culture:

...Кушта ансамбль ‘Эргырон’.
Кап модмо дене, йӱк вий дене,
Йонген-йонгалтше бубен ден
Каласкала — кучен от сене! —
Чыталше калыкше нерген [P. 134]

...The Ehrgyron ensemble dances.
With the play of the body, the power of the voice,
With a loudly ringing tambourine
It tells — I can’t help it! —
About its strong-willed people.

Oyar interprets the seven-colored northern flashes that adorned the sky after the concert of the national ensemble ‘Эргырон’¹² (Ehrgyron), as gratitude from nature (the ancestor) to the representatives of this ‘strong-willed people’.

We also see this natural phenomenon that is unusual for any ‘outsider’ on the Chukot land in the poem ‘Polar Night’:

*Пел кавам кумдан айлалын,
Тулора гай шонанпыл,
Ах, модеш, шыман лойгалын,
Турлӧ тӱкын йыл-йыл-йыл* [P. 136]

Spreaded wide over the half of the sky,
A rainbow, like a bunch of lights,
Ah, it plays, gently swaying,
Lighting up in different colors.

In its epistolary form, the work is similar to the poem ‘And I am from here to you the morning...’, but the motifs of recognition and acceptance, already familiar from it, are supplemented here by admiration caused by the numerous flashes that suddenly decorated the endless polar night and instilled in people hope for a quick end to the night.

The image of unexpected and beautiful flashes of light in the polar night, created with the help of tropes, the interjection ‘Ah’, and the traditional Mari onomatopoeia йыл-йыл-йыл, gives the poem a philosophical subtext. The author reflects on the regularity of the life cycle (on the impermanence of darkness, on the

¹² ‘Ehrgyron’ is a state academic Chukchi-Eskimo ensemble (existed since May 12, 2020). The word ‘эргырон’ is translated from the Chukchi language as ‘dawn’.

inevitability of ‘dawn’, emphasized in the name of the Chukchi-Eskimo ensemble from the previous poem). The unique northern flashes in the poem are associated with the happiness that every person hopes for:

*Лач тыге коштеш тўняште
Кажнын шонымо пиал —
Толын лектын иканаште,
Авалта, волгалтыш ал... [P. 137]*

This is how the happiness is waited for
By everyone wandering in the world —
Appeared in an instant,
Captured, the power of light...

The people of Chukotka are accompanied in their joys and misfortunes by the supreme god (the same is true for the Mari, who are protected by the Great White God). He is called by name Пэликэн (Pehlikehn) and also forms the ‘Chukchi text’ (Шинчылтеш шкетак тораште, / Ягылге тулгум йыген... [P. 136] ‘He sits alone in the distance, / Rubbing the polished flint’). In the poems ‘To the Pevek Old Man’ and ‘Певекышке пёрткайык толын’ (Sparrows Have Flown to Pevek), Oyar wishes the people under the protection of Pehlikehn, Pevek, the Chukchi seagulls and sparrows, and the ships a continuation of life, spring joy, and a happy fate.

One of the structural and semantic components of the ‘Chukot text’ in the ‘Northern Flashes’ cycle is gold. Oyar’s axiological solution to this topic is very reminiscent of O. Kuvaev’s view of Chukotka in the novel ‘Territory’: ‘Gold in this system of values is only a ‘vile metal’ for which, somewhere in another world, people sacrifice their lives and pay money. In the Territory, it is only a pretext, a reason for work’ [12]. The attention of the Mari poet is also drawn not to the gold itself (*Кызыт ынде — лач музей арвер* [P. 142] ‘And now — only a museum item’), but to those who mine it, to what a labor-intensive process gold mining is (*Рокым ен кандаш пўжвўд лекмешке / Курык наре кугытым шоктеш* [P. 143] ‘Until the eighth sweat a man sifts the earth / About the size of a mountain’). The value is not gold, but the sun of the white north: *Ош Йўдвелын шёртньō гае кече* [P. 143] ‘The sun of the white North is like gold’. Oyar introduces the Chukchi gold miner as a man of free soul: *...Шўмжым тудо четлыкеш ок пече — / Шёртньым лукио айдемак кодеш!..* [P. 143] ‘...He does not lock his soul in a cage [lit. does not enclose it in a cage. — R.A.] — / He remains a man who mines gold!..’.

The motifs of admiration and kinship (unity) with the Chukot world unite several poems, in which the author supplements the space of the ‘Chukot text’ with a whole series of loci and toponyms: in the poem ‘2004 й, 8 апрел’ (2004, 8 April) — an island and a village on the edge of the earth with the same name *Айон* (Aion) (translated from Chukchi ‘эйу-, ейо- ‘to revive’ — the island serves as a place of rest and fattening (‘revival’) of reindeer’ [18. P. 58]); in the poem ‘Поляр-

ный станцийыште’ (At the Polar Station) the station ‘Полярка’ (Polyarka); in the poem ‘Шижде йүдрүдын толын...’ (Suddenly Appearing in the Center of the Night...) — the Chaun Sea (in the author’s text *Чаун тенгыз* — Oyar so designates Chaunskaya Bay or Chaunsky Gulf, Chaunskaya Guba – an Arctic bay in the East Siberian Sea, in the Chaunsky District of the Chukotka Autonomous Okrug; he calls it a sea, obviously also focusing on the etymology of the word Chaun — translated from Chukchi it means sea); in the poem ‘Колыма’ — Kolyma (Kolyma region, including the rivers of the Bilibinsky district of Chukotka).

The author calls the hardy and principled people living and working in Ayon heroes: *Тышак илаш герой лийманак* [P. 144] ‘To live here, it is impossible not to be a hero’. He sings a hymn to the specialists of Polyarka, who live among the ice and work more professionally and accurately than near-Earth weather satellites. Under the guidance of his northern meteorologist friend, he learns to listen and hear the Chukchi nature, boldly goes to the shore of the Chaun Sea and talks to it like a human being, talks about the test of courage and loyalty that the bay arranges for people. At his own request and in search of himself, the poet goes to Kolyma. Oyar creates an image of a modern working Kolyma, based on reflections on its bad reputation in the history of the country (a place of exile and death of numerous ‘enemies of the people’) and on its traces in modern times, expressing his reflection on the deep human sadness (*Күан да кылме рок үмбалне, / Мардеж йымалне, кызытат / Айдеме чондымо барак-влак / Лулеге семын шын шогат* [P. 148] ‘On the stony and icy ground, / Under the winds, to this day / Barracks without a human soul / Stand quietly, like skeletons’; *Ойган, шомакдыме чапкүла Пеле оралте-влак шинчат* [P. 148] ‘Like sad, silent monuments, / The semi-structures are arranged’. Author insists that Kolyma, amidst the cold and ice, has preserved a ‘hot heart inside’ (...*шокишо тудын көргö шүм* [P. 148]).

The Chukot theme in the cycle of the Mari poet is completed by the image of a chamomile from the poem ‘Певекык висвисше’ (Pevек’s Chamomile). This is a bright flower that is familiar to the poet in his homeland and very much expected by everyone after the polar night in the northern land. Also this is the name of the only café in Pevек, named by the author in Mari (‘Висвис’), which quenches the sadness of the soul of the lyrical subject.

In the last poem, ‘Шүм-чон ок шинче кужытын кужужым...’ (The Soul Does Not Know the Extent of Longness...), the lyrical subject, who understood and accepted the specifics of the Chukot world and merged with it in a kindred way, is entirely focused on Mari. The preceding poem, similar in semantics, is ‘Кызыт тыйын кундемыште...’ (Now in Your Land...). It is written as a memory of the homeland, spring (May), a beloved woman. Lyrical subject wishes to see with his own eyes his native places, where the bird cherry is blooming vigorously, where the dried and already green earth (*Ужар мланде — топланыше* [P. 141]), with a romantic request to his beloved woman to come out to meet him when the bird-cherry berries ripen (in his own translation, Oyar titled this poem as ‘Ожидание возвращения’ — Waiting for Return).

From these two poems it is clear that the knowledge of ‘Other’ allowed the author to truly appreciate his ‘Self’. The cold in his homeland is ‘the price of life’ (*ильшын ак*), but it is not at all intrusive or scary, it is not capable of freezing his ‘brave heart’ (*чон дене йыгытым*) (‘Now in Your Land...’). In the poems of Semyon Nikolaev translated into Russian and published in Moscow, author now clearly saw the Mari soul (*Рушла гычат йонча шўм-чон марийын — / Вўршерысе вўр семын коштеда* [P. 150] ‘And through Russian the Mari soul seeps — / pulsates’ [lit. walks, like blood in a pulse. — R.K.] (‘The Soul Does Not Know the Extent of Longness ...’)).

In the Russian-language version of Oyar’s Chukchi cycle, the final poem is ‘Прощание с Провиденья’ (Farewell from Providen’e) (it is not in the Mari version), introducing a new toponym (Providen’e is a bay in the Anadyr Gulf of the Bering Sea, off the southeastern coast of the Chukchi Peninsula, with a seaport) and generalizing the enormous significance of the northern (pagan) region in the life and fate of the Mari poet:

И значит небу так угодно,
Чтоб я с тобой побыл ещё чуток,
Чтобы с тобою о бок на сегодня
Связался узел всех моих дорог¹³.
Но будет день — средь суеты, обмана
(В каком опять далёком далеке?)
Твои дожди,
и пурги,
и туманы
Вдруг вспомнятся — и не бывать тоске¹⁴.

So that I could stay with you a little longer,
So that tightly with you
The knot of all my roads would be tied today.
But there will be a day, amidst the vanity, deception
(In what distant faraway place again?)
Your rains,
and snowstorms,
and fogs
Suddenly will be remembered and there will be no place for melancholy.

Conclusion

Thus, the ‘local text’ of the Mari poet Gennady Oyar that we have examined, formed by him in the cycle ‘Northern Flashes’, is defined by the concept-locus ‘Chukotka’ (the cultural space of the northern people, distinguished by extreme

¹³ Oyar G. Chukotka Cycle (Translations by the author). Oyar G. (Sabantsev G. L.). 2014. Flashes of the Heart: Poems. Yoshkar-Ola: ‘Mariy Zhurnal’: String, p. 184.

¹⁴ Ibid, p. 185.

natural conditions, the ontological and at the same time heroic essence of the people living in them and preserving their mythology and traditions). The ‘Chukchi text’ is artistically constructed: the basis of its lyrical plot is a complex of consistently realized motives (expectation, fear, discovery, surprise, admiration, rapprochement, acceptance, recognition of the kinship of souls). In the formation of the ‘local text’, toponyms (Chukotka, Pevek, Chaun, Ayon, Kolyma, etc.), specific natural phenomena and images (polar night, storm-yuzhak — the central image from the point of view of the author’s ‘myth’, seagulls, hills, etc.), landscape, objects of life (‘Polyarka’, cafe ‘Romashka’, icebreaker ‘Flying Dutchman’, etc.) are in demand as artistic devices and means. Also signs of national life, material and spiritual culture (a stone flower created by a female artist from northern gemstones; belief in nature gods, the ‘Эргырон’ ensemble, etc.), folklore and mythological images (Пэликэн, Южак, Келе) and motives, minor linguistic inclusions, mainly in the names of settlements (Чаун, Певек, Айон), cultural phenomena (эргырон) and Chukchi pagan gods are used in the same manner. The ‘Chukot text’ asserts the author’s idea about the ability of a northern man to live in a wild and unpredictable nature, to survive (win) and continue to live.

The compositional and semantic principle of Oyar’s cycle is the presence of the opposition ‘Other/Self’, which allows the author to actively include the Mari world in the ‘Chukchi text’, but not according to the principle of opposition, but rather conjugation (compare and connect, find points of contact, defuse, unite), which is largely connected with the natural conformity way of the existence and the natural-pagan culture of the peoples (Chukchi and Mari). The Mari theme is realized through special ‘Mari’ poems (‘Now in Your Land...’, ‘The Soul Does Not Know the Extent of Longness...’), as well as images of the Mari world, interspersed in ‘Chukchi’ poems (bird cherry, images of a loved one, a friend, anthroponyms that are not in the Chukchi line of lyrical narrative, but are in the Mari one, such as Ivan Smirnov, Columbus and Semyon Nikolaev in the frame text of the last poem), specific Mari vocabulary (onomatopoeia), presentation (translation and wordplay) of famous Russian words-names of the Chukchi space in the author’s native language (Йүдвел, Иягше Океан, ‘Чонгештылше Голландец’, полярный йүд, ‘Висвис’). Important from the point of view of the opposition ‘Other/Self’ are the nostalgic notes for the native and the author’s reflections on the Chukot through the Mari. In return, the knowledge of the ‘Other’ allowed the author to truly appreciate ‘Self’ and to become more firmly established in his ethnic identity.

References

1. Boyarinova, G. 2020. “Mari poetry: checking the voice with the truth of life.” In *Nightingale land: poetry of Mari authors*. Vol. 1. Joshkar-Ola: Mari Book Publishing House, pp. 3–18. Print. (In Russ.)
2. Manaeva-Chesnokova, S. 2014. “The burden of the poet Gennady Oyar.” In Sabantsev, G.L. *Flashes of the Heart: Poems*. Joshkar-Ola: Mari zhurnal publ., pp. 186–195. Print. (In Russ.)
3. Mihailov, V.T. 2015. “Poe’t G. Sabancev-Oyary’n sy’lny’mut t’nyazhe” [The artistic world of G. Sabantsev-Oyar]. In *The artistic culture of the peoples of the Volga-Kama polyethnic region*

- in the paradigm of modernity: Collection of Articles*. Yoshkar-Ola: Mari State university publ., pp. 112–119. EDN: VAMLCX Print. (In Mari)
4. *Modern Mari Lyrics: Artistic Models of the World and the Poetics of Creative Individuality*. 2022. Yoshkar-Ola: Mari State University publ. EDN: TOHSQG Print. (In Russ.)
 5. Arzamazov, A.A. 2022. *Mari-Udmurt poetic parallels and contrasts. Comparative reading experience: monograph*. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. EDN: GEFXXL Print. (In Russ.)
 6. Starygina, N.N., and R.A. Kudryavtseva. 2023. “Mari National Text in Russian Translations: Based on the Poems of Gennady Oyar.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 2, pp. 283–297. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-283-297> EDN: LAWOVX Print. (In Russ.)
 7. Kuzmin, G.V. 2018. “‘The Morkinsky’ text in Mari prose (to pose the problem).” *Litera* 3: 22–27. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2018.3.26717> EDN: YZITFZ (In Russ.)
 8. Kudryavtseva, R.A. 2024. “The Sernur text” in the lyrics of Zoya Dudina.” *Litera* 10: 13–30. 11 Jan. 2024, https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71948 <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.10.71948> EDN: OXOASS (In Russ.)
 9. Kudryavtseva, R.A. 2023. “The Sheklyanur text” in the novel by Yivan Osmin “Between Heaven and earth.” *Litera*, no. 11, pp. 126–145. 20 Sept. 2024, https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69118 (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.11.69118> EDN: NCNJAO
 10. Mednis, N.E. 2003. *Supertexts in Russian literature*. Novosibirsk: NSPU Publishing House. 20 Oct. 2024, <https://raspopin.den-za-dnem.ru/pic-00004/2021-pdf/Mednis-sverh.pdf> EDN: VXHJAT (In Russ.)
 11. Avchenko, V. *The most immense book about the Great Patriotic War and its aftershocks*. 20 Sept. 2024, <https://unost.org/authors/vasilij-avchenko/samaya-neobyatnaya-kniga-o-velikoj-otechestvennoj-vojne-i-eyo-aftershokah/> (In Russ.)
 12. Sukhoi, I. 2015. “Oleg Kuvaev’s Territory.” *Literaturnaya Gazeta*, issue 6504, no. 14. (In Russ.). 10 Sept. 2024, <https://lgz.ru/article/territoriya-olega-kuvaeva>
 13. Semyashkin, R. *Tikhon Semushkin: pioneer of the Far North*. 11 Sept. 2024, <https://rus-lad.ru/news/tikhon-syemushkin-pionier-kraynego-severa> (In Russ.)
 14. Yashina, K.I. 2021. *Local texts in the works of Bella Akhmadulina*: PhD thesis. Nizhny Novgorod. 11 Sept. 2024, <https://diss.unn.ru/files/2021/1176/diss-Yashina-1176.pdf> (In Russ.)
 15. Abukayeva, L.A. 2016. “The linguopragmatic aspect of the use of Mari prohibitions.” In *Problems of Mari and comparative philology: collection of articles*. Yoshkar-Ola: Mari State University publ., pp. 12–15. Print. (In Russ.).
 16. Shkalina, G.E. 2019. *The Holy World of Mari*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House. Print. (In Russ.).
 17. Pospelov, E.M. 2002. *Geographical names of the world: a toponymic dictionary*. Moscow: Russian dictionaries: Astrel Publishing House LLC: AST Publishing House LLC. Print. (In Russ.).
 18. Leontiev, V.V., and K.A. Novikova, 1989. *Toponymic dictionary of the North-East of the USSR*. Magadan: Magadan Book Publishing house. Print. (In Russ.).

Bio note:

Raisiya A. Kudryavtseva is a Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University, 1 Lenin Sq, 424000, Yoshkar-Ola, Republic of Mari-El. ORCID: 0000-0001-8933-5955. eLibrary SPIN-code: 1169-1030. WOS Research ID: F-5952-2014. E-mail: kudsebs@rambler.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-128-140

EDN: HDIWDA

Научная статья / Research article

Детская проза М. Шкетана: специфика авторской аксиологии и этнопоэтика

Л.В. Калашникова

Колледж государственной и муниципальной службы, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

✉ ms.lara.kala@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению аксиосферы и этнопоэтики детской прозы марийского писателя М. Шкетана. Особое внимание уделено изучению ценностей, обусловленных культурным контекстом, описанию в категориях поэтики того, что определяет прозу данного писателя как «марийская». Актуальность исследования продиктована необходимостью изучения ценностной природы марийской литературы и художественных форм воплощения этнического менталитета. Цель исследования — в детской прозе М. Шкетана выявить ценности универсальные и этнические, показать сочетание универсальной поэтики с этнопоэтикой, исследовать фольклорно-этнографический интертекст, способствующий раскрытию «национального образа мира».

Ключевые слова: марийская литература, детская проза, поэтика, этнопоэтика, аксиология, фольклорно-этнографический интертекст, национальный образ мира

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Калашникова Л.В. Детская проза М. Шкетана: специфика авторской аксиологии и этнопоэтика // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 128–140. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-128-140>

M. Shketan's Prose for Children: The Specifics of the Author's Axiology and Ethnopoetics

Larisa V. Kalashnikova

College of State and Municipal Service, Yoshkar-Ola, Russian Federation

✉ ms.lara.kala@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the axiosphere and ethnopoetics of children's prose by the Mari writer M. Shketan. Special attention is paid to the study of values conditioned by the cultural context, the description in terms of poetics of what defines the prose of this writer as "Mari". The relevance of the research is due to the need to study the value nature of Mari literature and

© Калашникова Л.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

artistic forms of the embodiment of ethnic mentality. The aim of this study is to identify universal and ethnic values, to show the combination of universal poetics with ethnopoetics, to explore the folklore and ethnographic intertext contributing to the disclosure of the “national image of the world” in the children’s prose of M. Shketan.

Key words: Mari literature, children’s prose, poetics, ethnopoetics, axiology, folklore and ethnographic intertext, national image of the world

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kalashnikova, L.V. 2025. “M. Shketan’s Prose for Children: The Specifics of the Author’s Axiology and Ethnopoetics.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 128–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-128-140>

Введение

Детская проза М. Шкетана во всех её художественных аспектах (в том числе в аспекте её аксиосферы и поэтики) является одной из наименее исследованных областей марийской литературы, между тем её изучение важно как для определения художественной специфики национальной литературы для детей, так и для создания целостной картины становления и развития марийской литературы в период «формирования основных жанров, разновидностей пафоса, форм повествования, языка художественной литературы, развития реализма» (по периодизации Р.А. Кудрявцевой, 1917 — середина 1930-х гг.) [1. С. 100]. Кроме того, марийская детская литература, как и марийская литература в целом, безусловно, «находится в этноаксиологическом поле культуры, она запечатлевает этнические особенности народа. В этом смысле литература, как и фольклор, может стать источником изучения актуальной проблемы этнической идентичности» [2. С. 64–65], которую важно изучать и на материале детской литературы, имеющей высокий воспитательный потенциал. Однако до настоящего времени мы имеем только одну научную работу, выполненную в рамках поставленной проблемы, но и она посвящена изучению марийской детской литературы в целом, — это кандидатская диссертация Л.Н. Буркова [3]; но в ней не затронуты интересующие нас вопросы по детской прозе Шкетана. В научной литературе получили освещение широко известные юмористические рассказы Шкетана 1930-х гг. [4; 5 и др.], которые мы в данной статье также относим к детской прозе писателя, однако в контексте детской литературы с выделением аксиологической проблематики и этнопоэтических особенностей они нами рассматриваются впервые.

Цель исследования — анализ детских рассказов Шкетана с точки зрения проявления в них общечеловеческих и этнических ценностей и способов их выражения на уровне универсальной поэтики и этнопоэтики. Этнопоэтический путь изучения литературы «связан с выявлением фольклорных мотивов и образов, с религиозно-философским аспектом анализа, подразумевающего опору на основные национальные ценности, символы, архетипы, культурные

коды» [6. С. 4], в связи с чем нами предпринят анализ фольклорно-этнографического интертекста детской прозы М. Шкетана, способствующего раскрытию «национального образа мира» [7]. При этом мы опирались на работы известных исследователей этнопоэтики русской литературы [8; 9]. Произведения, рассчитанные на детский возраст, разительно отличаются от творений для взрослых; они ориентированы на специфически-детское восприятие окружающей действительности, написаны с учётом того, что у детей более развита эмоциональная сфера, чем логическое мышление. Это обстоятельство требует, кроме привычного, структурно-семантического анализа художественного текста, использования психопоэтических исследовательских подходов к литературе, разработанных Е. Г. Эткингом [10].

Результаты и обсуждение

Творчество одного из основоположников и классиков марийской литературы М. Шкетана (1898–1937) приходится на 1920–1930-е гг.; активное участие писателя в общественно-политической жизни Марийского края на первом этапе развития советского государства не могло не наложить отпечатка на его произведения. Большинство прозаических произведений Шкетана, в том числе в жанре рассказа, будь то ориентированные на взрослого читателя или на детскую аудиторию, идеологизировано; многие проблемы, поднимаемые автором, и трудности жизненных судеб персонажей получают социологическую трактовку, объясняются, в первую очередь, социально-классовым неравенством, нищетой, господством местных богачей и их насилием по отношению к бедной части общества, конфликтом старого и нового укладов жизни.

Несмотря на идеологическую ангажированность, писатель создавал произведения, которые сохраняют свою актуальность и в настоящее время. В их числе — рассказы с ценностно значимой — нравственно-этической — проблематикой, значительное место среди которых занимают рассказы для детей и подростков. Так, в детских рассказах «Яку» (1928), «У Мичу нет даже отца» («Мичун уке ачажат», 1928) на первый план выдвигаются семейные ценности: уважительное отношение друг к другу, взаимоподдержка, любовь к детям и т. д. Ни одному из персонажей этих рассказов не повезло быть любимыми в семье: кому-то из-за дурного отношения отца, а кому-то из-за раннего ухода из жизни родителей.

Рассказ «Яку» начинается и заканчивается описанием жаркого летнего праздничного дня — автор обращается к кольцевой композиции, заостряя внимание на детских радостях (дружно шумят, играют у качелей дети, учатся маршировать пионеры). Завершающую картину отличает от начальной то, что на бревне у дома на краю оврага не оказалось мальчика Яку, завидовавшего другим детям, имеющим возможность скакать, играть, смеяться... Он очень хотел учиться в школе, стать пионером и вести себя так, как другие дети, но

из-за отца-самодура Микал Вома, вышедшего из семьи священника, ему всё это было запрещено, поэтому ему оставалось только наблюдать за другими. Если Яку в отсутствие отца (Вома часто ездил на лесные работы) тайком ходил в школу, то, узнав об этом, отец жестко избивал сына; доставалось и матери, пытающейся каждый раз защитить своего сына. После одного из таких побоев мальчик сильно заболевает, пытается пересилить боль, глубоко внутри скрывает свои переживания. Во время поездки с отцом на лесные работы ему становится безнадежно плохо, упрямый отец не везёт его в больницу, но, когда всё-таки привез его туда, было уже поздно, Яку уже невозможно было помочь.

Микал Вома — антигерой, «носитель» антиценности, связанной с пониманием семейной жизни. Но жизненные обстоятельства (болезнь и смерть сына) несколько меняют упрямого и жестокого отца — таким образом, Шкетан настраивает своего читателя-ребёнка на оптимистическую волну, на понимание небезнадежности человека в духовно-нравственном плане. Уже во время болезни сына в душу отца время от времени проникало чувство вины:

Коклан-коккан гына титак ыштыше егла кокыралтат, ик шомакымат ок пелеште¹ (Время от времени покашливает, как виноватый человек, но ничего не говорит); *Ватыж деч йышт, жапын-жапын шынгалыкым почын, эргыжым тўткын онча. Тунам тудын кече дене шемемше шем пондашан чурийже вес семын, ойганыше енгыла койын, корешталтеш* [С. 139] (Тайком от жены время от времени, открывая полог, внимательно смотрел на сына. Тогда его почерневшее от солнца лицо с черной бородой покрывалось морщинами, как у горяющего человека).

Пытался сдержать свой гнев, когда Яку в очередной раз пошёл в школу:

Вома Якун школыш коштмыжым пален гынат, нимом ыш пелеште [С. 142] (Хотя Вома знал о посещении Яку школы, ничего не сказал). И наконец, автор обращает внимание на то, как по-настоящему глубоко и искренне Микал Вома переживает смерть сына: *...шкеже, őrткышō гай, олымбак шинчын, никтежалтше йўк дене шортын колтыш* [С. 145] (...сам, будто пришедший в сильное потрясение, сев на скамью, заплакал сдавленным голосом).

Шкетан понимает, что для детской души (воспринимающего ребёнка) очень важно видеть поведенческую или эмоциональную динамику персонажа. И очень важно для достижения воспитательного эффекта детского чтения дать позитивную динамику хотя бы одного из персонажей. В рассказе «Яку» показано, таким образом, эмоциональное движение отца в сторону нормального

¹ Шкетан М. Роман, пьеса, ойлымаш, очерк да статья-влак. Ныл том дене печатлалтын. Том 2. Йошкар-Ола : Книгам лукшо мар. изд-во, 1962. С. 137. Здесь и далее цитируется данное издание, страницы цитат указываются в тексте в квадратных скобках, перевод цитат с марийского наш. — Л.К.

отношения к своему ребёнку, к человеческому сопереживанию. В этом смысле (очевидно, в соответствии с законами детской литературы) не Яку, а его отец — главный персонаж рассказа, несмотря на то что он не отмечен в сильной позиции текста (в заглавии), где чаще всего обозначаются ключевые персонажи произведения.

«Заглавный» же персонаж — Яку — дан в произведении с драматической линией судьбы, что мастерски представлено Шкетаном в психологической динамике. Яку, отказываясь идти гулять с детьми, испытывает грусть, злость:

...шинчаже вудыжга, ушыж дене эртак ачажым вурса, ачажым карга. <...> шўмжө чотрак пырткаш тўнгалеш [С. 131] (...его глаза увлажняются, умом все отца ругает, отца проклиняет. <...> сердце еще сильнее начинает стучать).

Встретившись с отцом, узнавшим о посещении им школы, он испытывает страх:

Яку тулиол ўмбалне шинчышыла йўкшен-ырен шинчыш [С. 132] (Яку словно на раскаленных углях сидел, его бросало то в холод, то в жар).

Ему стыдно из-за того, что из-за отца он не может записаться в пионеры:

Яку шкетак шинчажым йолварня вуйыш тураштенат, шып шога [С. 136] (Яку один, направив свой взгляд на носок, стоит молча).

Испытывает одновременно и страх, и стыд, когда отец случайно «поймал» его среди друзей-сверстников (автор умело сочетает приемы косвенно-психологической и прямой психологической форм повествования — портретную в роли психологической и собственно-психологическую детали):

Яку колышо гай какарген шогалын, тарванашат ок тошт. Ик семын, йолташышит-влак деч возжылын, вес семынже, ачаж деч лўдын [С. 137] (Яку был синий, как мертвый, не смел даже пошевелиться. С одной стороны, было стыдно перед друзьями, с другой стороны, отца испугался).

От постоянного давления, физического насилия, унижения со стороны отца, из-за постоянного внутреннего напряжения меняются характер и поведение Яку, он становится странным, отчужденным, его психологический портрет автор представляет таким образом:

Ачажын ўскыртланымыже Якум ала-могай вес тўрлө енгым, ўнгышым ыштен. Ок мутлане, ок воштыл, шинчаж денат, пычкыде, ик тура онча,

лудын утышо йочала коеш [С. 141] (Упрямство отца сделало Яку каким-то другим, робким. Не разговаривает, не смеется, и глазами, не моргая, смотрит в одну точку, кажется испуганным лишним ребенком).

Мастерски поданное разнообразие чувств и переживаний Яку, представляющих драматическое положение ребёнка в семье, не могло не вызвать сопереживание юного читателя.

В рассматриваемом рассказе Шкетана поднимается актуальная в детской литературе во все времена и у всех народов тема дружбы. Другом не обделен и унижаемый в семье Яку. Его друг Вечук во всём оказывает ему поддержку, помогает в учебе. В ценностном плане он представлен автором как настоящий друг.

В рассказе «Яку», наряду с универсальными приемами поэтики (в частности психологизма), которые активно осваивались марийскими писателями на этапе формирования художественной словесности, Шкетан обращается к этнопоэтике, придавая произведению национальную специфику. Традиционно «в качестве определяющего для этнопоэтики фактора рассматривается фольклоризм — ориентация писателей на поэтику и жанры устной народной словесности, а также переработка ими отдельных элементов фольклора» [11. С. 390]. В интертексте шкетановского произведения важную роль играют марийские народные приметы (*Шулашат каньысыр — векат йӱр толеш* [С. 130] — Трудно дышать — явно будет дождь) и поговорки (*Тошто ората тошто терлан гына йӱра* [С. 135] — Старая поперечина только для старых саней подходит), усиливая познавательную и воспитательную функции художественного текста. Этноспецифическую составляющую своего повествования автор подчёркивает и с помощью мифологических образов и соответствующей им лексики (например, Азырен — в языческой мифологии мари бог смерти).

Взаимоотношениям в семье посвящен и рассказ Шкетана «У Мичу нет даже отца». Автор находит типичные для изображаемого времени и понятные для всех, в том числе и юных читателей, сюжетные ситуации: любимые родители ребёнка и тёплые отношения в семье, отец погибает на войне, мать умирает от болезни, осиротевший Мичу, воспитание в чужой семье (дяди Курия), издевательства над ребёнком, бесконечные обиды, дружба с двоюродной сестрой (старшей дочерью дяди) и неприязненное отношение к ней из-за этого в семье, столкновение с дядей-опекуном, побег из его дома, побирачество по деревням, встреча с воспитателем детского дома и приглашение в детдомовскую семью. Все ситуации яркие в эмоциональном плане, способные воздействовать на юного читателя, и разнообразные в композиционном плане.

Так, о счастливой жизни Мичу с родными матерью и отцом узнаем из его воспоминаний, навеянных грустью. Поскольку он был слишком мал, многого не помнил, но запомнил некоторые очень важные детали, с помощью которых

Шкетан высвечивает ценностные моменты семейной жизни. Например, Мичу вспоминает о яблоне, посаженной отцом, плодами которой он угощал своих друзей; его добрая мама не запрещала это делать. В ретроспективе повествования постоянно акцентируется внимание на добрых, человеческих взаимоотношениях матери и сына:

Кенгежым коктынак түредаш коштыч. Мичу күлеш семын түред ок мошто гынат, аваж пелен шогылтын польшкалыш. Ояр кечылаште чодыраш снеге погаш, понго кычалаш пырляк коштыч [С. 107] (Летом вдвоем же ходили на жатву. Мичу, хотя и не умел хорошо жать, возился рядом, помогал матери. В солнечную погоду ходили вместе собирать землянику, грибы).

Эта нравственно-духовная идиллия порушилась одной страшной ночью, когда «бесилась» на улице метель, описанием которой открывается рассказ «У Мичу нет даже отца»:

Түнө мардеж лумым түргыкта, мўгыра. Йўд пычкемыш огыл гынат, урем гоч нимат ок кой. <...> Жаплан поран чарнымыла лиешат, адак угычын пўтырем менгыла шогалеш. Пёрт түньыкыштө ду-дудуу шоктыктен мўгыра. Окна яндамат лум урвалте совкала [С. 107] (Снаружи ветер клубит снег, гудит. Хотя еще не ночная тьма, через улицу ничего не видно. <...> На некоторое время метель будто успокаивается, затем снова поднимается вихрем. В печной трубе гудит ду-дудуу. Оконное стекло тоже хлещет снежным подолом).

Именно в эту страшную ночь умирает мама Мичу.

Этнопоэтика рассказа проявляется в описании деревенского быта и окружающей природы (природа почти всегда одушевлена, в её описании часто используются марийские обороты, а также звукоподражательные слова, характерные для марийского языка):

*Түнө мардеж орышыла толаша... Шем көрган изи пёртыштө аваж ден эргыже шыпак **ик-кок мутым пелеиткалат** [С. 109]* (Снаружи ветер шумит, как взбесившийся... В маленьком доме с чёрными стенами [букв.: внутренностями. — Л.К.] мать и сын тихо **переговариваются одним-двумя словами**); *Теле эртен кайыш. Урем корнылаште вўд погынен шинчеш, кечыште **йыл-йыл-йыл** йылгыжеш, шинчам йымыкта. Тайыллаште, **шыр-шыр-шыр** шоктен, энгер-влак йогат. Кугу келге корем йымак йырым-ваш вўд ташла. Вара погынен-погынен вўд ора шуалгыше лумым шўтат, кугу энгерла, **шу-у** шоктыктен, шаулен йогаш тўналеш [С. 115]* (Зима прошла. На уличных дорогах наполняется вода, на солнце **йыл-йыл-йыл** блестит, глаза слепит. На склоне, звеня **шыр-шыр-шыр**, текут реки. Дно глубокого оврага кругом переполняется водой. Затем, набравшись, вода пробивается сквозь размокший снег, с шумом **шу-у**, гудя как большая река, начинает течь).

А так описывается летнее время с использованием звукоподражания и с сочетанием природных картин и этнографических деталей бытовой и производственной жизни мари (колыбелька, коровьи колокольчики, водяная мельница и др.):

*Калык пашаште. Яллаште изи йоча-влак ден шонго кува, кугыза-влак кодытат, ике семынышт илат. Йочашт идым воктен, тўрлő модышым ыштылын, шаулен, кычкырен куржталыт. Шонгышт, изи аза уло гын, шипка воктен, **ө-ө-ө** манын, уныкаштым семалат. А аза уке гын, юалге ўмылым муытат, комдык шарлен возын каналтат. Кува-влак шешкышлан, ўдырышлан ургышым ургат [С. 119] (Люди на работе. В деревнях маленькие дети и старушки, старики, оставшись, по-своему живут. Дети, играя, с шумом, криком бегают около гумна. Старики, если есть младенцы, сидя около колыбели, утешают своих внуков звуком **ө-ө-ө**. Если нет младенцев, находят прохладную тень, где, лежа на спине, отдыхают. Старушки шьют своим снохам и дочерям); *Олыкышто тыштат-туштат каван-влак шогат; ушкал тўшка семынышт **шыдырт-шыдырт** сава деч кодшо шудым кычкын коштыт. Ушкал онгыр йўк **льынгыр-льынгыр** шокта. **Тўвўдўп-тўвўдўп** мландым пералтен, имне-влак шинчалын кудалыштыт. Умбалне вўдваки шурга. Вўд ўмбалне кол-влак чумедылыт, вўдым шыжыктат [С. 122] (На лугу то там, то здесь стоят стога; стадо коров, предоставленное самому себе, ходит и ест **шыдырт-шыдырт** траву, оставшуюся после косы. Коровьи колокольчики издают звук **льынгыр-льынгыр**. Стуча по земле **тўвўдўп-тўвўдўп**, со ржанием скачут лошади. Вдалеке шумит водяная мельница. На воде плескаются рыбы, брызгая водой).**

В рассказе встречаются и целые фрагменты, представляющие собой этнографические описания, например описание обычаев, связанных с похоронами:

Кастене тоен толошо-влак мончаш пурышт. Вара пўтынь кычкышым ўстембак волтен шындыльычат, чыланат ўстел ончылан, юмонга ваишареш, шогальыч [С. 112] (Вечером хоронившие помыслились в бане. Затем, выставив всю еду на стол, все встали у стола, напротив иконы).

Встречаются поговорки, обобщающие народный опыт и народные ценности: *Юмо пўрен — юмак налын [С. 111] (Бог дал [букв. ссудил. — Л.К.] — бог взял); Тулык ылыш — йўсө ылыш [С. 120] (Жизнь сироты — тяжкая жизнь).*

Завязкой сюжета рассказа «Моя шапка» («Мыйын упшем», 1935) становится травля маленького мальчика из-за отсутствия у него шапки, вытекающие из буллинга последующие события, воспроизводимые автором, собственно, как и сам буллинг и страдания мальчика, от имени которого ведется повествование, позволяют автору поставить ряд вопросов аксиологического характера. Мальчик, буквально затравленный своими одноклассниками и

деревенскими детьми, просит отца купить ему шапку, но тот, ссылаясь на отсутствие денег, обещает сшить ему головной убор, если родившийся слабеньким ягненок не выживет. Далее происходит парадоксальное, но единственно возможное в глазах ребёнка событие, которое избавило бы от невыносимых страданий: мальчик начинает посматривать за ягненком, ожидая его смерти, но он никак не умирал, тогда мальчик просто прижал его в дверях. Но, получив новую шапку, он не смог ее носить. Его мучила совесть:

Упшалъым у упшым, но чоныштем эре уло: вет мый пачам ике пуштынам! Туйо гынат, тудо ош тўняште ылынеже ыле, молын гаяк шошым ужар сывын чийыше олыкыш лекташ шонен. Радер чодыра тайылыште нарынче-ужарге чараште шудым кўрын кошташ шонен. А мый тудын туйо изи ўмыржым кўрлынам... [С. 305–306] (Надел я новую шапку, но в душе неспокойно: ведь я сам убил ягненка! Хотя и был болезненным, он хотел жить на белом свете, весной, как и другие, думал выйти на одетый в зеленую одежду луг. На косогоре леса Радер, на желто-зеленой поляне, думал есть травку. А я его маленькую болезненную судьбу прервал...).

Ребёнок задумывается о ценности жизни каждого живого существа, о том, можно ли намеренно уничтожать эту жизнь, можно ли чью-то жизнь разменить на какую-то вещь, если даже тебя травят из-за её отсутствия.

В начале и в конце рассказа слышен голос не мальчика-повествователя, а уже повзрослевшего человека, который во вступлении заинтересовывает читателя событиями, которые должны произойти, а в конце произведения комментирует уже произошедшее. Он низводит на «нет» аксиологически насыщенную ситуацию рефлексии мальчика, смысл события переводит в социальную плоскость (взрослого уровня мышления), объясняя главное событие рассказа (убийство мальчиком овцы) тем, что «прежняя жизнь породила зло, преумножала злые нравы» [С. 306]. В результате и авторская позиция сужается до мысли о неравноправном обществе, порождающем зло, задвигая на периферию разговор об универсальных ценностях (дружба, уважение друг к другу, ценность человека и всего живого).

Этнопоэтическими маркерами в рассказе «Моя шапка» являются слова, обозначающие этнографические реалии (*сывын* — название женской верхней одежды из зелёного или чёрного сукна, надеваемой на моление и на свадьбу; *метерка* — помело для подметания печи; *тўньык петыртыш* — затычка для закрытия отверстия в трубе бани по-чёрному; *сўан шувыш* — кожаная сумка, куда складывались свадебные угощения) и фольклоризмы, а именно дразнилки, например:

А-а, метерка вуй толеи! [С. 304] (А-а, голова-помело идет!); *Моча тўньык петыртыш!* [С. 304] (Затычка для печной трубы!); *Йолетше тормика — вуетише сормика!* [С. 304] (Ноги тормика — голова сормика! [Возможно,

что тормика — детская переделка слова *тормак*, что означает разветвление, а сормика — слова *сормак*, обозначающего бревно. — Л.К.); *Пёча-коча, мёдывуй! Лыштык-лаштык рожын вуй!* [С. 304] (Пёча-коча, кочка! Лыштык-лаштык дырявая голова!).

Использование дразнилок, в которых собраны смешные фразы и детская «макароническая речь» из придуманных слов по понятным только детям «законам», — это особенность детских рассказов Шкетана»; с их помощью автор создаёт юмористическую интонацию и смягчает драматизм основного повествования. Так, смешные обороты марийской речи персонажа-повествователя, рассказывающего о своей старой шапке, о драке с Аркашем, призваны вызвать смех юного читателя и отвлечь его от подлинного драматизма ситуаций:

А мыйын упи көргө, чынак, музырген лектын, тўкан айдемыла коям [С. 304] (А внутренности моей шапки и правда выпирают наружу, отчего я похож на рогатого человека); *Тиде «корак пыжаиш» верчын шуко орлыкым чытышыым* [С. 304] (Из-за этого «вороньего гнезда» много горя натерпелся); *Ну, мутат уке, Аркаш дене адак кредална. Аркаш мый гаем какши огыл, сўан шувыи гай кўжгө. Мыйым магырыктен колтыи* [С. 305] (Ну, безусловно, снова подрались с Аркашем. Аркаш не такой худой как я, упитанный, как свадебная сумка. Заставил меня реветь).

К детской прозе можно отнести и несколько широко известных юмористических рассказов Шкетана, хорошо знакомых как взрослому, так и юному читателю и вошедших в школьную программу²: «Лыжи» («Ече», 1936), «Парашют» (1936), «Патай Сопром» (1936) и др. В рассказе «Лыжи» представлен увлекательный сюжет, основанный на противостоянии персонажа-рассказчика, с одной стороны, и его сына и жены, увлечённых лыжами, — с другой. В результате этого противостояния он сам «заражается» ненавистным ему занятием.

Персонаж-рассказчик является воплощением антиценностей: из-за его невежества чуть не распалась его семья, в начале рассказа он противник здорового образа жизни. Ему противопоставляется жена – носитель иных, актуальных для того времени ценностей: она читает газеты, занимается спортом, закаливанием организма, она колхозник-ударник (едет на краевой съезд на лыжах), воплощение ума и уравновешенности (несмотря на ворчание мужа, она спокойно, мило общается с ним, даёт советы, поддерживает его в хороших делах), благодаря её мудрости, организованности и внутренней культуре сохраняется их семья).

² Эти рассказы далее цитируются по изданию: *Шкетан М. Мыскара ойлымаш-влак. Йошкар-Ола : Книгам лукшо мар. изд-во, 1954. 155 с. Перевод цитат с марийского наш. — Л.К. Страницы цитат указываются в тексте в квадратных скобках.*

Раскрытию национальной специфики характера рассказчика, выходца из простого народа (необразованного деревенского жителя), представителя марийской этнографической среды, с исконно марийской разговорной речью, далёкой от литературной, максимально способствует сказовая форма повествования. К «слушателям» персонаж-рассказчик обращается фамильярно:

Мый, родо-влак, физкультурылан нимаят ваитареш ом шого [С. 18]
(Я, земляки, нисколько не против физкультуры).

В его речи встречаются многочисленные просторечия, диалектные слова:

Тыгакше вуй корка ок чыте, тудо чойн дене ыштыме огыл, казыр шаланен возеш. А коллемжак ок шу, содыки, ончык мо лиймым ужмо шуэш [С. 18] (Так-то череп не выдержит, он не чугунный, сразу расколется. А умирать не хочется, всё-таки хочется увидеть, что впереди будет); *Ончем ватемым да шонем: кабууй, шонем, ватемат ечым йодаш ынже тўнал* [С. 20] (Смотрю на жену и думаю: как бы, думаю, и жена не стала лыжи требовать).

В языке рассказчика бесконечно повторяются марийские слова, характерные для разговорной речи. Это *манам* 'говорю':

Мый, манам, пуртен шынденам. Ече дене мунчалташ кайыметым колынам да, манам, самовар олмеш вигак пуртен шынденам, чылтак, манам, ушем каен пытен... [С. 20] (Я, говорю, поставил. Услышал, что ты отправилась кататься на лыжах да, говорю, вместо самовара поставил, совсем, говорю, из ума выжил...); *шонем* 'думаю': *Адак вес семын шонкалем: векал, шонем, мыят заразитлалтынам; ечын микробишо мыйын капышкемат пурен шуктен, шонем* [С. 24] (Ещё по-другому думаю: явно, думаю, и я заразился; лыжный микроб проник и в мое тело, думаю); *йышит* 'тихонько': *Мый йышит гына чийышым. Чийышым йышит гына, вара йышит гына лектым* [С. 24] (Я тихонько оделся. Оделся тихонько, потом тихонько вышел); заимствованное из русского языка *можыч*: *Можыч коло-кумло ий гыч калык эртак физкультура дене гына толашаш тўналеш, можыч кочмыжымат чарна* [С. 24] (Может, через двадцать-тридцать лет люди начнут баловаться только физкультурой, может, даже есть перестанут); также заимствованное *потомушто*: *Векат, шонем, мыланем ўдырамаш лияш перна, потомушто ўдырамаш пўрѣн олмыш кўзен шинчын* [С. 23] (Видно, думаю, мне придется стать женщиной, потому что женщина на место мужчины поднялась).

Повторяющийся в тексте детский лепет трёхлетнего сына персонажа-рассказчика, не выговаривающего шипящие звуки, тоже прибавляет юмор, весьма интересный для юного читателя:

– *Ачий, мыланемат есе клес...* [С. 25] (– Папа, мне тоже нужны лыжи [примерно: мне тоже нужны лыжи. — Л. К.]).

Всё вышеуказанное позволяет говорить о том, что Шкетан широко пользуется языковым комизмом, используя для этого лексику, свойственную марийскому языку. «Марийскость» текста проявляется и в использовании названий мифологических персонажей, которые в общем контексте рассказов также становятся средством создания юмора. К примеру, *киямат или киямат тѳра* [божество смерти, владыка «загробного мира». — Л.К.]:

Ужальше, *киямат*, вигак мыйым ужо [С. 19] (Продавец, *киямат*, сразу меня увидел).

Заключение

Во всех проанализированных нами произведениях Шкетана основу этнопоэтики составляют описание быта, этнографические реалии народа мари в начале XX в., фольклорные интертекстуальные элементы, воспроизведение особенностей марийского языка и разговорной марийской речи и т. п. Национальное своеобразие также прослеживается в характерах героев, воплощающих не только универсальные, но и этнические ценности мари (скромность, скрытность, излишняя стыдливость, трудолюбие), которые автору хотелось открыть своему юному читателю. В детские рассказы писателя проникает социальная проблематика, детерминированная временем и характерная для «взрослой» его прозы; во многих рассказах нравственно-этические вопросы рассматриваются через анализ отношений между богатыми и бедными, столкновения старого и нового укладов жизни. Но социологизация и идеологизированность не мешают Шкетану заострять внимание детского читателя на универсальных ценностях (знания и образованность, доброта, человечность, порядочность, умение сопереживать, брать на себя ответственность за близких и др.) и антиценностях (эгоизм, лицемерие, жадность, лень, невежество и др.). В детских рассказах Шкетана доминируют вопросы семьи и семейных ценностей; автор утверждает ценность крепкой семьи и добрых, здоровых отношений между супругами, родителями и детьми.

Список литературы

1. Кудрявцева Р.А. Художественная словесность марийского народа в контексте научных дискуссий о принципах периодизации истории национальной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45). Ч. III. С. 98–100. EDN: TIQTTN
2. Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков: колл. монография / Р.А. Кудрявцева, Т.Н. Беляева, Г.Е. Шкалина и др.; сост. и науч. ред. Р.А. Кудрявцева; Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. 353 с. EDN: IDOLVU
3. Бурков Л.Н. Становление и развитие марийской детской литературы : дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2000. 159 с. EDN: QDJGMD
4. Черных С.Я. Творческий путь М. Шкетана. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1969. 235 с.
5. Кудрявцева Р.А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. 324 с. EDN: QXABQX
6. Кольчикова Н.Л. Этнопоэтический подход к изучению литературы в школах с русским (неродным) языком обучения : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2022. 52 с. EDN: СРКМНИ

7. Гачев Г.Д. Национальные образы мира : курс лекций. Москва : Академия, 1998. 432 с.
8. Далгат У.Б. Этнопоэтика в русской прозе 20-90-х гг. XX века : (экскурсы) / РАН, ИМЛИ им. А.М. Горького. Москва, 2004. 210 с. EDN: QRIYMH
9. Зырянов О.В. Введение в этнопоэтику русской классической литературы : учеб. пособие. Москва : Флинта : Наука, 2018. 216 с.
10. Эткинд Е.Г. Психопоэтика. «Внутренний человек» и внешняя речь : статьи и исследования. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2005. 702 с.
11. Коршунова Е.А. «Географические неожиданности» и не только: поэтика Водлозерского дневника С.Н. Дурьилина // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 2. С. 386–405. URL: <https://studlit.ru/images/2021-6-2/Korshunova.pdf> (дата обращения: 10.09.2024). <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-386-405> EDN: CRYWSU

References

1. Kudryavtceva, R.A. 2015. “The artistic literature of the Mari people in the context of scientific discussions on the principles of periodization of the history of national literature.” *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, vol. 3, no. 45, pp. 98–100. EDN: TIQTTN Print. (In Russ.)
2. *The axiological paradigm of Mari literature of the XX–XXI centuries*. 2019. Yoshkar-Ola: Mari State University. EDN: IDOLVU Print. (In Russ.)
3. Burkov, L.N. 2000. *Formation and development of the Mari children’s literature*: PhD thesis. Cheboksary. EDN: QDJGMD Print. (In Russ.)
4. Chernykh, S.Ya. 1969. *The creative path of M. Shketan*. Yoshkar-Ola: Mari book Publishing House. Print. (In Russ.)
5. Kudryavtseva, R.A. 2011. *The genesis and dynamics of the poetics of the Mari story in the context of the literatures of the peoples of the Volga region*. Yoshkar-Ola: Mari State University. EDN: QXABQX Print. (In Russ.)
6. Kolchikova, N.L. 2022. *An ethnopoetic approach to the study of literature in schools with Russian (non-native) language of instruction*: PhD thesis. Moscow. EDN: CPKMHI Print. (In Russ.)
7. Gachev, G.D. 1998. *National images of the world: a course of lectures*. Moscow: Akademiya. Print. (In Russ.)
8. Dalgat, U.B. 2004. *Ethnopoetics in Russian prose of the 20-90s of the twentieth century: (excursions)*. Moscow: RAS, IMLI named after A.M. Gorky. EDN: QRIYMH Print. (In Russ.)
9. Zyryanov, O.V. 2018. *Introduction to the ethnopoetics of Russian classical literature*. Moscow: Flinta: Nauka publ. Print. (In Russ.)
10. Etkind, E.G. 2005. *Psycho-poetics. “Inner man” and outer speech: articles and research*. St. Petersburg: Iskustvo-SPb. Print. (In Russ.)
11. Korshunova, E.A. 2021. “Geographical surprises” and beyond: the poetics of S.N. Durylin’s Vodlozersky diary.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 2, pp. 386–405. 10 Sept. 2024, <https://studlit.ru/images/2021-6-2/Korshunova.pdf>; <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-386-405> EDN: CRYWSU (In Russ.)

Сведения об авторе:

Калашникова Лариса Вячеславовна — кандидат филологических наук, преподаватель, Колледж государственной и муниципальной службы, Российская Федерация, 424005, г. Йошкар-Ола, ул. 8 Марта, д. 26. ORCID: 0000-0001-9775-7226, eLibrary SPIN-код: 4308-6760. E-mail: ms.lara.kala@mail.ru

Bio note:

Larisa V. Kalashnikova is a Candidate of Philological Sciences, Lecturer, College of State and Municipal Service, 26 8 Marta St, Yoshkar-Ola, 424005, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9775-7226, eLibrary SPIN-code: 4308-6760. E-mail: ms.lara.kala@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-141-154

EDN: HKBZKC

Научная статья / Research article

Архетип «Дом — Антидом» в художественном пространстве марийских повестей второй половины XX — начала XXI века

М.В. Рябинина

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

✉ mari.riabinina@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу особенностей реализации бинарного архетипического образа дом/антидом в структуре марийских повестей второй половины XX — начала XXI в. На материале произведений марийских прозаиков Ю. Артамонова, Г. Алексева, М. Илибаевой, М. Ушаковой устанавливаются функциональные особенности архетипа: дом — фон, где развиваются события, дом — средство характеристики его обитателей, дом — действующее лицо, художественный персонаж произведения, дом — отражение современной действительности. Если в 1970–1980 гг. дом выступает уютным, безопасным местом, объединяющим семьи, связывающим поколения, хранящим верность заветам предков; с конца XX до начала XXI в. трансформируется в антидом, в чужое, мрачное пространство, становится символом разрушения природной гармонии, потери сакральных ценностей, привычного уклада жизни.

Ключевые слова: марийская литература, проза, марийская повесть, архетип, образ дома, антидом

История статьи: поступила в редакцию 14.10.2024, принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Рябинина М.В.* Архетип «Дом — Антидом» в художественном пространстве марийских повестей второй половины XX — начала XXI века // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 141–154. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-141-154>

The Archetype of the Home — the Anti-Home in the Literary Space of the Mari Novels of the second half of the 20th — beginning of the 21st century

Marianna V. Ryabinina

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

✉ mari.riabinina@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the analysis of the features of the realization of the binary archetypal image of the House-the Anti-Dom in the structure of the Mari novels of the second half of the 20th — beginning of the 21st century. Based on the works of Mari prose writers Yu. Aramonov,

© Рябинина М.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

G. Alekseev, M. Iibaeva, M. Ushakova establish the functional features of the archetype: the house is the background where events develop, the house is the means of characterizing its inhabitants, the house is the actor, the artistic character of the work, the house is a reflection of modern reality. Whereas in the 1970s and 1980s, the house was a cozy, safe place that unites families, binds generations, and remains faithful to the precepts of their ancestors; from the end of the 20th century to the beginning of the 21st century, it has been transformed.

Key words: Mari literature, prose, Mari story, archetype, image of a home, an anti-home

Article history: received 14.10.2024, accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Ryabinina, M.V. 2025. “The Archetype of the Home — the Anti-Home in the Literary Space of the Mari Novels of the second half of the 20th — beginning of the 21st century.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 141–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-141-154>

Введение

Дом — один из базовых архетипов, значимых практически во всех национальных культурах и связанных с самыми существенными сторонами человеческой жизни. Его проявление в художественной литературе привлекает сегодня внимание многих исследователей (см., например, [1–7] и др.). Есть аналитическое рассмотрение и его бинарного варианта «дом/антидом» (см., например, [8; 9] и др.). Архетипический образ дом/антидом в марийской литературе рассматривается нами впервые.

Понятие «дом» исследователями изучается в разных аспектах. Его основное значение зафиксировано в словарях русского языка как «здание, семья, очаг». В.С. Непомнящий обозначает лексическое значение дома в русской культуре следующим образом: «Дом — жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом — очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, „медленные труды“. Дом — традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом, „родное пепелище“ — основа „самостоянья“, человечности человека, „залог величия его“, осмысленности и неодионочества существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия» [10. С. 198].

М.М. Морараш, рассматривая дом в русле семантико-когнитивного исследования, говорит о пространственном предназначении дома, разделяя его на «свое» и «чужое»: «... дом — (1) «свое» пространство, замкнутое пространство (огражденное от внешнего мира); (2) место жизни человека, его родина; (3) защищенное убежище человека, противопоставленное всему остальному «чужому» и обычно враждебному миру; (4) центр семейного очага, место, объединяющее родных и близких людей; (5) средоточие уюта, тепла, комфорта, красоты; (6) место, к которому человек эмоционально привязан» [4. С. 107].

Е.В. Шутова, исследуя значение дома на примере западноевропейской культуры, отмечает, что дом предстает в ней как «точка интенсивности, концен-

трированного существования человека, место локализации гуманистической модальности его бытия», как «точка траектории движения экзистенциального путешествия в поисках себя» [9. С. 85]. Производное от «дома» понятие «бездомье» понимается ею «как лишенность дома, то есть места, где человек живет». Е.В. Шутова выделяет два измерения бытия «бездомья»: «социальное как выражение безродности человека в отечестве и неукорененности в социальном мире и духовно-культурное» [9. С. 85] (бездомность в значении бездуховности).

В мари́йских повестях второй половины XX — начала XXI в., ориентированных на традиционную ценностную систему, образ дома, выполняя самые разнообразные функции (дом как фон, где строятся сюжетные линии; дом как средство описания внутреннего мира хозяев помещения; дом как отражение современной действительности; дом как персонаж произведения), сохраняет свое архетипическое значение (наиболее значимыми в этом плане являются произведения Ю. Артамонова).

Однако с конца столетия в период грандиозных социальных потрясений, когда устоявшийся уклад, миромоделирующий порядок подвергся опустошительному разрушению, понятие «дом» как жизненное пространство человека, семья, Отечество также подверглось трансформации. Исконные ценности были пересмотрены, они приспособлялись к новой реальности, теряя прежние, знакомые и понятные, ориентиры. В художественной литературе второй половины XX — начала XXI в. можно наблюдать значительное изменение традиционной семантики данного образа: дом превращается в антидом. Архетип «антидом» символически обозначает распад бытия, кризис мира в целом, становится символом разрушения онтологической гармонии, сакральной ценности мироздания, божественно-упорядоченного течения жизни (повести Г. Алексеева, М. Илибаевой, М. Ушаковой).

Результаты и обсуждение

Для народа мари, как отмечает прозаик Ю. Артамонов, дом имеет важное значение в его бытии:

...сурт — тиде ныл пырдыж да ныл пусак веле огыл. Тыгак тудо кресаньыклан илемжат веле огыл. Суртым ныл пырдыж але илем веле маньна гын, пугырак шагал лиеш. Суртын чапшыым волтымо але нимолан шотлымо дене иктак лектеш. Сурт — тиде эше чатка кудывече, сад, пакча, клат, вўта. Сурт шомакышкак эше пурат ушкал, шорык, сурт кайык, пий, пырыс, тўрза ўмбалне ылыше пўрткайык еш, клат ўмбалне шинчыше шырчык омарта, леваш: йымалне пыжашым ненчыше вараксим. Ялысе айдемылан сурт — пўтынъ тўня, шочын вочмыж гыч тўнгалын, колоткаш шуйналт вочмыж йотке. Кресаньык колен возеш гынат, торашике ок кае, верже тыштат лиеш. Садлан сурт — тиде айдемын рўдў вожишо, тудо

*кресаньыкым ушан-шотаным ышта, кресаньык пашалан туныкта, мланде дене пенгыдын уша*¹ (...дом — это не только ограждения и углы, и не только крестьянская постройка. Назвать домом просто четыре стены или усадьбу слишком мало. Это значит, совсем унижить, оскорбить честь и достоинство имения. Дом — еще и красивый двор, сад, огород, кладовые, хлева. В значение же дома можно добавить коров, овец, кошек, собак, поселившуюся над окошком воробьиную семью, висевший на амбаре скворечник, свившую под крышей сарая себе гнездо ласточку. Для деревенского жителя дом — это весь мир, начиная с рождения до гроба. Даже уходя в потусторонний мир, человек остается рядом с родовым именем. Поэтому дом — это стержневой корень, который учит уму-разуму, крестьянскому труду, крепкими узами связывает жителя деревни с родимой землей).

В творчестве Ю. Артамонова родная деревня, родной край, милый его сердцу дом, обладая всеми архетипическими признаками, становятся традиционной, исключительно притягательной и живительной силой для его персонажей, которые волею объективных или личных обстоятельств оказались (не всегда обдуманно) вдали от родимых мест. Тему малой родины и связанный с нею образ дома как *сурт-пече* (родного очага) писатель развивает от произведения к произведению. Сохраненный ими в душе образ родного дома придает им веру в себя, способствует восстановлению внутренней гармонии, психологического благополучия, побуждает к активной гражданской позиции.

Начав с повести «Возвращение» (1974) и продолжая эту тему в повестях «Когда поют жаворонки» (1975), «Весомый каравай» (1980) и «Петля» (1984), Ю. Артамонов раскрывает глубинную роль «сурт-пече» в развитии характера человека, в формировании его мировоззрения, взгляда на окружающий мир и понимания своего места в нем.

Именно родной дом в повести «Сонимаке пеледыш» (*букв.* «Цветы мальвы»; название при издании повести на русском языке — «Возвращение») призывает к себе и возвращает к родной земле инженера завода Николая Воронцова, уроженца сельской местности, проживающего в городе. Автор знакомит с персонажем в то время, когда он в середине зимы неожиданно получает отпуск и решает его провести в своей родной деревне, где прошли его детство и юность. Николай, в момент повествования горожанин, внимательно всматривается в жизнь современной деревни, мысленно сравнивает ее с тем, что было в недавнем прошлом, подмечает в ней существенные перемены. Он думает о своей малой родине, которую почти забыл, но где могила его матери, частицей которой Николай себя осознает. Он размышляет о бессмертии души. Автор выра-

¹ Артамонов Ю. Киндет перкан лийже! Повесть // Ончыко. 1980. № 5 С. 36. Здесь и далее везде, кроме цитат из повестей Ю. Артамонова «Возвращение» (перевод Л. Фомина) и «Когда поют жаворонки» (перевод А. Кончица), М. Ушаковой «Монолог старого дома» (авторизованный перевод), перевод с марийского наш. — М.Р.

жает взволнованное, а иногда просто бурлящее эмоциями состояние души героя, прибегая к приемам и формам психологического изображения. Ему хочется кричать от душевной боли и тревожащей душу памяти:

Авай, могай шинчавүд дене чон йӱсын шортынат? Кӱ каласа? Ала пырдыж, конга, малыме вер каласеда ыле? Те вет чыла ужында! ...Тувырмелынак кудывечыш куржын лекте, пенгыде южым шодо тич нале, чурийжым пушкыдо лумыш чыкыш. Тыге ик жап пӱгырнен шогышат, изиш лыпланыме гай лие. Шӱм веле пудештиашла шола ӱрдыжым тук-тук-тук кыра, пуйто эртен кодшым ушеитарынеже, тек чыланат колыт маньын, чан йӱкла шолтка² (Мама, какими слезами ты рыдала? Кто скажет? Может, стена, печка, вы подскажите? Вы ведь все видели? В одной рубашке он вылетает во двор, во всю грудь вдыхает свежего воздуха, опускает свое лицо глубоко в мягкий снег. Так, сутулившись, стоит какое-то время, немножко успокаивается. Но сердце, готовое взорваться, напоминает о прошлом, и чтобы все услышали, бьет колокольным звоном).

С помощью интерьерного описания и психологических приемов изображения (главным образом, несобственно-прямой речи и психологических деталей) писатель создает образный мир памяти героя, в котором дом предков становится смысловым центром, предметом глубоких размышлений и переживаний главного персонажа. При этом писатель усиливает «ноту традиционной символической ценности Дома как архетипа, что может быть свидетельством утраты, реакцией на номадическую тоску современного человека по своему Дому как родному углу, жилищу предков и уютному пристанищу» [5. С. 110]:

Чемодан пӱрт покшелне, шкеже кужу олымбалне шинча. Кудашынат огыл, йырваи ончытеш. Пурла лукышто кӱтырем конга шинча, ваштарешыже кухня, тудым онга дене шойыштымо, кошташ ангысыр виш уло, омсаже уке, чарша дене веле петырыме. Кыдеж онаште фотокарточка-влак рамьште кечат: сареш колышо ачаже, тылеч вара кужунак илен шуктышо аваже, пошкудо-влак, палыдыме чурят шукын койыт, икманаш, Воронцов полко. Ончыл окна воктене, кудывече лукышто, кугу үстембал пенгыде йол үмбалне шога. Тудын йыр ала-кунам ондакак, Николай тидым сайын шарна, изи еш погынен шинчын кочкын. Икте уке — чыланат тудым вучен шинченят. Укеже кеч изи лийже, кеч кугу — иктак. Садлан ниӱ вараи кодын огыл, жапыштыже толын шуаш тыршен. Кызыт үстел онаже шельышталт пытен. Ӱмбалныже парня кӱжгыт пурак. Тыгаяк пурак йырваи оза лийын илен. Кӱвар үмбалне, пӱкеныште, фотокарточкыштан, юмӱнаштан. Мом шонет, парня дене чыла возаи лиеи.

² Артамонов Ю.М. Кайык үжын ужата: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1980. С. 16.

*Кушечын тудо тынар погыненже? Вет суртышко ниго пурен лектын коштын огыл. Тудо эре шып шинчен. Ала пöртат айдеме семынак ила, шонгемеш, тоштемеш, көргö вийжым, патырлыкшым пытара, йöриеш шүкшемеш, вара шүйын пыта?*³ (Чемодан стоит посреди избы, сам же [Николай. — М.Р.] сидит на длинной лавке. Той самой, которую видел во сне. Медленно поглаживает ее очоченевшими руками. Весь правый угол у окна занимает огромная печь, напротив нее — маленькая кухонька, отгороженная дощатой крашеной стенкой. Дверей в кухню нет, просто оставлен у печки узкий проход, прикрытый ситцевой занавеской. На стенке в узорных рамках развешаны старые фотографии: отец, погибший на войне, которого Николай не помнит живым и знает только по этой фотографии, мать, близкие родственники, соседи. Есть и совсем незнакомые лица. Незнакомые для него, для Николая. А в общем-то почти все они родственники. Фотографии чужих людей мать не стала бы вешать. К окну, выходящему во двор, вплотную придвинут большой массивный стол, мастеровито, на вечные времена сделанный когда-то еще дедом. Не одно поколение Воронцовых обедало за этим столом. Николай хорошо помнит, как вокруг него собиралась и их небольшая семья. Свято соблюдался старинный обряд: если нет одного, никто не приступит к еде. Ждут хоть малого, хоть старого. Сейчас стол стоит сиротливо и выглядит как бы даже лишним в этой нежилой холодной избе. На клеенке — пыль, толщиной чуть не в палец. Такая же пыль на полу, на полках, на запровленной цветастым одеялом кровати... Николай перевел взгляд на вешалку рядом с кроватью. Висит старая материна фуфайка, демисезонное пальто, побитая молью шаль... Будто только сейчас мать, вышла в хлев управиться со скотиной да что-то замешкалась там. Как все пронзительно знакомо, и как не увязывается с этим чувством застарелая пыль, нежилой подпольный дух, витающий в каждом уголке забытой избы! Наверное, и вещи, и дома старятся так же, как люди. Особенно, если они никому не нужны).

Герой повести Ю. Артамонова «Кайык ўжын ужата» (букв. «Птица провожает, призывая»; название при издании повести на русском языке — «Когда поют жаворонки») Григорий Якимович, волею судьбы оставшийся в военные годы на Дону, на склоне лет не может найти успокоения души, пока не побывает на родине и не увидит родной очаг в далекой марийской деревне, где он вырос, где проходило формирование его волевого и патриотического характера, становление его как будущего бойца — защитника Родины:

Ватыжым помыжалташ огыл манын, Григорий Якимович ятыр жап чытенак кийыш, ик йўкымат ыш лук, ышат энгыралте. Нимыняр тарваньде, пычкемыш туврашыш икмагал ончыш. А шўм тугак чот кыра, пуйто лектынак вочнеже. Теве – тудо, онгышко кидым ок тушкалте гынат, садак

³ Артамонов Ю. М. Кайык ўжын ужата: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1980. С. 11.

шижеш. Тук-тук... Изишлан шогалмыла лиешат, вара уэи... тук-тук-тук... чўчкыдынрак кыраиш тўналеш. Чўгыт сеьын ўрдыжлумак перкала, пуйто тудлан тушто шыгырын чучеш, эрыкыш лекташ толаша. Григорий Якимович шижеш: тудын эше ала-можо коршта. Но шўм алят лыпланен ок керт, садлан мо эше коршта — огешат пале. Вуйышко нимогай шонымаиш ок пуру, кап тўнмыла лийын, пуйто вўр шогалынат, могоьржсат пуангын, вуйдорыкшат кошкен. Ала-можо кўргыштем тарванен, омыштемат шочмо-кушмо суртемьым веле ужам, тудымак веле шонем... Тау, шўмбелем, шижстарышыч. Мый гын — азыр дене йылмем ковылтарен луктышит — садак ом каласе ыле⁴ (Григорий Якимович проснулся давно, но долго лежал не шевелясь, преодолая боль, чтобы не разбудить жену. Он смотрел на темный потолок, и сердце билось у него неровно и быстро, словно собиралось выскочить из груди, где ему стало тесно и нехорошо. Но Григорий Якимович чувствовал, что кроме сердца у него болит еще что-то, и от этой другой боли оно никак не может успокоиться. «Что-то тронулось внутри. Даже во сне вижу родной дом, слышу, как жаворонок поет...» — говорит он жене⁵).

Обращает на себя внимание психологическая составляющая в описании встречи героя с дорогой ему марийской землей: «Григорий Якимович совсем не чувствовал ветра, ему казалось, что и земля расцвела, покрылась густой зеленой травой — душа его поет, молодеет, обновляется. Идет, выставляя вперед свою палку, сердце поет, глаза, как у обрадованного ребенка, светятся счастьем. Как будто заново родился. Григорий вдыхает свежий воздух родной стороны, во всем теле чувствует облегчение. В сердцах ему хочется, как маленькому ребенку, размахивая руками, пробежаться по милым сердцу местам»⁶. Из этого фрагмента видно, что писатель развивает проблему неразрывной связи «малой родины» с необъятными просторами всей страны. Повествователь, рисуя прощание героя со своей деревней, которую он смог наконец-то посетить, обобщает: «Григорий Якимович идет, все дальше он уходит от своей деревни, от своей первой любви. Но он не один — его провожает жаворонок. Выр-р, выр-р-р — летит вслед за ним, поднимается выше, спускается, едва не касается земли. Будто от столба к столбу тянет линию проводов, прокладывает невидимую глазу связь от родной деревни и до самого Дона».

Влечет к себе, зовет и бережит душу родной дом и Анатолия Орехова, главного героя научно-фантастической повести Ю. Артамонова «Шўрга» (Петля), которому после службы в армии вместо возвращения на родину предлагают остаться на сверхсрочную:

⁴ Артамонов Ю. М. Кайык ўжын ужата: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1980. С. 175.

⁵ Артамонов Ю. М. Малиновые облака: повести и рассказы / пер. с марийского. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1991. С. 175.

⁶ Там же. С. 206.

Эше икмыняр ийым служитлаш кодаш йодыч, Толя ыш келше. Тудым мӱнгыжӧ, шаршудан уремже, Какшан энгер воктен лыкын-лукын шуйналт вочшо пеледышан олыкшо, Шопкенер воктенак Ӧшкуп чашкерже шупшыныт. Туштак ача-аваже, йӧратыме танже, Олюк. Кузе чыла тидым мондет, мо амал дене кудалтет? Курым мучко салтак лияш пӱралтын огыл. Вара шонгылык вуеш шочмо суртышкет миен пурет мо? Могай чурий дене тудым ончалат? Уке, тегытым нералтыде, миен пурашыжат намыс⁷ (Толя не согласился. Его тянули домой деревенские улицы, покрытые бархатом травы, раскинувшиеся на берегу Кокшаги цветущие луга, роща Ошкуп, шелестящая возле деревни Шопкенер. Там же — отец и мать, любимая девушка Оля. Как же все это забудешь, по какой причине отступишься! Ведь не суждено всю жизнь быть солдатом. Что — потом, на старости лет, заявишься туда? Какими глазами посмотришь на людей? Нет, стыдно появиться там...).

В этих размышлениях персонажа «сурт-пече» — не только притягательная магическая сила, но и совесть человека, ответственность перед самим собой и односельчанами, перед малой и большой родиной, у которой ты навсегда остаешься в долгу. Марийский писатель, с большой любовью рисуя народный быт, обычаи мари, воссоздавая его моральные ценности, ищет реальные истоки сегодняшней жизненной философии своих лучших персонажей, воспитанных на национальных традициях, которые были привиты им в семье, в стенах родного, уютного, дома.

В повести М. Ушаковой «Тошто пӧртын монологшо» (Монолог старого дома) дом, сооруженный руками хозяев (родителей), на первый взгляд, воплощает идею семьи, рода, связи предков и потомков, реализует архетипическое значение жилища (дома) как «закрытого внутреннего пространства, находящегося в оппозиции наружному, внешнему миру, пространства, дающего покой, безопасность и надежную защиту» [2. С. 48] («Построили-то из деревьев лучших пород, строевой лес рубили в полнолуние. И печь внутри сложили с толком — дым в избу не шел»⁸); как «средоточия универсальных жизненных ценностей — таких как счастье, благополучие и согласие в семье» [2. С. 48] («Элчивий с Павлом дожидались окончания стройки с любовью, радостной мечтой, трепетом»⁹; «Молодые хозяева мне понравились. Они прямо светились от чувств, тщательно скрываемых от людских глаз, чтобы ненароком не сглазили»¹⁰); а также как воплощения материального достатка («Прямо ко мне примыкал большой и густой сад, разведенный хозяевами. Много разных

⁷ Артамонов Ю.М. Перкан кинде: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола : Марий книга издательство, 1984. С. 112.

⁸ Ушакова М. Быль быльем поросла: рассказы, повести. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2024. С. 370.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 370.

деревьев посадили..., во дворе водилось много всякой животины, а кур и гусей была целая тьма»¹¹); как места (способа) сохранения традиций и обычаев предков («Соблюдали все обычаи, всякая работа у них спорилась и ладилась»¹²; «Все во мне мыли, протирали, чистили. Выносили в солнечный жаркий двор большие вещи. Сушили и выхлопывали из них пыль. Даже мой потолок от чистоты исходил бликами. Вся семья мылась в бане, одевалась в новые одежды. Весь я пропитывался запахом пирогов»¹³).

Но в одночасье в повести все меняется. Однажды утром Элчивий находит в саду воткнутые в землю по обеим сторонам главной дорожки гусиные крылья. Атмосфера в семье накаляется. Повествование ведется от лица старого дома (антропоморфного персонажа), который «с прискорбием сообщает», что в доме Элчивий рушатся не только связи между родными людьми, вынужденными жить рядом, но и сами представления о дружной семье вообще: жена грызет мужа, дети после окончания школы уходят из дома и не возвращаются обратно, братья и сестры делят между собой «родимое пространство». Происходит трансформация дома в чужое пространство, лишённое любви, согласия, взаимопонимания. Главными характеристиками антидома в повести становятся:

– **ненужность, безразличие**: «Я — брошенный дом. Зачем мне тогда адрес и для кого он нужен? Может, пожарной службе? Мне уже много лет. Снаружи потемнел, состарился, сыплется мох, заложенный между бревнами. Деревня наша состоит из одной улицы, а я самый крайний. Рядом начинается овраг, поросший ольховыми кустами. Возле меня нет места для другого дома»¹⁴;

– **холод**: «Выгрузили в мой подпол корнеплоды, уехали и забыли. Печь сама не топится, избу не согреет. Картошка вся и замерзла. Сам-то я окоченел в эту зиму от холода. Весь вызнобел, так, как и ухитить меня уже считали без надобности. Домовые ушли к банному деду с бабкой. Вчетвером им легче»¹⁵;

– **жестокость**: «После ее свадьбы я видел: Элчивий перед печкой переломила свечку пополам и бросила в огонь. Сама все чего-то бормотала. Прокляла, окаянная! Потом, позже, когда Коли не стало, я понял, о чем Элчивий воевала. Страшная женщина — моя хозяйка...»¹⁶;

– **злость**: «Элчивий старела, становилась злее и ворчливее, ходила с вечно недовольным лицом. Никто ей не мог угодить. Ну чего, к слову, не хватало человеку? И так все жили под ее волею. Так нет ведь! Ругается, придирается. Что с ней поделаешь? Я от нее устал. А другие терпели»¹⁷;

¹¹ Ушакова М. Быль быльем поросла: рассказы, повести. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2024. С. 374.

¹² Там же. С. 370.

¹³ Там же. С. 374.

¹⁴ Там же. С. 370.

¹⁵ Там же. С. 391.

¹⁶ Там же. С. 370.

¹⁷ Там же. С. 377.

– **незащищенность**: «Как? А меня на кого оставят? — всполошился я. Ведь хочется, чтобы со мной была семья, чтобы я был наполнен их радостями, жил с их горестями. Ради этого под небом стою. Старею, конечно. Но не могу представить себя совсем одного. Не сгнию, так смогу стореть. Самого себя чинить, поправлять, где какую доску поменять — без людей же все это не делаешь. Невозможно. А вдруг какая-нибудь напасть? Тревогу поднять не сумею. В общем, запереживал я сильно. Грустно и худо мне стало»¹⁸;

– **недовольство**: «Родилась и выросла в этом доме, — не унималась Зойка. — Не только твоя, но и моя доля в нем имеется. Не станет матери — как миленький, поровну разделишь, по досочкам разберешь. А я на тебя в суд подам! Хозяин, видишь ли, нашелся»¹⁹.

Так дом «теряет смысл жизни», его «душа» опустошена. Приведем некоторые детали авторской характеристики дома, которые передают внутренние перемены, произошедшие в нем под влиянием жизненных потрясений: «Люди думают, что дом не умеет плакать. Еще как за все переживаю, горюю! Стекла на окнах потеют — люди спешат их вытереть. Кто ведает вот — это слезы мои стекают? На подоконнике для скапливания влаги специальные углубления имеются. Кошка из них обычно любит пить...»²⁰.

В повести М. Илибаевой «Орина кова» (Старушка Орина) авторская концепция дома также представляет трансформацию дома в антидом — пространство, в котором нет уюта и комфорта и который стал источником безразличия, жестокости и страха, одиночества и внутренней дисгармонии. С приходом в семью нового человека, невестки Пестай, своенравной и бесчувственной женщины, традиционное представление о доме как о светлом мире, наполненном теплом, любовью, уважением к близким резко меняется. Дом теряет свою защитную функцию и превращается в место конфликтов и эмоционального насилия.

Бабушка Орина оказывается изолированной в собственном доме, который вдруг становится для нее чужим. Она делает попытки описать свой дом, но останавливается, произнеся лишь несколько фраз. Ей больно воспринимать родной дом в новом, странном для нее, состоянии, она не видит жизненных перспектив в этом доме. Ее собственное бытовое пространство сужается до размеров одной комнаты, от решения пожилого человека уже ничего не зависит, ее никто не видит и не слышит:

Шешкым пуртыммо годсек Орина кова тиде кўртнў койкышто, лукышто, мала. Омса шелше гыч шиялтарыше мардежат ондак тудлан логалеш. Ушкал тельым лиеш гын, презыжым ик-кок арнялан, пўртыш пуртен,

¹⁸ Ушакова М. Быль быльем поросла: рассказы, повести. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2024. С. 387.

¹⁹ Там же. С. 384.

²⁰ Там же. С. 375.

тудын койкыж воктек йолыштат. Презын йўдовошт кывырт-ковырт тарванылмашеш омыжо лугыч лиеда. Шошо велеш комбым тышке пўкташи шындаш. Узыжын йўкшым колын, ава комбо эр ўжара денак кычкыраш тўнгалеш, адак шонгын омым печкалтарен, чоныш витара²¹ (После того как в доме появилась сноха, бабушка Орина спит на этой железной кровати, в углу. Пронизывающий ветер из дверных щелей первым делом попадает на нее. Если корова зателится зимой, теленка на недельки две заводят домой, привязывают к ее кровати. Теленок всю ночь туда-сюда передвигается, от его нерасторопных движений сон прерывается. Ближе к весне сюда сажают гуся высиживать птенцов. Услышав голос гусака, гусыня еще до рассвета начинает кричать, пробуждая, изводит старушку).

Чужим становится для нее не только родной дом, но и родной сын. Его слова «*Авай, тый кунам колаш шонет, вара? Колоткалан онамат ямдыленам*» (Мама, а когда ты собираешься умирать? Я для гроба и доски приготовил) глубоко ранят ее невинную душу, доводят до такого состояния, что она замыкается в четырех стенах с личными мыслями и тревогами, пытается сохранить свои воспоминания о прошлом, остро переживая свое одиночество, силой своего воображения она старается заполнить личное пространство, в остром желании высказаться, с кем-то поговорить и как-то облегчить свою душу, начинает общаться с миром мертвых, с мужем, которого давно уже нет в живых. Пестай, стремясь получить в доме всеобщую власть, разрушает традиционные семейные связи, настраивая сына против матери. Это приводит к распаду семейной жизни и внутренней дисгармонии. Таким образом, дом в повести становится не просто физическим пространством, но и отражением душевного состояния героев. Он символизирует утрату традиционных ценностей и эмоциональную изоляцию, что делает произведение актуальным при обсуждении современных социально-нравственных проблем.

В повести М. Илибаевой «Олигарх-влак» (Олигархи) архетип антидома проявляется в форме «бездомья» (лишенность дома — места, где человек должен жить или живет) и художественно реализуется через судьбы беспризорников, которые называют себя маленькими «олигархами», новым классом в государстве, проводя прямые параллели между олигархами и собой: олигархи разбогатели за чужой счет — они тоже пытаются выжить за счет других; для олигархов закон не писан — они также не соблюдают законы; олигархи творят, что хотят — и они живут, как им вздумается. Персонажи повести — жертвы жестоких обстоятельств и социальных проблем; они оказались на улице: одни — из-за эгоизма и равнодушия родителей, которые пренебрегли ими в угоду своей личной жизни и личному «счастью»; другие — из-за алкоголизма родителей, забывших о детях; третьи — из-за того, что мамы, потеряв

²¹ Илибаева М.К. Кумыл: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола : Марий книга савыктыш, 2003. С. 55.

работу после закрытия школы, вынужденно уехали на заработки в Москву; четвертые — убежали от насилия и пренебрежения со стороны опекунов и новых семей.

Временным пристанищем, местом существования для «олигархов» («боясков») становится заброшенная комната старого элеватора, которую пытаются хоть как-то обустроить. Это место не только холодное, но и эмоционально подавляющее:

*Пирожок, давай калай конгаши олто! Уремыштат йүштө, көргыштыжсат йүштө — чыташ ок лий!*²² (Пирожок, растопи печку буржуйку! И на улице холодно, и внутри — зябко — нельзя терпеть!).

Дети, оказавшиеся в этом замкнутом пространстве «ложного» дома, живут без еды, без средств к существованию:

*Кочмо нерген ойлымым колын, Пирожок шүвүлвүд толмым шиже: «Еншамыч кызыт үстембакышит түрлө чесым погат. А поян-влакшыын, сий дене стемын, сүмырлен волаш ямде докан... Кугу лиям гын, пашам ыштен налме оксам дене теммеш ситышашлык кочкышым наламат, мүйшкыр тореш кайымеш кочкын шындем»*²³ (Услышав разговор о еде, Пирожок проглотил слюну: «Сейчас люди собирают на стол. У богачей кухни переполнены разными блюдами. Если бы был постарше, заработав, купил бы еды, чтобы досыта наестся»).

Они предоставлены сами себе, лишены защиты со стороны окружающих, не защищены от «враждебного взрослого мира», от чужих глаз:

*Миша, пөлем мучко ыраш төчен тошкыштышыжла, кенета йот вургемым ужо. — Санька, ончо, укена шенгеч хатыштына весе-влак озаланеныт*²⁴ (Миша, пытаясь хоть как-то согреться, потоптался в комнате и вдруг заметил чужие вещи: «Санька, смотри, пока нас не было, в нашей хате успели похозяйничать»).

Дети-беспризорники уязвимы, их «дом» (а по сути, бездомье) — символ страданий и утрат. Их внутренний мир — это бесконечные страхи, тревога, с которыми они безуспешно пытаются справиться; окружающая среда лишь усугубляет такое состояние, она забирает их друзей, отправляет за решетки. Таким образом, бездомье лишает «маленьких олигархов» жизни, собственного мира (личностного существования) и будущего.

²² Илизаева М. Йүксө мурсавыш: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола : ООО «Газета Марий Эл», 2016. С. 50.

²³ Там же. С. 49.

²⁴ Там же. С. 50.

Заключение

Характеризуя художественно реализованные бинарные понятия дом/антидом на примере марийских повестей второй половины XX — начала XX в., мы приходим к выводу, что первый компонент оппозиции, представленный в основном в повестях Ю. Артамонова, имеет традиционные признаки архетипического образа дома (родовое гнездо, традиции, детство, родной кров, пристанище души и т. д.) и представлен, прежде всего, мотивом возвращения в родной дом. В нем выражен общекультурный смысл «дома» — это не только место, куда человек может вернуться, не только семья, род, но и Родина.

Второй компонент оппозиции «антидом», представленный в повестях М. Ушаковой и М. Илибаевой, обозначен мотивами бездомья, разрушенного дома, отсутствия жизни.

Список литературы

1. *Афанасьева А.С.* Архетип «дом» в русскоязычной литературе Казахстана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2016. № 4. С. 99–107. EDN: UUZHEV
2. *Коробейникова А.А., Пыхтина Ю.Г.* О пространственных архетипах в литературе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 11 (117). С. 44–50. EDN: MWMMCSJ
3. *Крылова О.С.* Концепт «дом» в русской словесности и его художественная интерпретация в романе «На ножах» Н.С. Лескова: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2024. 242 с. EDN: CISGRN
4. *Морараш М.М.* Семантико-когнитивное исследование концепта ДОМ в романе В.В. Набокова «Машенька» // Научный диалог. 2017. № 8. С. 104–115. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-8-104-115> EDN: ZEKHNF
5. *Прохорова Н.И.* Трансформация выразительной формы архетипа дома в современном искусстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4–2 (55). С. 109–111. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-2-109-111> EDN: UWITGO
6. *Разова Е.Л.* Онтологические формы бытия человека. Концепт «Дом» // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 128–149. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-128> EDN: PWAGQS
7. *Синячкин В.П., Демченко А.С.* Ценностный архетип «Дом» в автобиографической трилогии И. Шухова «Пресновские страницы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2019. Т. 24. № 4. С. 660–669. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-660-669> EDN: DRKRDA
8. *Елеусизова М.Б.* Мотивы дома и бездомья в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 231–244. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-17-2-231-244> EDN: YCCXYD
9. *Шутова Е.В.* «Дом» и «бездомье» человека: терминальный статус и формы бытия в культуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2011. № 1 (13) С. 85–89. EDN: OFACEJ
10. *Непомнящий В.С.* Поэзия и судьба. Москва : Сов. писатель, 1987. 390 с. EDN: TRJFLN

References

1. Afanasyeva, A.S. 2016. “The archetype ‘home’ in the Russian-language literature of Kazakhstan.” *Polylinguality and Tanscultural practices*, no. 4, pp. 99–107. EDN: UUZHEV Print. (In Russ.)

2. Korobeynikova, A.A., and Yu. G. Pykhtina. 2010. “On spatial archetypes in literature.” *Bulletin of the Orenburg State University*, vol. 11, no. 117, pp. 44–50. EDN: MWMMCJ Print. (In Russ.)
3. Krylova, O.S. 2024. *The concept of ‘house’ in Russian literature and its artistic interpretation in the novel “On Knives” by N. S. Leskov*: dissertation of the Candidate of Philology. Yoshkar-Ola. EDN: CISGRN Print. (In Russ.)
4. Morarash, M.M. 2017. “Semantic and cognitive study of the HOUSE concept in V. V. Nabokov’s novel “Masha.” *Scientific dialogue*, no. 8, pp. 104–115. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-8-104-115> EDN: ZEKHNF Print. (In Russ.)
5. Prokhorova, N. I. 2021. “Transformation of the expressive form of the archetype of the house in modern art.” *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 4–2, no. 55, pp. 109–111. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-2-109-111> EDN: UWITGO Print. (In Russ.)
6. Razova, E.L. 2024. “Ontological forms of human existence. The concept of ‘House’.” *Person. Culture. Education*, no. 1, pp. 128–149. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-128> EDN: PWAGQS Print. (In Russ.)
7. Sinyachkin, V.P., and A.S. Demchenko. 2019. “The value archetype ‘House’ in I. Shukhov’s autobiographical trilogy “Presnovsky Pages”. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. The series “Literary Criticism. Journalism”*, vol. 24, no. 4, pp. 660–669. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-660-669> EDN: DRKRDA Print. (In Russ.)
8. Eleusizova, M.B. 2020. “Motives of home and homelessness in F. M. Dostoevsky’s novel ‘The Brothers Karamazov’.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 17, no. 2, pp. 231–244. Print. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-17-2-231-244> EDN: YCCXYD
9. Shutova, E. V. 2011. “Home” and “homelessness” of man: terminal status and forms of being in culture.” *Bulletin of the Volgograd State University. “Philosophy”*, vol. 1, no. 13, pp. 85–89. EDN: OFACEJ Print. (In Russ.)
10. Nepomnyashchy, V.S. 1987. *Poetry and fate*. Moscow: The Soviet writer. EDN: TRJFLN Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Рябинина Марианна Владимировна — кандидат филологических наук, специалист научно-образовательной лаборатории «Марий йылме» Центра изучения уральских языков, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1. ORCID: 0000-0001-8635-275X, eLibrary SPIN-код: 1167-0504. E-mail: mari.riabinina@yandex.ru

Bio note:

Marianna V. Ryabinina is a Candidate of Philological Sciences, specialist of the scientific and Educational laboratory “Mari Yilme”, the Center for the Study of Uralic Languages, Associate Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University, 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8635-275X, eLibrary SPIN-code: 1167-0504. E-mail: mari.riabinina@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-155-171

EDN: HLEETG

Research article / Научная статья

The Axiosphere of the Mari Epic Consciousness Based on the Materials of the Heroic Epic “Yugorno. The Song of the Prophetic Path”

Galina E. Shkalina

Mari State University, *Yoshkar-Ola, Russian Federation*

✉ gshkalina@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the cosmogonic narratives of the Mari people with a projection on the problem of epic consciousness. The purpose of the study is to recreate the value choice of epic heroes through the interaction of the axiological dominants of the Mari ethnic world based on the materials of A. Spiridonov’s poetic creation “Yugorno. A song about the prophetic path.” The novelty of the work lies in the fact that, against the background of studying the ethnological aspects of the formation of the axiological paradigm of Mari literature, the problem of reconstructing the axiosphere of the Mari epic is actualised, which is defined as the space of existence of spiritual, physical, mental, emotional factors of the formation of the Mari world. This approach is fundamentally new not only for Mari, but also for the entire Finno-Ugric literary criticism. The existing Russian research experience accumulated by representatives of various scientific fields contains elements of axiological analysis of traditional epic texts. Focusing on the theoretical and methodological foundations of such studies allows us to assert that a necessary condition for effective cultural transmission of values is to identify the content of the axiological dominants of traditional folk culture, to study both the host and nurturing, as well as well as the ethno-cultural landscape.

Key words: the axiosphere, epic consciousness, the Mari heroic epic, “Yugorno. The Song of the prophetic path,” axiological dominants, ethnocultural landscape, ethnomir

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Shkalina, G.E. 2025. “The Axiosphere of the Mari Epic Consciousness Based on the Materials of the Heroic Epic ‘Yugorno. The Song of the Prophetic Path’.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 155–171. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-155-171>

© Shkalina G.E., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Аксиосфера марийского эпического сознания по материалам героического эпоса «Югорно. Песнь о вещем пути»

Г.Е. Шкалина

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация
✉ gshkalina@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению космогонических нарративов народа мари с проекцией на проблему эпического сознания. Цель исследования — воссоздание ценностного выбора эпических героев через взаимодействие аксиологических доминант марийского этномира по материалам поэтического творения А. Спиридонова «Югорно. Песнь о вещем пути». Новизна работы заключается в том, что на фоне изучения этноценностных аспектов формирования аксиологической парадигмы марийской литературы актуализируется проблема реконструкции аксиосферы марийской эпики, что определяется как пространство существования духовных, физических, ментальных и эмоциональных факторов формирования марийского мира. Такой подход является принципиально новым не только для марийского, но и всего финно-угорского литературоведения. Существующий российский исследовательский опыт, накопленный представителями различных научных направлений, содержит элементы аксиологического анализа традиционных эпических текстов. Ориентация на теоретико-методологические основы таких исследований позволяет утверждать, что необходимым условием эффективной культурной трансмиссии ценностей является выявление содержания аксиологических доминант традиционной народной культуры, изучение как вмещающего и кормящего, так и этнокультурного ландшафта.

Ключевые слова: аксиосфера, эпическое сознание, марийский героический эпос, «Югорно. Песнь о вещем пути», аксиологические доминанты, этнокультурный ландшафт, этномир

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шкалина Г.Е. Аксиосфера марийского эпического сознания по материалам героического эпоса «Югорно. Песнь о вещем пути» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 155–171. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-155-171>

Introduction

One of the fundamental properties of culture is its axiosphere (from Greek *ἀξία* — value) in the meaning of such a spiritual formation, which includes value orientations that provide self-preservation and development of a person. Axiosphere is objective space of existence of spiritual, physical, mental, emotional factors. The relevance of the systemic study of axiological dominants of the Mari ethnoworld is determined by the study of the value nature of ethnonarratives, historically developed and functioning in the mentality of Mari culture. This work is aimed at revealing the systemic unity of values of Mari epic consciousness.

The problem of axiosphere has attracted the attention of minds since the times of Aristotle, who saw the task of philosophy in ‘comprehending by the mind of

things that are by nature the most valuable' and believed that a heroic, 'great' man should die for something especially valuable [1. P. 179]. I. Kant wrote that true value is 'an end in itself, not a means to an end' and 'this end cannot be replaced by any other end' [2. P. 269]. In the XX century, new aspects of axiology were discussed in connection with psychological, philological, ethnographic research (M. Rokic et al.) [3]. I.A. Ilyin, N.A. Berdyaev, N.O. Lossky and many others wrote about the values realized in the history and culture of the Russian people. Separate values of the Russian heroic epic were studied in the works of A.N. Veselovsky [4], V.M. Zhirmunsky [5], D.S. Likhachev [6] and other authors. Important, in our opinion, is the fact that since the middle of the 19th century researchers of epic texts have distinguished such concepts as 'folk ideal', 'folk character', 'worldview', and in the 20th–21st centuries the terms 'mentality', 'value field' of culture, 'sum of representations about the world', 'axiologically oriented picture of the world', 'epic picture of the world' appear. Scientists who study the language and semiotics of folklore, who use oral folk art in their works, more and more often resort to the study of values of traditional culture, because folklore points to the oldest way of comprehending the surrounding reality, teaches to think with conceptual ideas-images, gives a person a certain character of actions in the world. As academician Yu.M. Sokolov noted, 'the early history of many peoples... we can often learn only on the basis of folklore materials' [7. P. 34].

Regarding the degree of study of the Mari heroic epic "Yugorno. Song of the Prophetic Way", let us note the works of L.A. Andreeva and O.F. Khudobina [8], A.V. Koshayev [9], N.A. Fedoseeva [10; 11].

The phenomenon of axiosphere of national culture is an independent habitat and effective functioning of those value representations that are most characteristic of a certain community. Rich cult background, customs and rituals, cultural norms and attitudes, in one word, the sum total of spiritual ethno-traditions is formed during a very long historical time. Such axiological dominants in correlation with ethnic meanings reflect the codes of Big and Small Time and condition the outline of the ethno-cultural landscape. Different types of artistic time (retrospective, modernity, their intertwining) and space (topos-archetypes, the system of modern loci) presented in the national literature express the key value orientations of the author's worldview [12].

Methods and Materials. The research is based on the hermeneutic-phenomenological approach to the study of epic texts. We used general scientific methods of analysis and synthesis with the use of problem and historical-comparativist methods, as well as semantic analysis of epic texts.

The materials of the study were A.Ya. Spiridonov's poetic creation "Yugorno. Song about the Prophetic Way" [13] and the author's field materials on the multilevel system of concepts reflecting natural, cultural, social and virtual realities of the past, present and future in the picture of the Mari ethno-world, which are reflected in the previous works of the author of this paper [14].

Results and Discussion

The language of culture has national specificity, and therefore — mental peculiarities, specificity of representation of the world, of feeding and accommodating landscape. Thanks to the activity of human beings acting as subjects of culture, an image of value and meaning reality actualised in specific images and forms is composed.

The authors of the first artistic works in the Mari language vividly portrayed the original image of the world order, the sacred heritage of the Mari people, expressively pursued the idea of harmony between Man and the Universe, in which nature is a completely and culturally organised space, an ideal abode with an eternal source of life energy. The assertion of the nature-based life and respect for the natural (traditional) faith, which formed the basis of the symbolic imagery of Sergei Chavain's first original poem "Oto" ("Grove") of the early twentieth century, has become a cross-cutting theme in Mari literature up to the present time. In general, the Mari spiritual tradition with its myths, legends and epic tales had a great influence on the formation of the value paradigm of Mari literature.

From the first poetic work in the Mari language to the full-fledged epic creation "Yugorno. Song of the Prophetic Way" by Anatoly Spiridonov almost 100 years passed. With this title the Mari heroic epic came to the readers in 2002 in two languages — Russian and Mari — in a remarkable translation into Mari by Anatoly Mokeev, who has an excellent command of ethnonarrative terminology. In original poetic creation, the scale of the author's talent and personality, his connection with the national history are undoubtedly manifested. Looking back on times of the writing, A. Spiridonov said that Mari folk songs played a great role in writing the epic: 'All eight years of work they led me, supported me, creating an unusually high and stable lyrical mood; they made me work, they prompted me, they taught me simplicity and complexity — they taught me to write in a new way for me!' [15. P. 169].

Axiological analysis of Mari epic consciousness, its value bases is impossible without ethnonarratives that have their own traditional Mari names: *тоштыен ой* (ancestral stories), *тошты илыш гыч* (from the life of ancestors), *кугезе-влакын ойышт* (stories of great-grandfathers), *коча-шамычын ойышт* (stories of grandfathers), *тошты мари шомак* (stories of ancient Mari), *тошты мари шая* (stories of old Mari). Sometimes more ancient myths exist among the people under the name: *шоя, йомак* (fairy tale). The latter term is borrowed from Turkic-speaking peoples' [16. P. 8]. Let us consider some axiological dominants from these annals.

The myth of the Heavenly spinster. The author of the epic "Yugorno" relies on the legends of the distant olden days, starting his poetic tale with the plot reverently loved by the Mari people:

'The thunder rumbles, shaking / all the air supports; / with a fiery staple / the vault of the sky to the earth / the carpenter will bind; / and into its edges will pierce / with golden points / those invisible nails, / that eternally fasten the sky / on the silver hills / behind my village. / A young spinster through the window / will throw from the clouds / silk threads of yarn to dry. / To every little blade of grass, / to every ovary and bud / milk will flow down them / and water the earth, / responding to every drop — / chap-chap-chap! — all living things / will praise this moisture. / And when the yarn dries, / will look down from the sky with a hot face / the builder of a bright world — / will open towards our people / the seven-coloured gates, / the gates of Onar / our people call them'.

Thus, the epic heroine *Jumōnūdōr* (Daughter of God) appears already on the first pages of the epic sitting on the *Кава мерже* — the Heavenly Spinner (World Axis) as a Heavenly Spinner. The epic points to the cosmos-creative function of watering the Earth by the Daughter of God not just with heavenly moisture, but with life-giving *heavenly milk*. The sound of each drop is marvellously formalised in the text — not by the sound-imitation *plop-plop*, but the triple enumeration of the Mari word *chap*, which means *glory*. The divine milk moisture *is glorified by all living things*. We express solidarity with A.T. Lipatov, the author of the Preface to the book edition of the Mari epic, who writes: ‘The world depicted in the epic poem is simple and complex: full of secrets and hidden meanings, it is majestic and mysterious, and, filled with beauty, sounding and singing. Folk wisdom here is clothed in charmingly precise words-findings. The syllable is free as the native land, and spacious as life itself. The word breathes easily in the graceful, crystal melody of verse’ [17. P. 4–5].

In the axiosphere of Mari epic consciousness the story of *Jumōnūdōr* occupies a special place; M.M. Bakhtin would call it a ‘value centre’ [18. P. 56]. Firstly, the spinning of silver thread by the heavenly Maiden symbolises the rotation of stars around Polaris, i.e. the Daughter of God is the organiser of the astral world. In the second hypostasis *Jumōnūdōr* is the heavenly Shepherdess, because her Father forms the heavenly flock (*Юмын кўтү*). If earlier the astral world consisted only in the space near the Polar Star, now new images are conceptualized and emerge: the Heavenly stable (*Юмын вўта*) and the Heavenly river (*Юмын энгер*). The Heavenly River is understood as the Milky Way — *Ош Комбо Корно* (White Goose Road). The legend says that the heavenly flocks, moving across the sky, came to the great celestial river, which was personified by the Milky Way, for watering. In the course of time *Oš Kugu Jumo* (the Bright Great God) began to send his Daughter on a silk ladder (*порсын лўнгалтыш*) to the Earth to graze his horses, cows and sheep. Consequently, now *Jumōnūdōr* participates in the rhythmisation of the cosmos, its reasonable orderliness. Everything was ready for the birth of a human being. And it happened in early spring, when at the spring (the idea of the

origin of Man from water by analogy with the idea of the creation of the Cosmos from water) the Heavenly Shepherdess met *Aūdeme* (Man), a young man named Mari, tall, blue-eyed and fair-haired. The young ones fell in love. The beautiful Daughter of God becomes the wife of the first earthly man, having received the Heavenly flock from God the Father as a dowry. Henceforth, the domestic animals become the property of the earthly woman as the mistress of the house. Thus there is a correlation between the Heavenly Maiden and the Mari bride, according to which dowry is identical to the right of property inheritance. Thanks to the cult of Jumōnūdōr, the sacral right of ownership of the Mari woman is established in the earthly tradition, and the road to the birth of the first man, and from him the clan-tribe, the domestication of animals is opened.

In her earthly life, the Daughter of God is named *Piambar*. The heroine of the epic “Yugorno” Pampalče addresses her as a sister:

‘And I asked Jumo, / the Earth, the Moon and the Sun, / Fire, Water and Wind, / the gods and Keremets, / the smallest thing I asked: / not to leave without attention / the peaceful wanderers wandering / on their lonely paths. / Piambar, the earth goddess, / patroness of women, the eldest daughter of Oš Jumo, / before her marriage a shepherdess / of her father’s countless flocks, / promised her tarwino. / I gave it to my eldest sister, / I gave it to the star spinster, / who stitches into the fabric of the heavens / the golden sparks of destinies, all girls’ jewellery’.

In the popular consciousness *Piambar* became an earth goddess, the patroness of Mari women, taught them to weave and spin, knit and embroider, sing and dance, raise children and love their husbands, shoot archery, play musical instruments and seven dozen other arts. The accessories of women’s costume are brought to her as a gift: dresses, headdresses, belts, jewellery, embroidered towels, etc. The great mother of the Mari people offered a way to communicate with the World, God, the Universe through embroidery, sacred grove and rituals.

However, in ethnonarratives there is also the nominal word *Piambar* in the meaning of prophets, messengers of God. Folklore calls *Piambar* the wife of *Kuruk-kugu jōng* — the Mountain Great Man (sometimes with the addition of the epithet *Ou* — White). He is regarded as an intermediary between Jumo and people, a patron and protector, a mediator between God and his community. Over time *Kuruk-kugu jōng* was honoured on a par with gods, special sacred groves were dedicated to him. The legends have preserved other names of *Kuruk-kugu jōng* — *Onai*, *Kukarka* (*Kugu Karka*), *Oš Pondaš* (White Beard). In particular, in the epic “Yugorno” there is a character *Onai*:

an old wizard, / A giant, a pathfinder, / was the only descendant / of the honourable Onar, / Son of Jumo and Mlandava, / after death he became a saint, / became a helper of the god — / White Mountain Giant.

The Cosmos-creating Duck. Every nation has stories about the origin of the world and man. They reveal universal symbols-archetypes [19]. They form a complete picture of the world, which is reflected at all times in the mentality of ethnic culture. One of such archetypes is the World Egg, in which the unified Chaos depicted as Heaven and Earth was enclosed. Realisation of potentialities contained in the World Egg occurs due to penetration of the Sun into the deep Waters. The birth of the World from the Duck Egg (*Ludo muno*) is the key idea of Mari cosmogony.

In the epic “Yugorno”, the Cosmos-creating Duck — *Golden Feathers, Turquoise Head and Azure Neck* — has a pair of beautiful sons: the eldest is Jum, and Jõn is the offspring. They co-exist in peaceful competition, although they argue about the forms of world-building and the ways of mastering the world: *The brothers set to work. / They made the sun from the yolk, / the air from the egg white, / the shell went towards the stars, / the delicate film to the sky.* Then Jum and Jõn alternately dived under the water and from the bottom of the world ocean took out silt, clay and sand in their beaks. From the delivered material, Jum formed a flat surface. He was pleased. But his brother didn’t like it:

Jõn got angry and spat, / spat out what was in his beak, / threw clods of mud / on the flat surface of the floor. / When they got up in the morning, everything had dried up, / could not be levelled and fixed / these mountains and hills, / these pits and ravines.

This is how each of the twins arranged the land in his own way: Jum made it flat and level, and Jõn arranged the mountains and ravines. Jum was very dissatisfied. The situation became even more aggravated when: *Jum began to mould / birds, beasts and man out of clay, / making samples for testing. / And then, checking them, / he made exact likenesses / and left them for a while / to dry in the sun.* Jõn continues to contradict his brother. Not only does he create diverse fauna, but he *has distorted* all the figures *so that not even two similar ones are left.* Here Jum was finally angry with his brother and sent him away to rule the underworld, but he himself went to heaven and henceforth ruled the Upper World, which was originally created ideal, while Jõn became the ruler of the Lower World, arranged according to his own judgement. Thus in the treasures of Yugorno poetics, through the myth of the diving bird, the ‘primary wholeness of the unconscious’ is represented, which is ‘symbolised by the circle, the egg, the primordial being, the ocean, the celestial serpent, the mandala... The birth womb of the Great Mother is expressed by images of the bottom of the sea, spring, earth, cave...’ [20. P. 4–5].

The ancient origin of the Jum (Jumo) cult is indicated by the fact that various attributes of this concept are also known to other Finnic-speaking tribes. Academician G.F. Miller noted: ‘The Cheremis have the same Jum that in ancient times the Finns had Jumala’ [21. P. 6–7]. A well-known expert of religions N. Zolotnitsky wrote: ‘God at meadow Cheremis is Jumo, Jumu, at mountain Cheremis — Juma. The

following languages have consonant names of God: Finnish — Jumala, Estonian — Jummal, Lapland — Yubmel, Zyrian and Permian — Yon, Votyatsky — In-mar. All these consonant names should be recognised as not accidental, but homonymic' [22. P. 17].

The name Jōn is not without an epic collision. The point is that it is preserved only in the most ancient narrative layers. In the times of the Volga Bulgaria the name Jōn was gradually replaced from the people's memory by the name *Keremet* (also *Kijamat*) (from Arabic 'Miracle, deeds of saints'). The semantics of the name Keremet — the younger brother of Jumo — is marked by many meanings. The main ones are:

- 1) With the name Jōn — one of the creators of the world;
- 2) With the name Keremet — the main deity of the Lower World (*Ўльл тўня*), the Lord of the Earth and Water;
- 3) The Great God — the Judge, requiring veneration and strict observance of rites;
- 4) ancestral sacred prayer places — 'keremetishcha'. They could be in deep forests, tracts, on hills or spurs of ravines: *there were many groves in the Mari mountain side; and keremetishchas, old kapishchas of three hundred years old;*
- 5) earthly pantheon of gods-keremetey — inferior spirits of certain places, in Mari cult practice it got the name *ülöl vera* (inferior faith);
- 6) specially honoured forefather, glorious for his deeds and after death became the patron spirit of his descendants (for example, *Čumbōlat*);
- 7) evil keremets — usually ancestors forgotten by relatives, buried without observing traditional rites, disappeared in foreign lands and not buried in graves.

According to numerous folklore and ethnographic sources, we can say that Keremet has been 'dwelling' for a millennium in the entire Volga-Kama cultural area and is known to the Chuvash, Tatars, Mordva, Udmurts, and Slavs (Russians). In the epic consciousness of neighbouring peoples Keremet is the Lord of forests, fields, meadows, rivers and lakes. His role is to supervise all living beings, to establish order, the necessary balance of the landscape, the harmony of the ecosystem, in which a huge role is played by man. A person's happiness and well-being depend on the truth of his desires, aspirations, thoughts and deeds. And truth in the spiritual tradition is, first of all, measure, conformity. 'Nothing superfluous! Everything in moderation!' — is the golden rule in the living dialogue between man and nature. If a man violates the measure, Keremet will immediately come to him for retribution. The determinant of punishment is formulated in the epic "Yugorno" by the author:

I will not tell you / about the gods' harsh anger, / about retribution, about punishment — / our gods are benevolent / to every living being, / our gods are merciful, / but people themselves are cruel, / those who want to subordinate God's mercy / to their own desires, / to make it their own favour, / to make it their own law. / What is the danger of such liberty, / it would not hurt to think...

As noted above, in one of the hypostases Keremet acts as a judge, but on the principle of talion — one of the most ancient mechanisms of social regulation. As we have already emphasised, in epic narratives the peculiarities of creation and world structure are expressed both in the rigid antagonism of the hero and the anti-hero and in the peaceful competition between the gods-creators of different parts of the universe, understood by people as good and evil by virtue of the objective duality of the world. Human society has always acutely realised the need for sacral justice. The social-regulatory mechanism of talion accustomed ancient man to bear responsibility for his actions. This idea is also present in the Mari spiritual tradition.

Matchmaking of the hero. In the cultural consciousness the theme of match-making of an epic hero acquires special, unique features. In “Yugorno. Song of the Prophetic Way”, the love story of Salij and Pampalče is permeated with life-edifying epic. Etymologically, the name of the bridegroom comes from *сай лийже* — ‘let it be good’, i.e. Salij brings good into the world. This image is not common, scientists ‘caught’ it in Southern Siberia. Folklore tells about the strength, intelligence, good heart of Salij, his wanderings in the sky and in the underworld. After the hero’s death, Jumo called him to himself and sent him to the world of the underworld lord Kijamat to settle the conflict that had arisen after the underworld lord began sending the angel of death, *Azōren*, to earth more often. This led to a severe decline in those living on earth. Salij managed to chain Kijamat by cunningly placing him on his own iron trap throne. As a reward, Jumo promised to fulfil Salij’s every request. The hero asked for permission to come down to earth from time to time and help people. And to find out where he is now more needed, he asked for permission to sit on God’s throne, from which the whole earth can be seen. When he sat on the throne and saw all the sorrow of the people, Salij was blinded.

In the epic “Yugorno” Salij is a guslar storyteller from the glorious hunting family *Alataj*:

Salij, a glorious hunter, / the guardian of our forest / and its ancient laws; / the one who makes paths / from village to village, / guards watering holes / and tells people / what kind of animal to take so that there is no damage.

He remembered a wise proverb:

The road of life is hard, / it shakes the soul, / but what can you do now, / if you go this way?!

So his fate and destiny quietly leads him to the path of formation of the national, all-Mari world, that special world where legend and reality are joined together. And it is not by chance that his father’s hunting bow bears the name of *Keče* — the name of the light deity of the day, the patron saint of all living things. A young hunter carries *three arrows* in his quiver — *each one has a name, purpose and bearing.*

If *Shōpak* is a quiet, silent arrow that acts stealthily, then *Čolga* is bright and mobile, and *Viyaš* is strong and powerful. By the way, three types of Mari arrows are known in ethnic history. The first is a combat arrow — thick, powerful, with a metal tip, used both in military actions and in hunting large animals. The other two types are hunting arrows. The wooden or felt-tipped arrow was used when hunting valuable fur-bearing animals, only to immobilise them with a blow and not to damage their pelts. With a bone tip — for hunting birds and less valuable animals. The Mari heroic epic names the hunting arrows in Salij's quiver as *Honour, Dignity and Glory, and does not even want to see the fourth one — wealth — because it is followed by others — greed, lies, shame, treason...*

It was fate that Salij fell in love with the daughter of the old miller *Orčama*, who had grinded only ashes near and under the bake for his old age. But in order to marry the beautiful *Pampalča*, the young hunter will have to buy her back from the whole honest world. This is the custom, this is what the elders have decided: *if a girl owns the beauty of the whole nation, the people have the right to dispose of her beauty themselves*. Besides, the epic circumstances are such that *Pampalče* is not an ordinary girl and not just a beauty, but a character of the most important and favourite fairy tale of the Mari people' *Ший пүян Ший Пампалче* (Silver-toothed Silver *Pampalče*), the younger sister of *Jumōnūdōr*. The author of the epic revisits this story, changing some details, but retaining the intrinsically organic epic wholeness. In moments of danger, *Pampalče* turns to the Maiden of Heaven — *Jumōnūdōr* — as a sister. 'In the fairy tale tradition she has an anonymous presence' [23. P. 123].

The paths lead Salij to the end of the earth. Here he met the Duck, whose two eggs had already produced ducklings — the creators of the world, *Jum* and *Jōn*. But the third egg was still with her. The epic hero sees before him a marvellous creature — Golden Feathers, Turquoise Head and Azure Neck. This marvellous curiosity is suitable as an *olno* (bride price). Salij wounds it with hunting arrows. However, having laid a golden egg, dripping blood on the ground, the Duck flew away. And the egg shone brighter than the sun, burned hotter than a flame, was smoother than ice. Who would have known that this very gold would bring the hero and all the Mari people great misfortune. Well, at first, when everyone saw it, they forgot about decency, / about dignity and honour. / It was as if a cloud had rolled / over a wide meadow, / but it was not the rain from the cloud / and not hail that fell on the ground — / it was offences, / reproaches and rebukes.

The great old man *Almakaj* tried to awaken the vigilance of his tribesmen by recalling the precepts of our elders:

What is shining is not yet the sun, / What is silent is not yet wisdom, / What is round is not yet happiness, / What is smooth is not yet truth...! / For none of our ancestors ever soiled their hands with gold, / Never took it as payment, / Never considered it as jewellery, / And did not bend their backs submissively, / Like distant peoples, / Who come from beyond the forest. /

The wise man beat the drum in vain and offered to *take the golden egg back to the place where it was taken and put it back with words of apology*. But no one listened to him — *everyone was dividing olno in their minds*. The passions were boiling and raging until a cockerel, bred for witchcraft rites, broke the egg with its beak. The egg splits with a deafening crash. *Targōltōš* comes into the world. He forces people to collect the golden shells.

Thus, the heavy campaign of the epic hero Salij, who resembles *a mighty oak tree: his head is as light as a crown, / his arms are as powerful as branches, / and he himself is like a rod, / the core of that oak tree*, — in search of a bride price became a great test, a prologue of his own and the nation's troubles.

Demons. A mythological monster visiting the human world is always an inhabitant of 'frontier' space (swamps, caves, ravines, etc.). In Mari folklore there are many narratives about travellers meeting with demons, 'unclean force', about wandering along roads, about meeting mysterious creatures resembling monsters. In almost every village there are ravines, hills, precipitous banks (*корем-влак*), which are perceived by locals as evil places. The inhabitant of such places, *Targōltōš* everywhere appears as a dangerous creature for humans, in the form of a dwarf with a huge white beard, but he can also look like a zoomorphic giant. Meeting him always threatens a person with danger, misfortune, disease and even death. Connected with the left side of the world, he often remains invisible, penetrates into dwellings, likes to amuse himself at forks in the road, emitting all sorts of shrill sounds (laughter, squeak of a cart, neighing of a horse, crying of a child).

However, in some narratives there are references to *Targōltōš*'s much greater power, his suggestive influence on people, on their behaviour and way of thinking. This is exactly the archetype in the epic "Yugorno", after whose appearance the witchcraft charms of gold entangled the whole neighbourhood with heavy chains. Frightened by the arrival of *Targōltōš* in their region, people expelled the good Salij, erected *a golden statue* in their souls, and multiplied the evil on earth. They did not hear the prophecy of the sorcerer:

Mari, / your souls will grow thin, / the thirst for gold will corrode them; / a horned king will reign, / he will trample you with his feet, / he will press you with a floorboard — / one brother will cry under it, / and the other will sing on it!

That is why the foremother duck did not let him into the light: *Targōltōš* in the epic consciousness of the Mari means the archetype of *evil gold vouver*, human greed and strife.

The confrontation with such monsters as *Targōltōš* has become a real war for the representatives of the Mari ethnoworld. To fight against him, it is necessary to involve the Hero (*Талешке*) — a semiotic mediator, also involved in the 'frontier' space. *Nōnčōk-patōr*, the 'Bogatyr of dough', one of the favourite fairy-tale characters of the Mari people, the protector of the offended, rises to the war with

the enemy. The full version of this fairy tale was brought by Sergei Chavain in his novel ‘Elnet’ in the mid-30s of the 20th century. Nönčök-patōr defeats many different enemies. He often appears in the triad of bogatyrs, in which he turns out to be the most clever, strong and brave. He is not boastful of his strength, and in accordance with his name (нөнчык — doughy, soft, pliable) he is soft and benevolent in his treatment of friends and neutral characters.

In the heroic epic “Yugorno” Nönčök-patōr, who became a symbol of patience of the people, fights against Targōltōš together with the bogatyrs Čučka and Čoraj:

The battle was thundering till dark, / till dark it was going on: / singing, howling, cheering, / laughing, / cursing and begging, / and weeping, and roaring, / and gnashing teeth, / and wailing with mortal longing! / How many warriors died! / How many heroes were wounded! The Ijas trembled. The remnants / retreated to the dark grove / at the edge of the valley. / With them Targōltōš...

In a duel with Targōltōš, Čučka dies, Čoraj is killed, Nönčök-patōr is wounded; the whole earth is covered with bloody dew:

We will wash every body with bitter tears / But will we wash the earth? / With a kind word of remembrance, / sweet beer with a candle, / honey, butter and pancakes / we will soothe the souls of the fallen, / but will the grief be consoled? / We will put the heroes to sleep in the soft earth, on the felt. / but will our memory sleep? The wounds of the dead do not ache, / but will the pain of the people subside? ...Glory to the eternal heroes! /

The phenomenon of Targōltōš along with *Ija*, *Ovda*, *Karmakaj/Kajōkasō* in Mari mythology can be attributed to the archetypes of negative reflection in myth, the adversary of man. In literature they have received the name — ‘shadows’. ‘Shadow’ according to C. Jung is a manifestation of the individual unconscious, which includes all displaced experiences and complexes. ‘Shadow’, on the one hand, is the opposite of the conscious ego, but on the other hand — the consciousness of a person as if ‘comes out of the Shadow’, and their continuous connection and at the same time separation Jung called ‘the battle for liberation’. ‘The Shadow’ is a complex structure, which, in addition to the subconscious, includes the properties and attributes of the ego that are inaccessible to the Self, and also partially includes the collective unconscious [24]. In Mari narratives ‘shadows’ are *Targōltōš*, *Ija*, *Ovda*, *Karmakaj/Kajōkasō*. For example, *Ovda* in the epic “Yugorno” is depicted as a *terrible old woman, / whose face is similar to a bark, / whose fingers have hooks to climb / high trees, / whose breasts have long sacks / of raw sheepskin, / and her hair is like a broom, / that sweeps the drying-house; / one eye was redder than coal, / and the other blacker than night, / the feet were like beating stones, / and the stance was like an oak deck. / Ovda lived in a black pit under the earth.*

In the epic heritage of all peoples, the archetype of lower earthly spirits generates destructive processes in relation to the world of people, culture, representing another world (chthonos, chaos). ‘Within the framework of traditional culture, the monster is perceived, first of all, as a cultural antagonist, a representative of the semiosphere with the opposite hierarchy of values and behavioural attitudes’ [25]. Over time, these archetypes remain in the cultural landscape of the people, actively influencing individual and collective consciousness. Usually each person addresses them personally and brings gifts: pancakes, a piece of bread, cheese or pie. Such images are the source for numerous plots of works of literature and art.

Liberation from the tyrant. Antiheroes are also revealed in the chronotope of epic culture. Together with the heroes, they form a ‘two-voice’. Heroes aspire to be, personify eternity as identity; anti-heroes, aimed at possession, realise their thirst for immortality through fame, power and wealth [26]. In the system ‘Hero — Antihero’ of the epic “Yugorno” the antagonist of the Mari ethnomir is *Pektemör*. His ascent to the throne begins with the deception of his kin in the sacred grove, which generates alienation and mutual antagonism in the society. *Pektemör* hates his rivals, violates paternal traditions, and is pathologically afraid of death. It is he, the wicked and cruel prince, who has managed to take all the forest expanses ‘in all four directions’ to his hands, that the insidious *Targöltöš* chose, took possession of his soul and conspired with him. (A parallel with famous characters from Goethe’s literary heritage can be seen here.)

The prediction of the old sorcerer who once exclaimed *that a horned king would reign*. Now the epic *Pektemör* has a new name — *Tükan Šur* (Horned Horn): *They say that on Shurminka / the earth groans, / and the people howl. / Tükan the horned rules there / with a merciless hand. / He rules with a belted scourge, / with a narrow twisted whip, / with a strong stick, / with a knotted club, / with eternal fear*. It was in such a rule that he conspired with *Targöltöš*, receiving immortality in return.

Mari folk literature contains a lot of information about *Kugu on* — the Grand Prince *Šuran Šur* (Horned Horn). In the epic “Yugorno” he is called *Tükan Šur*. The Mari words *тыко* and *уш* are homonyms. As the famous Mari folklorist Vitaly Aktorin wrote, ‘the legends of the Kirov region contain a motif of mass resettlement of Mari under the leadership of Kukarka, Šuran Šur, Boltush: the Kukarka clan settled near the mouth of the Pizhma River at the site of the present-day town of Sovetsk, the *Šuran Šur* clan — at the site of the village of *Shurma* in Urzhumsky. *Shurma* village of the Urzhum district, Boltusha clan — in the place of the town of Malmyzh. Under a clan in legends a certain tribal group is understood: so *Šuran Šur* had old men-advisors, apparently, heads of clans — *Petegan kugyza*, *Shtrek kugyza*, *Oldygan kugyza*, *Tonatar kugyza* — founders of several settlements, *Mamash*, *Akmazik*, *Blika*, *Eshpolda*, *Aktigash*, *Tanay*, *Dolgoza*, *Chimbulat* are mentioned. The descendants of the clans distinguish each other to this day: those who consider their ancestor the Kukarki clan — *Shymakshan Mari* (*Shymaksh* — a type of headdress. *Note G. Sh.*), the *Šuran Šur* clan — speakers of the Urzhumo-

Shurma dialect of the Eastern dialect, the Boltusha clan — speakers of the Malmyzhsko-Kilmez dialect...

The name Shurma comes from a variant of the name Shurmari: it was Šuran Šur who founded a fortification on the place of the village... The existence of Mari towns along the Vyatka, mentioned in legends, is confirmed by sources. And, probably, they were not just fortifications against attacks of external enemies, but also political, trade, military centres that united different groups of Mari. Šuran Šur, having founded the city, ‘settled his tribe along the rivers Urzhumka, Bui, Nemda, Shinerka, Turek-Talmek, Yurgemka, Vedener, Shurminka, Roika, Oshlanka, Mazorka’ [16. P. 38, 40]. In the legend about this prince there is an indication that, having organised the principedom on Vyatka, he ‘has established yasak for simple people in the form of skins of animals, honey and the first-born boy from each family’ [16. P. 38]. Legends and legends depicted him as a tyrant, ‘as a demon-like cannibal: he prolonged his life by eating the hearts of ten-year-old children: any of the women three nights after the wedding could belong to him, and then he killed her first child’ [27. P. 127]. ‘Probably, the cannibalism of Šuran Šur is just a metaphorical expression of the slave trade characteristic of the medieval Middle Volga: the sold children were exported from here to the Eastern countries. The right of the first night and the selection of first-born children testify to the development of feudal relations, the unlimited power of the prince’ [16. P. 41].

Thus, the epic plot about the tyrant Tükan Šur in the poetic creation of A. Spiridonov “Yugorno. Song of the Prophetic Way” is a representation of the image of an anti-hero. With his description, anti-value, anti-meaning, anti-creation (as in the case of the archetype of the ‘shadow’) penetrate into the positive connotation of the axiosphere of the Mari epic. According to C. Jung, ‘the psychic system of collective, universal and impersonal nature is identical in all members of the species *Homo sapiens*’; ‘unconscious images of instincts ... models (patterns) of instinctive behaviour’ have timeless and extraspatial character, manifesting themselves in all people and in all cultures without exception and forming ‘universal and extra-historical codes of comprehension and description of the world’; ‘there are exactly as many archetypes as there are typical life situations’ [24. P. 70, 71, 76]. Against the background of classical thought about archetypes, the role of oral folk art in modern cultural consciousness is noticeable. The epic again and again actualises the hidden nature of human evil. Archpriest Alexander Men has very precisely revealed this theme: ‘...*the evil with which man is most closely in contact lives in himself: the will to dominance, to suppression and violence — on the one hand, and blind rebelliousness, seeking self-assertion and boundless space for instincts — on the other. These demons slumber at the bottom of the soul, ready to burst out at any moment. They are nourished by the sense of the ego as the only centre of value*’ [28]. So Tükan Šur, who considered himself immortal, only increased his fierceness and rage. But full of the anger of the people. Akmazik, who was in love with the tyrant’s daughter, was destined to become the people’s liberator, to fulfil the rightful

judgement over Tükan Šur. He knew: ‘*There is no death if you know for sure that victory is with you!*’. Akmazik hears the epic pathos:

Strengthen, dear land, / this holy host, / give them good fortune by the handful, / not by a small pinch, / feed them with good power / from the life-giving depths, / drink from the veins of your magical springs / with life-giving bright brogue — / for they are not just stones / from a roadside ditch, / but pearls of the people, / guests of fleeting life, / glitter of fleeting glory.

It was not Akmazik, not the sword, but all-powerful human Love that brought death to the cruel ruler: *The age of Tükan is over, the time has come for the young Chumbōlat!*

Conclusion

The poetic creation of the Mari heroic epic “Yugorno. Song of the Prophetic Way” by A. Spiridonov and A. Mokeev in Russian and Mari languages is an unprecedented fact of art, a unique cultural phenomenon that multiplies the cultural wealth of our multinational Fatherland. The value choice of the heroes of the epic submerges into the spiritual archeology of the unique ancient Mari people, guarantees understanding of deep wisdom, inner hidden laws of life, subtle movements of the human soul. Different variants of folklore ethnonarratives used by the author to create epic images, interaction of axiological dominants of the large Mari ethnoworld reconstruct the wholeness and unity of epic consciousness. Mythological characters are not tied to specific loci and are widespread everywhere. In the axiosphere of epics, the key idea in the understanding of life and its origins is the idea of nature. Through ritual (mystery) the Mari people embodied the idea of a proper natural order. Ancient Mari rites, customs, holidays, habits and skills predetermined a stable moral imperative. The formation of the value paradigm of the epic “Yugorno. Song of the Prophetic Way” was greatly influenced by the spiritual tradition with its myths, legends, epic legends, folk songs, universality/humanity of basic values. A. Spiridonov showed the ‘value centre’ of the life of the Mari people, which is expressed in the fact that it is not the individual feats of heroes that make up epic events (all epic heroes in one way or another fight death in all its manifestations) but the state of the people, its substance, its heroism. And this is indeed a ‘Experience of a Synthesis’, due to what characterises this work as a reflection of those distant Big and Small times, as echoes of heroic and tragic events, but, most importantly, it is still the sound of the loud voice of the present time, our post-postmodern 21st century. Indeed, the past interprets us:

Oh, Great Nature, White World, / Oš Kugu Pürtyš! — / a world where we are but children! — / teach us to live reasonably, / return what we have lost: / put your language in our mouths, / open yourself with your sight!

References

1. Aristotle. 1983. *Essays in four volumes*. Vol. 4. Moscow: Mysl. Print. (In Russ.)
2. Kant, I. 1965. *Essays in six volumes*. Vol. 4. Part 1. Moscow: Mysl. Print. (In Russ.)
3. Rokeach, M. 1973. *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press. Print. (In Russ.)
4. Veselovsky, A.N. 1989. *Historical poetics*. Moscow: Higher School. Print. (In Russ.)
5. Zhirmunsky, V.M. 1962. *The national heroic epic: comparative historical essays*. Moscow–Leningrad: Goslitizdat. Leningrad Publishing House. Print. (In Russ.)
6. Likhachev, D.S. 1967. *Poetics of ancient Russian literature*. Leningrad: Nauka. Print. (In Russ.)
7. Sokolov, Yu.M. 2007. *Russian folklore*. 3rd ed. Moscow: Publishing House of Moscow University. EDN: QTGKWV Print. (In Russ.)
8. Andreeva, L.A., and O.F. Khudobina. *Coloristic vocabulary in A.Ya. Spiridonov's epic "Yugorno" and its Mari translation*. 18 Oct. 2024, <https://scipress.ru/philology/articles/koloristicheskaya-leksika-v-epose-a-ya-spiridonova-yugorno-i-ego-marijskom-perevode.html> (In Russ.)
9. Koshaev, A.V. *The Mari heroic epic "Yugorno": the history of creation, themes, problematics, poetics*. 18 Oct. 2024, cyberleninka.ru/article/n/mariyskiy-geroicheskiy-epos-yugorno-istoriya-sozdaniya-tematika-problematika-poetika.pdf (accessed: 18.10.2024). (In Russ.)
10. Fedoseeva, N.A. 2020. " 'Tangyra' by Mikhail Atamanov and 'Yugorno' by Anatoly Spiridonov: a comparative and typological aspect." *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, vol. 14, no. 3, pp. 454–458. Print. (In Russ.)
11. Fedoseeva, N.A. 2021. Heroic epics "Dorvyzhy" and "Yugorno": similar motifs. In *Scientist. Poet. Publicist: on the sixtieth anniversary of V.M. Vanyushev's creative activity*. Izhevsk, pp. 54–59. Print. (In Russ.)
12. Shkalina, G.E., and R.A. Kudryavtseva. 2022. "The cultural and philosophical context of the axiosphere of Mari literature." *Bulletin of the Mari State University*, vol. 16, no 3, pp. 386–396. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-3-386-396> EDN: NLOOSP Print. (In Russ.)
13. Spiridonov, A.Ya. 2002. *Yugorno: song of the prophetic path: the epic of Mari: the experience of synthesis*. Yoshkar-Ola: Marevo. Print. (In Mari, Russ.)
14. Shkalina, G.E. 2019. *The Sacred world of Mari*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House. <https://doi.org/10.31483/r-113295> EDN: MQAWNN Print. (In Russ.)
15. Spiridonov, A.Ya. 2000. "From the author." *Onchyko*, no. 4, pp. 168–169. Print. (In Russ.)
16. Aktsorin, V.A. 2000. *The past of the Mari people in his epic*: Alpha. Print. (In Russ.)
17. Lipatov, A.T. 2002. "The heroic epic of the Mari people". In *Spiridonov A.Ya. Yugorno: song of the prophetic path: the epic of Mari: the experience of synthesis*. Yoshkar-Ola: Marevo, pp. 4–5. Print. (In Russ.)
18. Bakhtin, M.M. 2002. *Collected works*, vol 6. Moscow: Russian dictionaries; Languages of Slavic culture. Print. EDN: UKMGKB (In Russ.)
19. Jung, K.G. 1991. *Archetype and symbol*. Moscow: Renaissance. Print. (In Russ.)
20. Meletinsky, E.M. 1994. *On literary archetypes*. Moscow: Russian State University for the Humanities. EDN: WZUDXL Print. (In Russ.)
21. Miller, G.F. 1791. *Description of the peoples living in the Kazan governorate, such as Cheremis, Chuvash and Votyak*. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences. Print. (In Russ.)
22. Zolotnitsky, N.I. 1875. *Root Chuvash-Russian dictionary, compared with the languages and dialects of different peoples of the Turkic, Finnish and other tribes*. Kazan: Imp. University publ. Print. (In Russ.)
23. Kaliev, Yu.A. 2019. *Myths of the Mari people*. Yoshkar-Ola: Publishing house "Mari Book Publishing House". Print. (In Russ.)
24. Jung, K.G. 1997. *Consciousness and the unconscious: collection*. St. Petersburg: University Book. EDN: RUUYNZ Print. (In Russ.)

25. Kolosov, D.V. “*Shadows*” of the epic epoch. (In Russ.) 10 Oct. 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/teni-epicheskoy-epohi/pdf>
26. Gorelova, T.A. Khloponina, O.O., and O.V. Bezrukova. *Dynamics of the “Hero — Antihero” system in the history of culture*. (In Russ.) 12 Oct. 2024, https://www.academia.edu/96638140/dynamic_systemy_antigery_in_history_culture
27. *Toshto mari oi-vlak*. 1972. Yoshkar-Ola: Mari publishing House. Print. (In Mari)
28. Menʼ, A. *Son of Man*. (In Russ.) 1 Oct. 2024, https://modernlib.net/books/men_aleksandr/sin_chelo_vecheskiy_s_ilyustraciyami/read_5

Bio note:

Galina E. Shkalina — Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Culture and Arts, Mari State University, 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424001, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0790-6409. eLibrary SPIN-code: 9713-5822. Author ID (SCOPUS): 56610200700. Researcher ID (WoS): AL-8875-2021. E-mail: gshkalina@mail.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-172-181

EDN: HWPZFA

Научная статья / Research article

Литературные переводы на марийский язык: историко-культурный аспект

Н.А. Федосеева

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация
✉ fedna74@mail.ru

Аннотация. Художественные переводы являются ключевым этапом в обогащении национальной культуры, делая мировую словесность доступной для носителей языка и одновременно способствуя сохранению самобытности народа. Изучение переводов позволяет проследить не только историческое развитие марийского языка, но и определить роль перевода в становлении национальной литературной традиции. Исследование историко-культурных аспектов переводов позволяет выявить связи между разными эпохами и культурами, понять, как мировая литература воспринималась и адаптировалась в марийской культурной среде. Это способствует формированию целостного представления о культурных процессах в регионе. Этим определяется актуальность данной статьи. Цель работы — анализ литературных переводов на марийский язык с точки зрения их вклада в развитие марийской культуры, литературы и языка. Материалом послужили переводы текстов православной литературы, русской словесности. В ходе работы были использованы культурно-исторический и типологический методы. В данном исследовании освещены основные этапы перевода, выявлены ключевые авторы и произведения, оказавшие значительное влияние на марийский литературный процесс. Работа подчеркивает важность переводческой деятельности как инструмента межкультурного диалога и обмена, способствующего интеграции марийского языка в общероссийское культурное пространство.

Ключевые слова: перевод, марийская литература, русская словесность, православная литература, национальная литературная традиция

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Федосеева Н.А. Литературные переводы на марийский язык: историко-культурный аспект // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 172–181. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-172-181>

© Федосеева Н.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Literary Translations into the Mari Language: Historical and Cultural Aspect

Nadezhda A. Fedoseeva

Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev,
Yoshkar-Ola, Russian Federation
fedna74@mail.ru

Abstract. Literary translations are key in enriching the national culture, making world literature accessible to native speakers and at the same time contributing to the preservation of the identity of the people. The study of translations allows us to trace not only the historical development of the Mari language, but also to determine the role of translation in the formation of the national literary tradition. The study of the historical and cultural aspects of translations allows us to identify the connections between different eras and cultures, to understand how world literature was perceived and adapted in the Mari cultural environment. This contributes to a holistic view of cultural processes in the region. This determines the relevance of this article. The aim of the work is to analyze literary translations into the Mari language in terms of their contribution to the development of Mari culture, literature and language. The material was translations of texts of Orthodox literature, Russian literature. In the course of the work, cultural, historical and typological methods were used. This study highlights the main stages of translation, identifies key authors and works that have had a significant impact on the Mari literary process. The work emphasizes the importance of translation activities as a tool for intercultural dialogue and exchange, contributing to the integration of the Mari language into the all-Russian cultural space.

Key words: translation, Mari literature, Russian literature, Orthodox literature, national literary tradition

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Fedoseeva, N.A. 2025. "Literary Translations into the Mari Language: Historical and Cultural Aspect." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 172–181. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-172-181>

Введение

Художественные переводы на национальные языки играют важную роль не только в развитии словесности, но и культуры в целом, а их анализ позволяет выявить характерные особенности текстов в разных культурных контекстах. История марийской литературы показывает, что имеется достаточно богатый художественный материал. «Как правило, литература народа формируется не изолированно, а в постоянном взаимодействии с культурными достижениями других народов. Важнейшим способом усвоения традиций, осуществления духовных контактов, способствующих развитию каждого народа, взаимообогащения национальных литератур и культур является такое уникальное явление, как перевод» [1. С. 4].

В прошлом столетии проблемы перевода литературы на марийский язык рассматривались исследователями в контексте изучения творчества марийских

классиков [2; 3; 4; 5]. В последние годы ученые уделяют внимание вопросам о роли переводных произведений в развитии марийской литературы начала XX в. [6], о переводческой и книгоиздательской деятельности православных просветителей на марийском языке во второй половине XIX — начале XX в. [7].

Конечно, переведенные тексты требуют тщательного изучения и систематизации.

Результаты и обсуждение

История переводной литературы на марийском (горном и луговом) языке охватывает несколько периодов ее развития: 1) 1800–1867 гг.; 2) 1867–1917 гг.; 3) 1918–1953 гг.; 4) 1954–1985 гг. и 5) 1986 г. — настоящее время.

Первый и второй периоды связаны с переводами религиозных православных текстов.

В 1803 г. вышел указ Святейшего Синода о назначении перевода церковных молитв, Символа веры и десятилетия катехизиса на черемисский язык. Так, в 1804 г. появляется первый переводной катехизис на марийском языке «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественнаго писания. Сокращенный катехизис, в пользу черемис на их природной язык для удобнейшаго им уразумения православнаго христианскаго закона с присовокуплением некоторых молитв, Символа веры, и десятилетия: Переведенной в Казанской академии 1803 года, апреля месяца». За его основу взят катехизис митрополита Платона (Левшина) [8. С. 135, 144–145].

В 1821 г. по инициативе Библейского общества издаются Евангелие от Луки и четвероевангелие на горночеремисском наречии. Особое усердие в этом деле проявил священник Вознесенского храма с. Шапкилей Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне с. Пертнуры Горномарийского района Республики Марий Эл) Андрей Альбинский. Помимо перевода Святого Евангелия, по просьбе архиепископа Казанского Амвросия А. Альбинским в 1819 г. была переведена на черемисский язык «Божественная литургия Иоанна Златоустаго»¹. Книга издана в синодальной типографии города Москвы под названием «Ектении, возгласы и лик Божественной литургии переведенныя со славянскаго языка на черемисский».

В конце пятидесятих годов девятнадцатого столетия увидели свет книги «Сулуктэма ильмяшанъ кечя али ядышаланъ тыда гишанъ, Куце сулуктэокъ иляшь млямъ? Питерь халамъ анжаша Митрополитъ Григоріанъ келесьмяшъ» на горном и «Святой ильшашлыкынъ кече, али кузэ малнэмъ сулукудэ (языкдэ) иляшь? Питерь оламъ виктарэнъ-онжошо Митрополтъ Григоридэнэ возоктэнъ-иштэмо» на луговом наречии марийского языка. Это перевод сочинения митрополита Григория (Постникова) «День святой жизни или ответ на вопрос, как мне жить свято?». На марийский (горный) язык его перевели священники

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 2. Ед. хр. № 9105. Л. 5–6.

Михаил Кроковский и Михаил Ястребов. Издание включает в себя обращение священников к митрополиту. Ими отмечено, что архипастырь Григорий поручил им перевести этот труд и они будут поминать его в своих молитвах².

На марийский (луговой) язык сочинение переложили священник села Параты Казанского уезда (ныне Республика Марий Эл) Павел Вишневецкий и преподаватель черемисского языка в Казанской Духовной семинарии Алексей Канцеровский. К этой книге ими была написана пояснительная записка «Предупреждение от трудившихся в сем переводе», в которой объясняется, как надо читать текст марийцам, живущим в той или иной местности: «Равным образом при чтении черемисам Царевококшайского уезда, в приходах: Азановском, Акашевском, Кузнецовском, Цибикурском и Нурминском, в слова множественного числа кончащихся на шамычь и вообще во всех словах вместо буквы „ч“ надлежит употреблять „ц“. Например: вместо паша шамычь — дела, эргэ шамычим — сынов, должно читать: паша шамыць, эргэ шамыцьмь»³.

Тексты переложены по русской графической системе того периода, и переводы в большинстве своем сохраняют строй русского предложения, что, по сути, не подходило грамматике марийского языка. Характерной их чертой является то, что, несмотря на несоблюдение синтаксических норм марийского языка, эти тексты были важными с точки зрения формирования и становления письменности народа мари.

В 1867 г. в Казани при содействии Н.И. Ильминского открывается братство святителя Гурия, а в 1872 г. — учительская семинария. С их деятельностью активизируются работы по переводу церковных книг на марийский (горный и луговой) язык. Важно отметить, что именно в Казанской семинарии сложились зачатки марийской национальной интеллигенции. Необходимо также подчеркнуть, что переводная христианская литература на марийском языке этого периода, как и у других народов Поволжья, не выделялась из совокупности подобных работ. Она не только заложила основы переводческого процесса, но и оказывала мощное содействие формированию книжной культуры народа мари. Эта словесность стала основой литературных норм марийского (горного и лугового) языка. В рассматриваемый период в области перевода на марийский язык колоссальный труд сделан священником Гавриилом Яковлевым. Среди множества его переводческих сочинений необходимо отметить следующие издания: «Святое Евангелие от Матфея на луговом наречии черемисского языка» (1882, 1888), «Крещение Руси. Рассказ на луговом наречии черемисского языка» (1884, 1888), «Божественная литургия св. Иоанна Златоу-

² Сулуктэма ильмяшань кечя али ядышалань тыда гишань, Куце сулуктэокь иляшь мляшь? Питерь халамь анжаша Митрополить Григориянь келесьмяшь. Озань, 1858. 180 с.

³ Святой ильшашлыкынь кече, али кузэ малнэмь сулукдэ (языкдэ) иляшь? Питерь оламь виктарэнь-онжошо Митрополть Григоридэнэ возоктэнь-иштэмо. Озань, 1959. С. 4.

стого» (1885), «Требник на луговом наречии черемисского языка» (1885)⁴. Также при составлении букварей он переводил и включал в них разные тексты церковных молитв, заповеди, некоторые части Литургии. Об этом свидетельствует, например, последнее издание букваря Г. Яковлева 1908 г.⁵

Большая работа велась и в Казанской учительской семинарии, воспитанники которой занимались переложениями богослужебных текстов на свои родные языки. Такие произведения выполняли функции художественной литературы. Кроме того, народ знакомился с образцами византийской словесности на родном языке.

Переведенные произведения этого периода по жанровым признакам можно разделить на несколько групп: жития; поучения и проповеди; букварная литература. Кроме того, были переведены богослужебные тексты и молитвы; тексты Святого Писания; рассказы из Священной истории.

Переводная литература на родном языке народа мари выполняла функции художественной литературы, начала развиваться книжная культура, ранее не очень знакомая марийцам.

В начале XX в. зарождается профессиональная марийская литература, большая роль в этом принадлежит русской словесности. Практически переводческий процесс способствовал формированию марийской словесности. Основатель марийской литературы С. Чавайн отмечал в своей «Автобиографии»: «Кольцовын почеламутшо — шукужо руш калык муру гай. Садаланак мыланемат ушышкем пурыш: марий муру семын марий йылме дене почеламутым возен ончаш. Тöчен ончышам, лиеш. Вара руш-влакын возымыштым марлашке кусараш тöчышым, южыжым кертым»⁶ (Стихотворения Кольцова — большей частью похожи на русские народные песни. Поэтому и мне в голову пришла мысль: попробовать написать стихотворение на марийском языке подобно марийской песне. Попробовал, можно. Потом попытался перевести на марийский язык произведения русских поэтов, некоторые смог (пер. с марийского наш. — *Н.Ф.*).

Можем предположить, что на Чавайна оказал влияние П. Эмяш (Петр Григорьевич Григорьев, по рождению Шатров [9. С. 695]), который, по словам поэта-классика Николая Мухина, давал переводить много стихотворений, басен и другие произведения из русской литературы⁷. Петр Эмяш был учителем в Шоруньжинской школе (ныне Моркинского района Республики Марий Эл).

⁴ Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 968. Оп. 1. Д. № 168.

⁵ Букварь для луговых черемис, нравоучения, молитвы, символ веры, тропари, кондаки воскресные, великих праздников, святых и 10 заповедей / пер. и изд. Свящ. Г. Яковлева. Казань : Литотипография И.Н. Харитоновна, 1908. 176 с.

⁶ *Чавайн С.Г.* Собрание сочинений : в 3 томах. Том 2. Йошкар-Ола : Мар. кн изд-во, 1980. С. 81.

⁷ *Мухин Н.С.* Ойпого: ойырен налме произведений-влак. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1990. С. 6.

Там в то время учился и основоположник марийской литературы Сергей Григорьевич Чавайн.

Следует отметить, что переводы первых двух десятилетий прошлого столетия были свободными. В основном переводили тех русских писателей, чье творчество было близким по духу марийскому народу. Главным образом, это были произведения Александра Пушкина, Ивана Никитина, Николая Некрасова и др.

В 1930–1950-х гг. процесс перевода заметно активизируется. Готовились отдельные сборники, переводным текстам выделялись специальные страницы в местной периодической печати по случаю знаменательной даты русских писателей (либо к юбилею, либо к круглой дате со дня годовщины смерти). По всей видимости, это было связано с указаниями властей; об этом может свидетельствовать, например, постановление Совета народных комиссаров за № 1036 от 23 ноября 1940 г. об организации перевода и выпуске произведений Лермонтова на марийском (горном и луговом) языках к 100-летию со дня гибели русского поэта⁸. Переводы отличались точностью, некоторые из них сохраняли размер и другие составляющие формы оригинальных стихотворений.

Годы репрессий в Марийском крае, как и по всему Советскому Союзу, унесли жизни видных деятелей культуры. В их число попали С. Чавайн, О. Шабдар, И. Олык, Н. Мухин и др., занимавшиеся уже профессиональным переводом. Остались те писатели, которые только-только встали на путь марийской словесности. Произведения репрессированных писателей были изъяты и запрещены. Чтобы заполнить эту нишу, в учебники и учебные пособия по родному языку и литературе начали включать переводные произведения, причём не только классиков русской словесности, но и сочинения представителей других национальностей.

Е.В. Остапова справедливо отмечает о коми переводах, что «первоочередным принципом отбора литературы для перевода было ее соответствие революционным преобразованиям» [10. С. 80]. Такая же картина наблюдалась и в марийской словесности. Были переведены революционные марши и гимны, в том числе знаменитый «Интернационал» Эжена Потье.

В соответствии с идеологическими установками советского государства в литературе развивалась тема руководителей страны; главными героями произведений, конечно же, были Сталин и Ленин. Соответственно создавались произведения, посвященные вождям пролетариата, и параллельно они переводились на языки народов СССР. Отметим некоторые из них в переводе на марийский язык: К. Паустовского «Файреддин ден Ленин» — «Файреддин и Ленин» (переводчик не указан); М. Исаковского «Мавзолей воктене» — «У мавзолея» (пер. М. Казакова); сказ русского народа «Тыйын сугынет почеш чыла шукталтын» — «По твоему завету все свершилось» (пер. М. Казакова);

⁸ Государственный архив Республики Марий Эл. Фонд Р-722. Оп. 1. Д. № 4.

А. Суркова «Полководец» (пер. М. Казакова); белорусская народная песня «Сталинлан муро» — «Песня Сталину» (пер. А. Айзенворта); удмуртская народная песня «Кече дечат волгыдо» — «Светлее солнца» (пер. А. Айзенворта); Д. Джабаева «Великий Сталинский закон» (пер. М. Казакова); Д. Джабаева «Ленинын мавзолейыштыже» — «В мавзолее Ленина» (пер. М. Казакова, на горномарийский — Н. Ильякова); белорусский сказ «Ленинын чынже» — «Правда Ленина» (пер. И. Стрельникова); русский сказ «Тыйын оет почеш чыла ышталт шуын» — «По твоему слову все свершилось» (пер. И. Стрельникова); саамскую народную песню «Сталин пала» — «Сталин знает» (переводчик не указан); С. Михалкова «Мӓ гишӓннӓ Сталин шана» — «О нас думает Сталин» (переводчик не указан); С. Михалкова «Ленинын музейышты» — «В музее Ленина» (переводчик не указан); аварскую народную песню «Тынынь первый тольыц дӓ эдемеш лымдыштыц» — «Ты первым пришел и назвал человеком» (переводчик не указан); Я. Купалы «Сталинлӓн» — «Сталину» (переводчик не указан) и др.

Кроме практики публикации отдельных переводных текстов в разных сборниках, учебных пособиях и периодической печати встречались и специальные издания переводов. Так, были переведены на марийский (горный и луговой) язык и изданы сборники произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, В. Маяковского, Т. Шевченко, М. Горького, И. Тургенева и др. Все это свидетельствовало о том, что марийская словесность обогащалась и развивалась не в узких региональных рамках, марийский читатель мог знакомиться с иной, в том числе русской, культурой.

Важно подчеркнуть, что Пушкин, классик русской национальной литературы, с помощью переводов на марийский язык стал связующим звеном между русской и марийской литературными традициями; его произведения часто использовались для изучения универсальных тем (любовь, свобода, справедливость и мораль и др.). Переводы его поэтических и прозаических текстов на марийский язык были включены в учебную литературу, соответственно, учащимся была дана возможность не только знакомиться с наследием великого поэта, но и глубже осознавать литературные традиции своего народа, видеть и понимать красоту родного (марийского) языка.

Введение произведений русских писателей в школьные программы способствовало укреплению межкультурного диалога и расширяло горизонты восприятия литературы, помогая учащимся видеть сходства и различия между родной и русской, а также зарубежной литературами. Переложения были максимально близки к оригиналам по содержанию и форме. В поэтических текстах переводчики пытались отразить их оригинальную ритмическую структуру (размер, форму стихотворений), уделяя большое внимание художественной форме произведений. Следует заметить, что переводчиками в создаваемых ими марийскоязычных текстах иногда использовались русские заимствования — несмотря на то, что уже имелись марийские языковые эквиваленты.

Основными переводчиками в первой половине XX в. были Александр Ток, Анатолий Бик, Анатолий Айзенворт, Антонов Ивук, Василий Бычков, Вениамин Иванов, Василий Симолкин, Василий Элмар, Гурий Кармазин, Иван Осмин, Илья Стрельников, Кузьма Смирнов, Константин Беляев, Леонид Илюш, Михаил Смородинов, Макс Майн, Миклай Казаков, Никандр Ильяков, Олык Ипай, Ёыван Осмин, Шабдар Осып, Пет Першут, Семен Вишневский, Смородинов, Содорн, Ёпымарий (Валериан Михайлович Васильев), Сергей Чавайн, Чалай Васлий, Шадт Булат, Яньш Ялкайн, Владимир Семенов. Они активно переводили не только русскую классику, но и произведения писателей нового (советского) времени — как широко известных (Дмитрий Фурманов, Михаил Шолохов, Максим Горький), так и менее известных и менее популярных (Константин Тренев, Владимир Билль-Белоцерковский); также они обращались в переводческой работе к европейской классике (например, к Шарлю Перро) и к литературам народов Поволжья (например, к творчеству Никифора Васянки).

В этот период имели место разного характера пересказы, переложения, которые предстоит ещё выявлять и оценивать, предстоит большая работа по аналитической характеристике переводческой деятельности марийских писателей.

Во второй половине XX в. основополагающей идеей в жизни государства была идея интернационализма. В связи с этим значительно вырастает количество переводов произведений советских и зарубежных писателей на русский язык, но заметно сокращается издание переводной литературы на марийском языке, которая в основном функционирует на страницах республиканской периодической печати. На марийский язык были переложены произведения известных татарских поэтов Габдуллы Тукая, Мусы Джалиля, удмуртских и чувашских писателей. Плодотворно работали в переводческой сфере Анатолий Бик, Валентин Колумб, Геннадий Матюковский, Аркадий Канюшков и др.

С середины 1980-х гг. повысился интерес к переводу произведений финно-угорских писателей (он сохраняется и по настоящее время). Буквально пару лет назад на горномарийском языке издан карело-финский эпос «Калевала» в переводе Геннадия Матюковского. Имеются прямые переводы финской и эстонской литературы на марийский язык Валерия Аликова, Валерия Вершинина, Василия Яналова и др. На современном этапе в качестве переводчиков много и плодотворно работают Анатолий Тимиркаев, Альбертина Иванова, Геннадий Сабанцев-Ояр, Василий Регеж-Горохов, Юрий Соловьев, Зоя Дудина, Светлана Архипова и др. Как и в предыдущие периоды, к юбилеям писателей переводятся их известные произведения, как, например, «Евгений Онегин» А. Пушкина, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира. Следует также отметить, что в начале XX в. возобновились переводы православной литературы. Из Святого Писания изданы Новый Завет и Псалтирь.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что история переводческой деятельности в Марийском крае имеет большую историю, сформировались традиции перевода, сама переводная литература на марийском (горном и луговом) языках неоднородна. Необходимы исследования о переводческой деятельности и каждого из писателей, предстоит долгая и кропотливая работа по выявлению новых имен и оценке их труда.

Переводы сыграли важную роль в зарождении, сохранении и развитии марийской культуры и языка. Они стали способом передачи знаний, традиций и культурных ценностей, а также интеграции марийского народа в более широкий культурный контекст в условиях Российской империи, Советского Союза и России. Литературные переводы на марийский язык всегда сталкивались с определенными языковыми и культурными барьерами. Переводчики часто оказывались в ситуации, когда нужно было искать эквиваленты для понятий, не существующих в марийской культуре, что требовало творческого подхода и адаптации оригинала. Это, в свою очередь, формировало специфические черты марийского литературного перевода. Переводная литература сыграла заметную роль в формировании марийской словесности. Через переводы классических произведений мировой литературы марийские читатели получили доступ к богатству мировой культуры, что способствовало расширению кругозора читателей и формированию национальной идентичности.

Переводы способствуют развитию межкультурного диалога и сохранению культурных традиций. Они играют важную роль в обогащении марийской литературы новыми жанровыми формами и стилями. Через переводы произведений русской и мировой литературы марийские писатели перенимают опыт других литературных традиций, адаптируя их к особенностям своего языка и культуры. Это способствует расширению художественных горизонтов и улучшению качества литературного творчества на марийском языке.

Список литературы

1. *Остапова Е.В.* Коми литература в зеркале перевода : монография [Текстовое науч. электр. издание на компакт-диске]. Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 86 с. EDN: XDRCKJ
2. *Мухин-Сави В. С.Г.* Чавайн // Тўналтыш ошкыл. Йошкар-Ола : Книгам лукшо мар. изд-во, 1975. С. 29–34.
3. *Шабдар О. А.С.* Пушкин марий литературышо // Тўналтыш ошкыл. Йошкар-Ола : Книгам лукшо мар. изд-во, 1975. С. 91–98.
4. *Васин К. М.Ю.* Лермонтов да марий литература // Марий коммуна. 1954. 15 окт.
5. *Васин К.К.* Страницы дружбы. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1959. 152 с.
6. *Бурков Л.Н.* Роль переводных произведений в развитии марийской литературы начала XX века // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 285–288. EDN: PJVGNZ
7. *Исхаков Р.Р.* Переводческая и книгоиздательская деятельность православных просветителей на марийском языке (вторая половина XIX – начало XX века) // Исторический поиск. 2020. Т. 1, № 1. С. 80–91. EDN: VMHOYS

8. Ильминский Н.И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань : Тип. Императорского ун-та, 1883. 356 с.
9. Писатели Марий Эл : биобиблиограф. справочник / сост. А. Васинкин, В. Абукаев и др. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 2008. 752 с.
10. Остапова Е.В. Перевод в контексте коми литературы 20-х гг. XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1): в 2 частях. Ч. II. С. 80–82. EDN: MUUNZJ

References

1. Ostapova, E.V. 2016. *The Komi literature through the mirror of translation*. Syktyvkar, 2016. 86 p. EDN: XDRCKJ Print. (In Russ.)
2. Mukhin-Savi, V. 1975. "S.G. Chavain." *In The first steps*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, pp. 29–34. Print. (In Mari)
3. Shabdar, O. 1975. "Pushkin in Mari literature." *In The first steps*, pp. 91–98. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House. Print. (In Mari)
4. Vasin, K. 1954. "M. Y. Lermontov and Mari literature." *Mari commune*: October 15th. Print. (In Mari)
5. Vasin, K.K. 1959. *Friendship Pages*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House. Print. (In Russ.)
6. Burkov, L.N. 2012. "The role of the translated works of literature in the development of ethnic minority beginning of the twentieth century." *Bulletin of the Chuvash University*, no. 4, pp. 285–288. EDN: PJVGNZ Print. (In Russ.)
7. Iskhakov, R.R. 2020. "Translation and publishing activities of orthodox educators in the Mari language (second half of 19th — beginning of 20th century)." *Historical search*, vol. 1, no. 1, pp. 80–91. EDN: VMHOYS Print. (In Russ.)
8. Ilminsky, N.I. 1883. *The experiments of translating Christian doctrinal books into Tatar and other foreign languages at the beginning of this century*. Kazan: Printing house of the Imperial University. Print. (In Russ.)
9. *Writers of Mari El: a bibliographic reference*. 2008. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House. Print. (In Russ.)
10. Ostapova, E.V. 2008. "Translation in the context of Komi literature of the 20th century". *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, vol. 1, no. 1, pp. 80–82. EDN: MUUNZJ Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Федосеева Надежда Александровна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории им. В.М. Васильева, Российская Федерация, 424000, Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44. ORCID: 0009-0004-5111-1744. E-mail: fedna74@mail.ru

Bio note:

Nadezhda A. Fedoseeva is a Candidate of Philology, Leading Researcher, Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasiliev, 44 Krasnoarmeiskaya St, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-5111-1744. E-mail: fedna74@mail.ru

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

BILINGUAL EDUCATION

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-182-189

EDN: HWVSMQ

Научная статья / Research article

Текст как средство формирования межкультурной коммуникации в языковом образовании

Т.А. Волкова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

✉ tat.volkova2912@gmail.com

Аннотация. Рассматривается одна из важных проблем методики преподавания языков — формирование межкультурной коммуникации. Так как Республика Марий Эл является многонациональной, поликультурной, вопросы языкового образования приобретают особую актуальность. Анализируется роль текстов в современной межкультурной концепции преподавания языков в учебно-образовательном процессе. Подчеркивается тесная связь языка и культуры, при этом отмечается, что различия между представителями различных этносов, проявляющиеся не только на уровне знания/незнания языка, но и в других сферах, могут быть преодолены при проникновении в культуру народа. Речь идет не только об обучении иностранным языкам, но и о преподавании русского языка в условиях поликультурности и многоязычия, которые наиболее ярко проявляются в настоящее время на территории республики. Особое внимание уделено обращению к текстам различных типов, функциональных стилей при изучении дисциплины «Русский язык и культура речи». Описаны способы обращения к тексту при изучении тем «Литературные нормы русского языка», «Функциональные стили», «Культура устного и письменного делового общения», «Речевой этикет. Этика речевого общения», «Этапы подготовки и проведения публичных выступлений», «Культура дискуссии и полемики».

Ключевые слова: текст, культура, межкультурная коммуникация, образование, язык, русский язык, марийский язык, поликультурность, многоязычие

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Волкова Т.А. Текст как средство формирования межкультурной коммуникации в языковом образовании // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 182–189. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-182-189>

© Волкова Т.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Text as a Means of Forming Intercultural Communication in Language Education

Tatiana A. Volkova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

✉ tat.volkova2912@gmail.com

Abstract. In the study one of the important problems of the methodology of teaching languages is considered — the formation of intercultural communication. Since the Republic of Mari El is multinational, multicultural, issues of language education are particularly relevant. In this article the analyze of the role of texts in the modern intercultural concept of teaching languages in the educational process is performed. The close connection between language and culture is emphasized, while it is noted that the differences between representatives of different ethnic groups, manifested not only at the level of knowledge/ignorance of the language, but also in other areas, can be overcome by penetrating into the culture of the people. This is not only about teaching foreign languages, but also about teaching the Russian language in the context of multiculturalism and multilingualism, which are most clearly manifested at present in the republic. Particular attention is paid to referring to texts of various types, functional styles when studying the discipline “Russian language and culture of speech”. The article describes ways of referring to the text when studying the topics “Literary norms of the Russian language”, “Functional styles“, “Culture of oral and written business communication”, “Speech etiquette. Ethics of speech communication”, “Stages of preparation and conducting public speeches”, “Culture of discussion and controversy”.

Key words: text, culture, intercultural communication, education, language, Russian language, Mari language, multiculturalism, multilingualism

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Volkova, T.A. 2025. “Text as a Means of Forming Intercultural Communication in Language Education.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 182–189. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-182-189>

Введение

Понятие текста является одним из основных в лингвистике и методике, но при этом сложным объектом анализа. Единое определение его до сих пор отсутствует в связи с тем, что текст исследуется в различных направлениях.

Исследованием структурной и содержательной стороны текста занимается такая область лингвистики, как стилистика текста. Восприятие текста изучается лингвистикой текста и психолингвистикой. Анализируется он также в системе «говорящий — текст — слушающий». Рассматривается конструктивная, семантическая, коммуникативно-прагматическая организация текста.

Чаще всего в настоящее время лингвисты и методисты к текстам относят не только письменные образцы (прежде всего художественные), но и устные. «Только весь массив текстов, функционирующих в социуме (текстов на родном, „природенных“ и чужих языках), позволит осмыслить духовную культуру этноса» [1. С. 15], оценить уровень сформированности коммуникативной ком-

петенции и способности взаимодействовать с представителями других национальностей.

В современной методике преподавания русского и иностранных языков тексты играют важную роль, так как «способствуют установлению диалога между представителями разных культур» [2], выступая «как минимальная культурно-языкоречевая единица образовательного процесса» [3. С. 118]. Если рассматривать текст под подобным углом зрения, он исследуется в качестве единицы межкультурных связей, так как именно через тексты происходит познание других этносов. Именно культура определяет основные сущностные характеристики текстов, поэтому не случайно в настоящее время методисты подчеркивают влияние межкультурных связей, взаимодействия культур на процесс обучения языку как иностранному (неродному), так и родному.

Вопросам взаимоотношений между языком и культурой посвящены труды Н.Д. Арутюновой [4], В.В. Красных [5], С.Г. Тер-Минасовой [6], Е. М. Верещагина и В.Г. Костомарова [7], А. Вежбицкой [8], А.П. Садохина [9] и др.

Результаты и обсуждение

Республика Марий Эл (РМЭ) является многонациональной, мультикультурной. Не случайно одной из проблем, стоящих перед системой образования, является обучение русскому языку как неродному, знакомство с культурой проживающего на территории РМЭ населения. При этом в связи с усилением миграционных процессов актуальными становятся вопросы межкультурного взаимодействия не только русских, которые, по данным Всероссийской переписи 2020 г., составляют 47 % населения республики, мари (36,4 %), татар (4,3 %), но и представителей более 100 других национальностей. Поскольку университеты, будучи центрами образования и культуры, объединяют как студентов — граждан РФ, так и представителей ближнего и дальнего зарубежья, вопросы межнационального взаимодействия, установления межкультурных связей приобретают особую остроту.

Важнейшее место в жизни общества занимает язык. Следует отметить, что родной язык является средством идентификации личности. Без знания языка невозможно национальное самосознание, установление связей с социумом. Законы «О языках народов Российской Федерации», «О языках в Республике Марий Эл» характеризуют языки и в качестве национального достояния, и в качестве историко-культурного наследия. При этом в Республике Марий Эл, выступающей как многонациональное территориальное образование, на государственном уровне поставлена цель способствовать развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия¹.

¹ Закон Республики Марий Эл от 26 октября 1995 г. № 290–111 «О языках в Республике Марий Эл». URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/20792044/paragraph/2063:0> (дата обращения: 15.12.2024).

Особую роль играет язык в системе образования, являясь источником получения знаний по всем изучаемым предметам, средством их передачи. Владение языком оказывает непосредственное влияние на качество образования. При этом знание родного языка обеспечивает формирование личности, а знание русского языка — приобщение к культуре русского народа. То и другое необходимо для воспитания разносторонне развитой личности.

Однако, как отмечают исследователи, в условиях общения представителей различных народов языковые затруднения оказываются далеко не единственным препятствием к установлению взаимопонимания. «Национально-специфические особенности самых разных компонентов культур-коммуникантов (особенности, которые делают возможной реализацию этими компонентами этнодифференцирующей функции) могут затруднить процесс межкультурного общения» [10. С. 77]. Так, С.Г. Тер-Минасова в качестве одного из примеров в различии восприятия реалий представителями разных культур рассматривает социокультурный аспект цветообозначений, в частности белого и черного цветов [6. С. 81–85].

Различия между представителями различных этносов могут проявляться в разных областях: традициях, бытовом и деловом общении, знании реалий, произведений художественной литературы, картин мира индивидуальных и национальных. Воплощением картины мира является и язык. При этом, как отмечает А. Вежбицкая, «картина мира, запечатленная в одном языке, может отличаться от картины, запечатленной в другом» [11. С. 389]. Незнание национальной картины мира иного народа также может затруднять коммуникацию. То есть для эффективного общения между представителями разных культур нужно преодолеть барьер между культурами.

Именно работа с текстом, в котором также находит воплощение картина мира, может рассматриваться в языковом образовании в качестве средства формирования межкультурной коммуникации. И речь должна идти не только об обучении русскому языку как иностранному, но и о преподавании русского языка в условиях поликультурности и многоязычия, которые наиболее ярко проявляются в настоящее время.

Не случайно Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, определяя требования к результатам освоения основных профессиональных образовательных программ, подчеркивают необходимость для выпускников овладения такими универсальными компетенциями, как способность «осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном (-ых) языке (-ах) ... воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах» [2]². Выпуск-

² Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя про-

ники, работающие в сфере образования и культуры, должны обладать способностью осуществлять профессиональную деятельность в условиях полиэтнической образовательной среды.

Студенты, обучающиеся прежде всего по направлениям, связанным с образованием в области родного языка и литературы, иностранного языка овладевают данными компетенциями, в частности, при изучении таких дисциплин, как «Лингвострановедение», «Культурология» и др., но особое значение в методике преподавания русского языка как родного и неродного приобретает предмет «Русский язык и культура речи».

Важную роль в преподавании этой дисциплины имеет выбор текстов для более глубокого знакомства с национальной картиной мира, то есть методика преподавания русского языка является по сути текстоориентированной.

Вопросы межкультурной коммуникации могут быть подняты при изучении всех функциональных стилей и типов речи. Наиболее ярко национальная картина мира изучаемого языка проявляется в произведениях поэтов и писателей, то есть при изучении текстов художественного и публицистического стилей. Однако сложность работы именно с текстами данных стилей состоит в том, что зачастую носители другого языка воспринимают содержание произведения через призму собственных, национальных реалий, не учитывая специфики картины мира неродного языка, нашедшей отражение в тексте, что требует особой работы при чтении, анализе и комментировании литературных образцов. Изучение аутентичных текстов художественного и публицистического стиля позволяет обратить внимание и на языковые нормы, благодаря обращению к которым студенты лучше понимают особенности употребления языковых единиц в речи, дополнительные смысловые оттенки, познакомиться с реалиями, помогающими правильно толковать явления и факты, относящиеся к жизни народа.

В ходе изучения произносительных норм русского языка студенты, для которых русский язык является вторым, могут почувствовать звучность и мелодичность речи при знакомстве с приемами звукописи в произведениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева и других писателей и поэтов, а также познакомиться с историческими изменениями норм.

Лексика и фразеология представляют особый интерес в плане понимания языковой картины мира. Специфика текстов фольклорных, исторических, содержащих историзмы и архаизмы, этнокультурные элементы, требует особых пояснений. Для понимания легенд и мифов необходимо знание не только истории, но и специфики национального сознания этноса, соединение социокультурного, этнографического подходов к отбору текстов и комментарию.

филиями подготовки). URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440305_B_3_15062021.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

Сопоставление единиц родного и изучаемого языков позволяет будущим специалистам лучше понять языковые системы родного и изучаемого языков, их взаимосвязь.

В работе над лексическими и грамматическими нормами интерес представляет использование богатейшего собрания текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка — прежде всего, в «Основном корпусе». «Устный корпус» и «Мультимедийный корпус» позволяют получить лучшее представление о звучащей речи. Занятия на материале так называемого «Обучающего корпуса» (раздел «Портрет слова») усиливают практическую направленность работы.

В то же время при изучении тем «Культура устного и письменного делового общения», «Речевой этикет. Этика речевого общения», «Этапы подготовки и проведения публичных выступлений» студентами могут быть самостоятельно подготовлены публичные выступления, в которых возможно обращение не только к культурным традициям русского народа, но и к фактам истории и быта других народов, проживающих в Республики Марий Эл. Выступления могут быть предназначены для работы со студентами, обучающимися на различных факультетах ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», и посвящены городам и другим населенным пунктам республики (Йошкар-Ола, Козьмодемьянск, Волжск, Звенигово), природе в целом и национальному парку «Марий Чодра», а также легендам, связанным с историей рек (Волга, Большая и Малая Кокшага, Илеть и др.), озер (Кичиер, Таир, Яльчик и др.), деятелям культуры республики (И.В. Ефимов, И.М. Ямбердов, В.П. Куприянов, И. Кырля и др.), мифам и сказкам народа мари и т.п. Подготовка подобных выступлений помогает не только работать над коммуникативными навыками, но и лучше узнать культуру своего народа. Взаимодействие с представителями других национальностей, в том числе студентами из ближнего и дальнего зарубежья, позволяет узнать об истории, традициях других этносов, расширить представление о мире.

Тема «Культура дискуссии и полемики» предполагает обсуждение вопросов, связанных с межнациональным, межкультурным общением, что способствует межкультурной коммуникации, направленной на взаимообогащение культур.

Заключение

Таким образом, тексты являются одним из важнейших средств языкового образования. Они могут содержать обращение к традициям, обычаям, обрядам, фактам истории, краеведческому материалу, литературным произведениям, национальной языковой картине мира. При этом, по сути, текст становится элементом целостной системы: «Реальная картина мира» — «Культурная картина мира» — «Текст» — «Речь». Занятия должны быть диалогом культур, что позволит обучающимся не только лучше узнать язык и историю

собственного народа, но и других национальностей, анализировать языковые явления с учетом культурно-исторического развития, а учебный процесс превратить в диалог культур.

Список литературы

1. Теория текста / Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова, Н.В. Панченко, А.А. Чувакин. Москва : Флинта, Наука, 2010. 132 с. EDN: SDQBAL
2. Русецкая О.Н. Текст как компонент содержания обучения иностранным языкам // Вестник Амурского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-kak-komponent-soderzhaniya-obucheniya-inostrannym-yazykam> (дата обращения: 15.12.2024). EDN: PZJLNL
3. Межкультурное образование в вузе: лингводидактические стратегии и практики / Е.Г. Тарева, А.В. Анненкова, О.А. Гаврилюк, Е.С. Дикова, А.А. Казанцева и др. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. 232 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. 896 с. EDN: YLAWAR
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва : Гнозис, 2002. 284 с.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва : Слово / Slovo, 2000. 624 с. EDN: YQOZJO
7. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. Москва : Индрик, 2005. 1040 с. EDN: SDWUYH
8. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва : Языки славянской культуры, 2001. 288 с. EDN: SUMHVV
9. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Москва : Высшая школа, 2005. 310 с. EDN: QUBCDR
10. Текст как явление культуры / Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1989. 196 с. EDN: TTPBAF
11. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. Москва : Языки славянских культур, 2011. 568 с.

References

1. *Text theory*. Edited by Yu.N. Zemskaya. 2010. Moscow: Flinta, Nauka publ. EDN: SDQBAL Print. (In Russ.)
2. Ruseckaja, O.N. 2011. "Text as a component of foreign language teaching content." *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija. Gumanitarnye nauki*, no. 52. 15 Sept. 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-kak-komponent-soderzhaniya-obucheniya-inostrannym-yazykam> EDN: PZJLNL (In Russ.).
3. Tareva, E.G. et.al. 2020. *Intercultural education at the university: linguodidactic strategies and practices*. Saint-Petersburg: Nestor-Istorija publ. Print. (In Russ.)
4. Arutjunova, N.D. 1999. *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian culture. EDN: YLAWAR Print. (In Russ.).
5. Krasnyh, V.V. 2002. *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology*. Moscow: Gnozis. Print. (In Russ.).
6. Ter-Minasova, S.G. 2000. *Language and intercultural communication*. Moscow: Slovo. EDN: YQOZJO Print. (In Russ.).
7. Vereshhagin, E.M., and V.G. Kostomarov. 2005. *Language and culture. Three linguistic concepts of foreign studies: lexical background, speech-behavioral tactics, and sapienteme*. Moscow: Indrik. EDN: SDWUYH Print. (In Russ.).

8. Vezhbickaja, A. 2001. *Understanding cultures through keywords*. Moscow: Languages of Slavic culture publ. EDN: SUMHVV Print. (In Russ.).
9. Sadohin, A.P. 2005. *Introduction to the theory of intercultural communication*. Moscow: Higher School. EDN: QUBCDR Print. (In Russ.).
10. *Text as a cultural phenomenon*. 1989. Novosibirsk: Science, Siberian Branch. EDN: TTPBAF Print. (In Russ.).
11. Vezhbickaja, A. 2011. *Semantic universals and basic concepts*. Moscow: Languages of Slavic cultures. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Волкова Татьяна Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин и методики их преподавания, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1. ORCID: 0000-0003-1630-8635. eLibrary SPIN-код: 4440-5521. WOS Research ID: F-5138-2014. E-mail: tat.volkova2912@gmail.com

Bio note:

Tatiana A. Volkova is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of General Educational Disciplines and Methods of Teaching, Mari State University, 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1630-8635. eLibrary SPIN-code: 4440-5521. WOS Research ID: F-5138-2014. E-mail: tat.volkova2912@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-190-197

EDN: IASIRV

Научная статья / Research article

Культурологический подход в интегрированном обучении марийскому языку и культуре

В.В. Константинова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

 mar.pedagog@gmail.com

Аннотация. Возникновение новых подходов и их использование в обучении и воспитании подрастающего поколения является ответом образования на социальный заказ общества. Каждый из подходов имеет методическую ценность, поэтому активно используется в системе российского образования. Не исключением является и методика обучения марийскому языку, которая находится в поиске наиболее эффективных подходов обучения. Это связано с уменьшением количества часов в учебном плане, а также с падением интереса подрастающего поколения к родному (национальному) языку. Современная методическая наука анализирует потенциал методологических подходов и методов для организации процесса обучения языкам. В исследовании рассматривается вопрос использования культурологического подхода при организации интегрированного обучения марийскому языку и культуре. Данный подход способствует осмыслению процесса обучения марийскому языку на материале культуры марийского народа. Культурологический материал формирует у обучающихся уважение к народу мари средствами языка и культуры. Интегрированное обучение реализуется во многих общеобразовательных организациях Республики Марий Эл. Выбор данного подхода при интегрированном обучении марийскому языку и культуре объясняется тем, что содержание учебного материала наполняется культурологическим материалом. В процессе изучения языка обучающиеся знакомятся с культурой марийского народа. Такой материал активизирует познавательный интерес обучающихся к изучению языка. Цель исследования — рассмотреть педагогический потенциал культурологического подхода для организации интегрированного обучения марийскому языку и культуре. Материалом исследования послужили научные работы зарубежных и отечественных исследователей об использовании культурологического подхода в обучении языкам, а также учебные программы и пособия по марийскому языку в контексте проблемы исследования. На основе результатов экспериментального исследования сформулированы выводы о целесообразности использования культурологического подхода для организации интегрированного обучения марийскому языку и культуре.

Ключевые слова: марийский язык, культура, культурологический подход, интегрированное обучение, обучающиеся, содержание обучения, программа курса

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Константинова В.В. Культурологический подход в интегрированном обучении марийскому языку и культуре // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 190–197. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-190-197>

© Константинова В.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Cultural Approach in Integrated Teaching of the Mari Language and Culture

Valentina V. Konstantinova

Mari State University, *Yoshkar-Ola, Russian Federation*

✉ mar.pedagog@gmail.com

Abstract. The emergence of new approaches and their use in the education and upbringing of the younger generation is the response of education to the social order of society. Each of the approaches has methodological value, therefore it is actively used in the Russian education system. The Mari language teaching methodology is no exception, which is in search of the most effective teaching approaches. This is due to a decrease in the number of hours in the curriculum, as well as a decrease in the interest of the younger generation in their native (national) language the language. Modern methodological science analyzes the potential of methodological approaches and methods for organizing the language learning process. The article considers the issue of using a cultural approach in the organization of integrated teaching of the Mari language and culture. This approach contributes to the understanding of the process of teaching the Mari language on the basis of the culture of the Mari people. Cultural material forms students' respect for the Mari people by means of language and culture. Integrated education is implemented in many educational institutions of the Republic of Mari El. The choice of this approach in the integrated teaching of the Mari language and culture is explained by the fact that when teaching the language, the content of the educational material is filled with cultural material. In the process of learning the language, students get acquainted with the culture of the Mari people. Such material activates the cognitive interest of students in learning the language. The purpose of the study is to consider the pedagogical potential of the cultural approach for the organization of integrated teaching of the Mari language and culture. The research material was the scientific works of foreign and domestic researchers on the use of a cultural approach in language teaching, as well as curricula and manuals on the Mari language in the context of the research problem. Based on the results of the experimental study, conclusions are formulated on the expediency of using a cultural approach to organize integrated teaching of the Mari language and culture.

Key words: Mari language, culture, cultural approach, integrated learning, students, learning content, course program

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Konstantinova, V.V. 2025. "Cultural Approach in Integrated Teaching of the Mari Language and Culture." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 190–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-190-197>

Введение

Методическая наука всегда находилась в поиске наиболее эффективных подходов, дающих качественные результаты во владении обучаемым языком. Не исключением являются и методисты в области обучения марийскому языку. Еще в XVIII в. просветители Поволжья с целью привития интереса к православной религии инородцам искали наиболее эффективные методы и приемы для обучения населения на их родном языке. Такая же ситуация была и в Марийском крае. В XIX и XX вв. ученые-методисты и учителя практики

также продолжали активную работу над совершенствованием методики обучения марийскому языку.

Для большинства учителей марийского языка одним из главных показателей является знание обучающимися грамматики и владение устной и письменной речью. Поэтому на уроках активная работа ведется по изучению грамматики, при этом обучающиеся в той или иной степени владеют разговорным языком.

Практика последних лет позволяет констатировать и тот факт, что у подрастающего поколения падает интерес к изучению родного марийского языка. Это, в свою очередь, приводит к уменьшению количества обучающихся, владеющих родным языком. Данной ситуации, безусловно, есть объяснение: процесс ассимиляции, происходящий в целом в стране, разрушающе влияет на развитие родных языков в социуме, все это приводит к тому, что языком повседневного, бытового общения, а также межкультурной коммуникации становится только русский — государственный язык Российской Федерации. Но, несмотря на такое положение дел, не теряет актуальности проблема сохранения родных языков, в том числе и марийского.

В обучении марийскому языку обучающихся общеобразовательных организаций в контексте требований Федерального государственного образовательного стандарта общего образования (далее — ФГОС ОО) используются системно-деятельностный и коммуникативно-деятельностный подходы. Эффективность данных подходов зависит от того, насколько будет интересно содержание обучения марийскому языку. Мы понимаем, что только грамматический подход не вызывает мотивации к изучению языка. Практика обучения марийскому языку позволяет констатировать тот факт, что обучающиеся с интересом изучают предмет тогда, когда содержание наполнено культурологическим материалом. Обучающиеся проявляют живой интерес к традиционной народной культуре, а также и к современной. Такая ситуация все более убеждает, что при реализации интегрированного обучения марийскому языку необходимо использовать культурологический подход.

Цель исследования — теоретически обосновать и практически проверить влияние культурологического подхода на эффективность организации интегрированного обучения марийскому языку и культуре. В контексте проблемы исследования основными методами являются теоретический (анализ научной литературы о культурологическом подходе в организации обучения языкам) и педагогический эксперимент. Для достижения цели исследования использованы теоретические и эмпирические методы исследования [1].

Результаты и обсуждение

Язык народа является составляющей его культуры. А что такое культура? Есть от четырехсот до тысячи двухсот определений культуры. В «Педагогическом энциклопедическом словаре» дается следующее определение: «Культура —

исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создании ими материальных и духовных ценностей» [2. С. 130]. М.О. Гузикова рассматривает нормативный и антропологический подходы к раскрытию содержания культуры. Нормативный подход включает нормы поведения и общения. Нормы усваиваются в ходе практического взаимодействия людей в обществе [3. С. 17]. При антропологическом подходе культура рассматривается как совокупность ценностей, норм и систем, символов того или иного общества. Они все отражаются в мышлении, представлениях людей и особенностях поведения [3. С. 18].

В XX в. говорили об эволюционистской и релятивистской подходах в изучении культуры. Согласно эволюционистскому подходу, культура одного народа отличается от другого степенью развития. Но культура каждого народа является уникальной, о чем говорят представители релятивистского подхода.

Уникальность культуры марийского народа является еще одним основанием использования культурологического подхода при организации интегрированного обучения марийскому языку и культуре.

Термин «подход к обучению» начали использовать в середине XX в. Автором, который впервые ввел этот термин, является А. Энтони, английский ученый-методист. Подход к обучению методистами рассматривается как базовая категория. Каждый подход строится на принципах и помогает определиться с содержанием обучения тому или иному языку. А для достижения результативности обучения учителя выбирают методы и приемы, отвечающие требованиям подхода к обучению. Вопросы использования того или иного подхода в обучении рассматривали многие методисты. Так, М.В. Ляховицкий говорит о бихевиористском, индуктивно-сознательном, когнитивном, интегрированном подходах. А.Н. Щукин является сторонником прямого, сознательного и деятельностного подходов. В.А. Малахова, Г.А. Овсянникова рассматривают личностно-деятельностный подход. О проектном подходе в своих работах говорит Е.С. Полат.

Одним из актуальных подходов современной методики обучения языку является культурологический. Этому, безусловно, есть объяснение. Мы живем в поликультурном пространстве. Интерес к языку можно привить, только опираясь на культуру народа, язык которого является предметом изучения обучающихся. Но одни ученые рассматривают данный подход как лингвострановедческий (Е.М. Верещагин, Р.К. Миньяр-Белоручев и др.), другие — как социокультурный (Е.М. Верещагин, П.В. Сысоев и др.), третьи — как лингвокультурологический (И.И. Халеева, М.А. Суворова и др.). Культура того или иного народа, а в нашем случае культура народа мари, помогает составителям учебных программ определить содержание обучения наряду с языковым материалом.

У истоков появления культурологического подхода стоит принцип культуросообразности, разработанный философами в эпоху Просвещения. Так,

Дж. Локк связывал уровень воспитанности человека с культурным развитием общества, хотя сам не использовал пока термин «культуросообразность». Он подчеркивал, что каждый джентльмен должен обладать такими качествами, как благоразумие и благовоспитанность [4].

К.А. Гельвеций был убежденным сторонником «всемогущественности» воспитания. Он говорил, что уровень воспитанности должен соответствовать лучшим образцам человеческой культуры [5].

А. Дистерверг утверждал, что обучение и воспитание должно осуществляться в контексте таких принципов, как природосообразность, культуросообразность, самодеятельность. Философ считал, что при организации воспитательного процесса необходимо учитывать место и время, где родился и живет человек. По мнению мыслителя, воспитание должно осуществляться в контексте принципа культуросообразности [6].

В последующем идеи культуросообразного образования и воспитания рассматривали такие отечественные педагоги-мыслители, как П.П. Блонский, Л.И. Божович, В.В. Давыдов, В.А. Сухомлинский, П.Ф. Каптерев, С.Т. Шацкий, Д.Б. Эльконин и др. Культурологический подход большинством из них был признан как один из принципов гуманистической педагогики. Процесс образования рассматривался ими с позиции культурологического подхода, т. е. сквозь призму понятия культуры и культурного процесса, который осуществляется в культуросообразной образовательной среде.

С точки зрения Е.В. Бондаревской, культурологический подход представлен культурологической концепцией личностно-ориентированного образования. При использовании данного подхода необходимо выстраивать отношение к обучающемуся как к субъекту жизни, который саморазвивается под влиянием культуры. Образование в целом приобретает характер культурного процесса, а сама образовательная организация — модель культурно-образовательного пространства. В ходе учебного процесса педагог выступает посредником между ребенком и культурой, который знакомит обучающихся с языком как культурным достоянием того или иного народа (см. об этом [7]).

Систему образования Республики Марий Эл можно рассматривать как культурно-образовательное пространство. Обучение осуществляется на русском языке, но в числе учебных предметов в учебном плане представлен марийский язык. В сельских общеобразовательных организациях его изучают как родной, а в поселковых и городских — как государственный. В последнее время активно реализуется модель интегрированного обучения марийскому языку и культуре, который базируется на культурологическом подходе. С 1-го по 11-й классы содержание обучения марийскому языку как государственному интегрировано с содержанием предмета «История и культура народов Марий Эл» [8]. Уникальность этой программы заключается в том, что в ней представлен культурологический материал не только народа мари, но и других народов,

проживающих в Республике Марий Эл. Рассмотрим пример интеграции некоторых тем.

Тема по марийскому языку: «Кевытыште. Вургем» («В магазине. Одежда»). Обучающиеся знакомятся с народным искусством мари, русских, удмуртов. Изучают украшения, орнамент, цветовую гамму традиционной марийской вышивки. Сравнивают с русскими узорами на полотенцах, а также с костюмом удмуртов. Изучают особенности национальной обуви [8].

Тема по марийскому языку: «Теле. У ий пайрем. Шорыкйол» («Зима, Новогодний праздник. Праздник ряженных»). При изучении данной темы дети знакомятся с особенностями празднования Нового года, приготовления национальных блюд, с организацией и проведением праздника «Шорыкйол» («Святки»).

Разговорная тема по марийскому языку «Шошо толеш» («Весна идет») при интеграции включает тему о весеннем празднике народа мари «Агавай-рем» («Праздник сохи»), чувашском празднике земледелия «Акатуй», удмуртском празднике «Акаяшка» [8].

Интеграция содержания двух учебных предметов — это и необходимость, и веление времени. Учитель, раскрывая такие темы, становится посредником, передающим обучающимся информацию о культурном достоянии народов, проживающих в республике. Говоря словами Е.В. Бондаревской, интегрированное обучение в школе превращается в «культурный процесс».

С целью выявления педагогического потенциала интегрированного обучения марийскому языку и культуре мы провели диагностическое исследование среди учителей, преподающих данный предмет (14 человек). Обработка результатов анкеты показала, что все респонденты (100 %) положительно относятся к интегрированному обучению с точки зрения развития познавательного интереса у обучающихся. 50 % опрошенных отмечают недостаток времени на уроке для более глубокого изучения грамматического материала. Все респонденты в качестве средства улучшения процесса обучения языку рекомендовали сохранить количество недельных часов для изучения этого предмета (2 часа).

Таким образом, ответы респондентов не всегда совпадают с желаемым, что обосновывает необходимость дальнейшего совершенствования методов и приемов, подходов к обучению марийскому языку.

Заключение

Методическая наука находится сегодня в постоянном поиске наиболее эффективных подходов к организации процесса обучения для качественного усвоения того или иного языка. Данный процесс достаточно непростой, но важный и интересный. Знакомство с новым языком — это знакомство с культурой народа. Каждый народ и его язык являются уникальными. Новые слова и

выражения изучаемого языка становятся элементами для сравнения с родным языком. Изучаемый язык в общеобразовательной организации — это средство приобщения к культуре народов, проживающих на той или иной территории.

Список литературы

1. Константинова В.В. Методика обучения марийскому языку: становление и современное состояние // *Современные проблемы науки и образования*. 2024. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33528> (дата обращения: 05.10.2024). <https://doi.org/10.17513/spno.33528> EDN: ZWQGFX
2. Педагогический энциклопедический словарь / Э.Б. Абдуллин и др. Москва : Большая Рос. энциклопедия: Дрофа, 2003. 527 с. EDN: QSZTJR
3. Гузикова М.О., Фофанова П.Ю. Основы теории межкультурной коммуникации: учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 124 с. EDN: UWNSUV
4. Локк Д. Сочинения: в 3 томах. Том 3 / пер. с англ. и лат.; АН СССР, Ин-т философии; ред. и сост. и автор прим. А.Л. Субботин. Москва : Мысль, 1988. 673 с.
5. Гельвеций К.А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании / пер. с фр.; АН СССР, Ин-т философии. Москва : Соцэкгиз, 1938. 486 с.
6. Дистервег Ф.А.В. Избранные педагогические сочинения / сост. В. А. Ротенберг. Москва : Учпедгиз, 1956. 378 с.
7. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания / под общ. ред. Е.В. Бондаревской. Москва–Ростов-н/Д : Творческий центр «Учитель», 1999. 560 с
8. Примерные программы реализации языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся : учеб.-метод. пособие для 1–3, 6–10 классов / авт.-сост. В.В. Константинова, В.Л. Ларионов, С.К. Свечников. Йошкар-Ола : ГБУ ДПО Республики Марий Эл «Марийский институт образования», 2016. 192 с.

References

1. Konstantinova, V.V. 2024. “Methods of teaching the Mari language: formation and current state.” *Modern problems of science and education*, no. 3. (In Russ.). 5 Oct. 2024, <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33528> (accessed: 05.10.2024). <https://doi.org/10.17513/spno.33528> EDN: ZWQGFX
2. *Pedagogical encyclopedic dictionary*. 2003. Moscow: The Great Russian Encyclopedia: Bustard. EDN: QSZTJR Print. (In Russ.)
3. Guzikova, M.O., and P.Yu. Fofanova. 2015. *Fundamentals of the theory of intercultural communication*. Yekaterinburg: Ural University. EDN: UWNSUV Print. (In Russ.).
4. Locke, D. 1988. *Essays in three volumes*, vol. 3. Moscow: Mysl’ publ. Print. (In Russ.).
5. Helvetius, K.A. 1938. *About a man, his mental abilities and his upbringing*. Moscow. Print. (In Russ.).
6. Disterveg, F.A.V. 1956. *Selected pedagogical writings*. Moscow: Educational and pedagogical publishing House. Print. (In Russ.).
7. Bondarevskaya, E.V., and S.V. Kulnevich. 1999. *Pedagogy: personality in humanistic theories and educational systems*. Moscow–Rostov-on-Don: Teacher Creative Center. Print. (In Russ.).
8. *Sample programs for the implementation of language rights and ethno-cultural needs of students: a teaching aid for grades 1–3, 6–10*. 2016. Yoshkar-Ola: Mari Institute of Education. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Константинова Валентина Васильевна — доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики начального и общего образования, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424002, Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1. ORCID: 0009-0009-0990-187X. eLibrary SPIN-код: 1372-0880. AuthorID: 350034. ScopusID: 56610069500. E-mail: mar.pedago9g@gmail.com

Bio note:

Valentina V. Konstantinova is an Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy of Primary and General Education, Mari State University, 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424002, Russian Federation. ORCID: 0009-0009-0990-187X. eLibrary SPIN-code: 1372-0880. AuthorID: 350034. ScopusID: 56610069500. E-mail: mar.pedago9g@gmail.com

ПЕРСОНАЛИИ

PERSONALITIES

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-198-200

EDN: KYCOGH

Мысль и Действие: юбилей Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой

Thought and Action: Eleonora Dusenovna Suleimenova's Anniversary

Научно-педагогическая и общественная деятельность профессора Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой уже 55 лет (с 1970 г.) связана с КазНУ имени аль-Фараби.

Э.Д. Сулейменова — крупный лингвист-теоретик, один из признанных отечественных лингвистов, автор множества созданных под её руководством фундаментальных словарей, справочников, учебников казахского и русского языков, монографий по актуальным проблемам общего языкознания и социолингвистики. Ее научные труды по общему, контрастивному языкознанию, социолингвистике и лексикографии широко известны в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Глубокие лингвистические знания, высокая компетентность, инициативность, наличие сильного внутреннего импульса развития, стойкость убеждений и неудовлетворенность достигнутым Э.Д. Сулейменовой сплотила вокруг нее научную школу. Поражает не только диапазон научно-педагогической деятель-

ности проф. Э.Д. Сулейменовой, но и масштаб вовлеченных в школу молодых ученых, сформировавших авторитетную Сулейменовскую научную школу. Ею подготовлено 19 докторов филологических наук, 40 кандидатов филологических наук, а также 9 докторов философии PhD (в их числе гражданин США — W.P. Rivers с его работой ‘Factors Influencing Attitudes and aviors towards Language Use among Kazakhstani University-Level Students’, 2003), защитивших диссертации в Москве, Вашингтоне, Алматы, Астане.

Вклад Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой в исследование актуальных проблем фундаментальных и прикладных направлений лингвистики и развитие научной мысли Казахстана отмечен правительственными наградами, почетными грамотами, государственными научными стипендиями, грантами.

Профессор Э.Д. Сулейменова — автор более 500 работ, опубликованных в научных изданиях разных стран мира на казахском, русском, японском, турецком, китайском и английском языках, в их числе 7 монографий, 13 коллективных монографий (две из них «The Handook of Business Discourse» и «Russian as a Transnational Language: Resonance, Remembrance, Renewal» входят в базу Scopus), 8 словарей (среди них широко известный «Социолингвистический словарь», выдержавший несколько переизданий с 2006 по 2024 г.) и справочников, 7 учебных комплексов и 11 мультимедийных модулей по казахскому языку, 5 учебных комплексов МОН РК по русскому языку, 8 учебных пособий для университетов.

Проф. Э.Д. Сулейменова с большой отдачей и ответственностью работает в многочисленных профессиональных организациях: председатель УМС Министерства науки и образования Казахстана по русскому языку и литературе (1994–1998); президент «КАЗПРЯЛ» (с 1998, ныне почетный президент), член Президиума «МАПРЯЛ» (с 1999 г.); вице-президент МАПРЯЛ (2014–2019); член Международного комитета славистов (2003); эксперт INTAS (1996–2001); член Общественного Совета Базовой организации по языкам и культуре государств-участников СНГ (2000–2010); член научно-координационного совета по языкознанию при Институте языкознания НАН РК (2001–2004); член Ученого совета ИНТАС / The INTAS Council of Scientists (2003–2006) и др.

Участвуя в совещаниях, заседаниях и конференциях Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества, Постоянной Комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту, Базовой организации по языкам и культуре государств-участников СНГ, являясь членом Рабочей группы по разработке проекта Модельного закона «О языках в СНГ», Э.Д. Сулейменова выступает с докладами и предложениями по языковой политике и гармонизации национальных законодательств, состоянию и перспективам формирования единого постсоветского образовательного пространства, по созданию общих образовательных стандартов в условиях реформирования системы образования в государствах — членах ЕврАзЭС, анализирует различные виды мотивации изучения языков.

Элеонора Дюсеновна — главный редактор «Бюллетеня КАЗПРЯЛ» (2000–2015); член международных и республиканских редакционных советов: «Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая»; «Русский язык за рубежом» (Россия, Москва); «Cuadernos de Rusística Española» (Гранада, Испания); «Филологические науки. Доклады высшей школы» (Москва); «Russian Language Journal» (Вашингтон, США); эксперт «Central Eurasian Studies World Wide» (Harvard University, с 2009 г.); член Рабочей группы МОН РК и НЭС АНК по разработке концепции и созданию Национального корпуса казахского языка (с 2013 г.); член Научно-экспертного совета АНК РК (с 2011 г.) и др.

В 2018–2019 гг. Элеонора Дюсеновна стала приглашенным профессором кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). С 2018 г. вошла в состав редколлегии журнала «Полилингвистичность и транскультурные практики» (ИРЯ РУДН), где выступает координационным экспертом и независимым рецензентом. С 2024 г. является членом редколлегии журнала «Русский тест» (ИРЯ РУДН).

С 2015 года Элеонора Дюсеновна открывает работу Международной научно-практической конференции «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование».

Элеонора Дюсеновна — Человек и Ученый большого масштаба. Ее деятельностный подход к науке снискал ей мировую известность, которая обусловлена ее скрупулезностью, ответственным подходом к делу жизни, искренней вовлеченностью в процесс познания. Ее личностные качества — принципиальность, умение вести за собой, предельная сконцентрированность на важном, эмпатия — сформировали широкий круг преданных учеников и последователей. Бесконечное уважение коллег — закономерное следствие высочайшего профессионализма Элеоноры Дюсеновны, которого она достигла путем вдумчивых и долгих изысканий. Это Человек, проложивший путь многим поколениям молодых исследователей. Как писал Н. Рерих, «есть люди — как опоры моста... без них нет дороги». Мы от чистого сердца поздравляем Элеонору Дюсеновну с двумя эпохальными датами и желаем ей долголетия, неиссякаемых жизненных сил, новых открытий и планомерного движения вперед, к еще не познанным пространствам смыслов.

От коллектива кафедры русского языка и межкультурной коммуникации и по поручению Ученого совета Института русского языка Российского университета дружбы народов

В.П. Синячкин и Редколлегия ПТП

АКТУАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

CURRENT LITERATURE

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-201-210

EDN: KZTHAS

ФИННО-УГОРСКИЙ НАРОД МАРИ: ЯЗЫК, ТРАДИЦИОННАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Новые книжные издания

THE FINNO-UGRIC MARI PEOPLE: LANGUAGE, TRADITIONAL AND ARTISTIC CULTURE

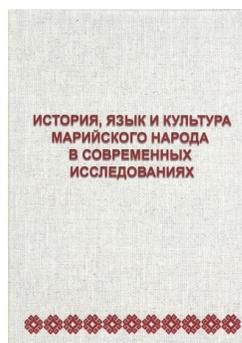
New Book Editions

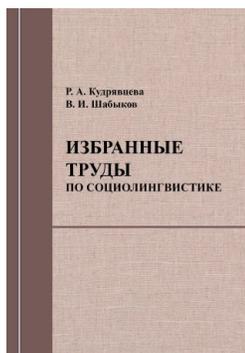
История, язык и культура марийского народа в современных исследованиях : библиограф. указатель науч. трудов (2019–2023 гг.) / МарНИИЯЛИ; сост. А.В. Акилбаев, Г.И. Байкова, М.Э. Иманова и др.; библиогр. ред. Г.И. Байкова. Йошкар-Ола, 2024. 272 с. ISBN 978-5-94950-129-0. URL: <https://marii.ru/publikatsii/istoriya/istoriya-yazyk-i-kultura-mariyskogo-naroda-v-sovremennykh-issledovaniyakh-bibliograficheskiy-ukazate/>

Библиографический указатель научных трудов составлен в преддверии VII Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Современное финно-угроведение: наука — общество — культура» и посвящен 30-летию I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Указатель включает библиографические сведения о монографиях, сборниках статей, очерков, материалах научных конференций, словарях, а также научных публикациях в журналах и сборниках на русском, марийском и иностранном языках об истории, языке и культуре марийского народа, опубликованных с 2019 по 2023 г. Издание адресовано научным работникам, преподавателям высшей школы, краеведам, библиографам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется вопросами развития марийского языкознания и литературоведения, фольклористики, истории, культурологии, этнологии и социологии марийского этноса.

Абукаева Л.А. Концептосфера марийской этнической религии : монография / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2024. 364 с. ISBN 9785949501313

Монография представляет базовые религиозные концепты марийской этнической религии. На основе комплексного анализа текстов марийских молитв, различных жанров марийского фольклора, обрядов раскрываются особенности концептов юмо ‘бог’, ото / кўсото ‘священная / молитвенная роща’, онапу ‘священное / моленное дерево’, кумалтыш ‘моление’, перке ‘обилие, изобилие, удача, успех, благо, благополучие’, шулык ‘здоровье / жизненная сила / благополучие / счастье’, серлагыш ‘защита / милость’.

Кудрявцева Р. А., Шабукое В. И. Избранные труды по социолингвистике / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2024. 261 с. ISBN 978-5-907799-04-2

Данное издание включает в себя избранные статьи авторов (2002–2024), опубликованные в российских и региональных научных журналах и научных сборниках, посвященные аналитическому исследованию различных аспектов языковой ситуации и языковой политики в Республике Марий Эл на основе данных социологических опросов конца XX — первых десятилетий XXI века. Особое внимание уделено статьям, в которых рассматриваются место марийского языка в обществе и проблемы его vitality. Статьи представлены в книге в порядке их издания.

Кузнецова М.Н. Марийский язык в зеркале современности : монография. Йошкар-Ола, 2024. 150 с.

В монографии рассматриваются актуальные проблемы развития марийского языка и его научного исследования. Поднимаются вопросы о разработке и путях обогащения марийского лексического фонда для функционирования марийского языка во всех областях общественной жизни. Анализируются достижения марийской лингвистической науки начала XXI века. Приводятся работы обобщающего характера о положении марийского языка и перспективах его развития.

Марийский роман: история и поэтика : коллект. монография / Т.Н. Беляева, Р.А. Кудрявцева, Г.Е. Шкалина и др.; Мар. гос. ун-т; сост. Т.Н. Беляева. Йошкар-Ола, 2023. 154 с. ISBN 978-5-6049255-3-9

Данная коллективная монография, подготовленная в рамках реализации грантового проекта РНФ (2022–2023 гг.), впервые в региональной литературной науке представляет историю формирования, становления и развития жанра романа в марийской художественной словесности, ставит целью выявить некоторые закономерности его развития с актуализацией проблем динамики жанрового содержания, поэтики и этнопоэтики. Конкретная научная проблематика монографии отражает реальное развитие марийского романа: художественную картину мира (тематику, проблематику, идейный мир), поэтику и типологию характеров персонажей, внутрижанровую типологию, фольклорно-этнографическую основу марийского романа и его фольклорный интертекст и др.

Петров О.М., Иванов А.А. Периодическая печать Марийской автономной области в 1920-е годы : монография / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2024. 288 с.

В монографии, основанной на архивных и опубликованных источниках, рассматривается история периодической печати Марийской автономной области в 20-е годы XX века. В исследовании анализируются процесс зарождения печати на территории Марийского края, появление первых газет и журналов, становление полиграфической промышленности. Особое внимание уделено людям, внесшим весомый вклад в развитие марийской журналистики, среди них В.М. Васильев, С.Г. Чавайн, Н.В. Игнатъев, А.К. Эшкинин и др.

Краснова Н. М., Эрцикова Г. А., Янцукова Т. В. Произносительная норма современного горномарийского языка : коллект. монография / Мар. гос. ун-т; под общ. ред. Н. М. Красновой. Йошкар-Ола, 2022. 132 с. ISBN 978-5-6046088-9-0

Данная коллективная монография представляет анализ и описание произносительной нормы современного горномарийского языка. Произносительная норма рассмотрена как признак литературного языка на уровне гласных и согласных фонем, ударения. Охарактеризованы актуальные для современного горномарийского языка звуковые законы и фонетические процессы, проанализированы отклонения от нормы.

Никитина Т.Б., Никитин В.В., Ефремова Д.Ю. Предмет, Образ, Символ : к истокам марийской культуры / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, Нац. музей РМЭ им. Т. Евсеева. Йошкар-Ола : Принтекс, 2024. 206 с. ISBN 978-5-6051382-1-1

В настоящее издание включены предметы древнего искусства, связанные с населением, проживавшим на территории Марийского края с эпохи каменного века до эпохи Средневековья. Основное внимание уделено культуре марийского народа на ранних этапах истории его формирования и оформления этнического облика.

Герасимов О.М. Музыкальный фольклор мари : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2023. 188 с. ISBN 978-5-907622-24-1

В монографии изложены взгляды автора на вопросы музыкальных традиций народа мари и их функционирования, проблемы сохранения и возрождения их в современных условиях, а также перспективы развития и усиления их роли в жизни современного поколения. Издание может быть рекомендовано в качестве вспомогательного материала для преподавателей соответствующих дисциплин учебных заведений и факультетов культуры и искусства, учителей музыки и истории культуры марийского народа общеобразовательных школ, а также для широкого круга интересующихся музыкальным творчеством и традициями народа мари.

Кудрявцев В.Г., Павлова А.Н. Искусство марийской вышивки. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2023. 256 с. ISBN 978-5-7590-1368-6

Книга содержит материал об истоках орнаментального творчества марийского народа, раскрывает его символику, знакомит с искусством традиционной вышивки, техникой исполнения и цветовой гаммой. В ней рассматриваются образы вышивки в деятельности народных мастеров, районных домов ремёсел и студий декоративно-прикладного творчества, а также в творчестве профессиональных художников и дизайнеров как преемственность традиций народного искусства.

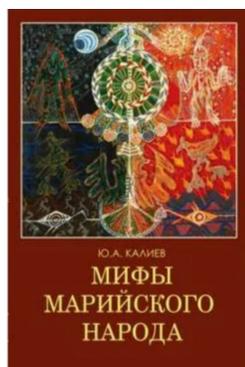
Русско-марийский словарь : в 2-х томах / авт.-сост. Е. М. Андрианова и др. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, 2019. ISBN 978-5-904657-16-1. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=957361>

Абукаева Л.А. Марийские гостевые песни в контексте традиций гостеприимства : монография. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2023. 191 с. ISBN 978-5-7590-1358-7

Монография представляет марийские традиции, обычаи, типовые ситуации приёма гостей, нашедшие отражение в гостевых песнях. В работе описаны функции песен, с учётом контекста исполнения выделены жанровые разновидности марийских гостевых песен, осуществлён анализ ключевых концептов, связанных с традициями гостеприимства. Книга адресуется всем, кто интересуется устным народным творчеством, в частности песенным фольклором.

Калиев Ю.А. Мифы марийского народа. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2019. 447 с. ISBN 978-5-7590-1234-4

Книга является научно-популярным изданием и адресована широкому кругу читателей, интересующихся устным творчеством народа мари. Автор в доступной форме излагает своё научное видение мифа как культурного феномена, так и особой формы исторической сферы сознания мари. В книге представлен богатый материал: воссозданы особенности мировоззрения предков марийцев, расшифрованы имена и понятия космогонии и верований, описаны обряды, обоснована мифологическая символика фольклорных образов и персонажей. Читатель может вслед за автором книги попробовать свои силы в постижении глубинного смысла народных преданий, праздников и обрядов.

Михайлов В.Т. Марийская национальная учебная книга : история, теория, практика : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2020. 355 с. ISBN 978-5-907280-08-3

В монографии на основе широкой исторической базы освещается процесс становления и развития марийской национальной учебной книги с 1775 года, с издания первой марийской грамматики по сегодняшний день. В книге отражается многовековой опыт народа, его история, уклад жизни, традиции, богатство национальной культуры, социальные нормы поведения, духовные ценности. Исследование данной книги позволило изучать структурные компоненты национальной культуры: эволюцию национальной системы образования в российском государстве, возникновение письменности, становление и развитие национальной школы, национального литературного языка, процесс формирования этнического и общероссийского самосознания.

Иванова И.Г., Хабибуллина Ф.Я., Егошина Р.А. Сравнительно-сопоставительный анализ фонетических систем разноструктурных языков : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2021. 175 с. ISBN 978-5-907280-67-0

Настоящая монография представляет собой сравнительно-сопоставительное исследование фонетических систем разноструктурных языков на сегментном и супraseгментном уровне.

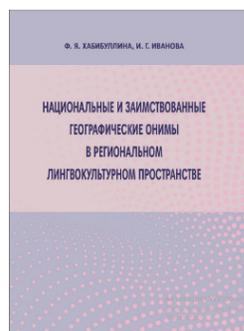
Молотова Т. Л. Марийский костюм / Респ. науч.-метод. центр нар. творчества и культурно-досуговой деятельности, Нац. Музей РМЭ им. Т. Евтеева. Йошкар-Ола, 2020. 383 с. ISBN 978-5-6045208-0-2

Альбом знакомит с традиционными и современными комплексами марийского костюма всех этнографических групп народа. Рассматриваются составные части костюмных комплексов локально-территориальных групп этноса. В альбоме использованы коллекции Национального музея Республики Марий Эл. им. Т. Евтеева, а также изделия народных мастеров, домов ремесел, творческих объединений, экспедиционные этнографические материалы автора.

Хабидуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Национальные и заимствованные географические онимы в региональном лингвокультурном пространстве : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2022. 180 с. ISBN 978-5-907466-86-9.

Настоящее издание является монографическим исследованием, посвящённым одному из важных вопросов современной лингвистики — региональным географическим онимам. В монографии рассматриваются состояние, основные направления, подходы и методы исследования топонимов, роль и функционирование национальных географических названий в региональной топонимической системе, их лексико-семантическая классификация. Особое место отводится заимствованным топонимам в региональном топонимическом пространстве Республики Марий Эл, топонимическому транспонированию на примере заимствований тюркотатарской этимологии в контактных топонимических зонах.

Шабьков В.И. Религиозное сознание населения Республики Марий Эл на современном этапе : монография / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, 2021. 161 с. ISBN 978-5-94950-115-3

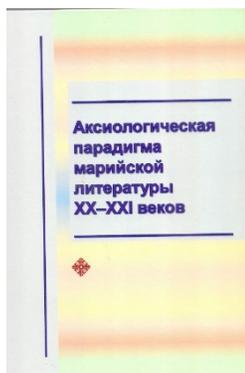
В монографии на основе материалов исследований 1994–2020 годов в социологическом ракурсе проанализирована религиозная ситуация в Республике Марий Эл на современном этапе, изучены актуальные проблемы религиозного сознания населения республики (уровень, качество и динамика религиозности, религия и самоидентификация человека, религия и школа, религия и здоровье и др.), рассмотрены конфессиональная структура религиозного сознания и религиозность в контексте межконфессиональных и межэтнических отношений. Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся вопросами социологии религии.

Кузнецова М.Н. Йойки, сюдбабцы, ярабцы... Венгерские финно-угроведы о фольклоре и эпосах уральских народов / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2020. 173 с. ISBN 978-5-907280-35-9

Данное научно-популярное издание знакомит читателей с деятельностью венгерских финно-угроведов в области исследования фольклора уральских народов, с их научными трудами, посвященными разработке общих проблем и изучению особенностей поэтического фольклора, народных и героических песен, эпосов финно-угорских народов Российской Федерации; воспроизводит специфику их осмысления венгерскими учёными.

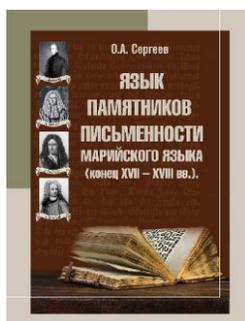
Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков : коллект. монография / Мар. гос. ун-т; Р.А. Кудрявцева, Т.Н. Беляева, Г.Е. Шкалина и др.; сост. и науч. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2019. 353 с. ISBN 978-5-907066-92-2

Данная коллективная монография, подготовленная в рамках проекта РФФИ (2018–2019 гг.), свидетельствует о формировании в региональной филологической науке нового научного направления междисциплинарного характера, связанного с изучением аксиологической парадигмы национальной литературы. В ней определены теоретико-методологические основы исследования ценностных аспектов марийской литературы в контексте аксиосферы культуры, выявлена система аксиологических смыслов в идейно-проблемном мире художественных текстов, а также на материале произведений разных эпох, видов и жанров показана связь концептуально-ценностных смыслов и поэтики марийской литературы (мотивно-образной системы, пространственно-временной структуры), выстроена современная модель восприятия ее аксиосферы (студенческий ракурс). Представленный в монографии материал может стать основой для дальнейших исследований по художественно-аксиологической проблематике в марийской, финно-угорской, урало-поволжской литературной науке.

Васенина О.Н., Константинова В.В. Коммуникативно-деятельностный подход в обучении марийскому языку как государственному : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2024. 183 с. ISBN 978-5-907799-02-8

Монография является результатом научного исследования, посвященного разработке научно обоснованной методической системы обучения марийскому языку как государственному. Основным методическим подходом системы обучения марийскому языку авторами определен коммуникативно-деятельностный как наиболее эффективный для развития умений и навыков обучающихся 5–9 классов во всех видах речевой деятельности — аудировании, говорении, чтении и письме. Данный подход соответствует требованиям личностно-ориентированной парадигмы образования и ФГОС ОО. Методическая система обучения марийскому языку как государственному на основе коммуникативно-деятельностного подхода экспериментально проверена и рекомендована к внедрению в общеобразовательные организации республики. Монография имеет теоретическую и практическую значимость и может быть востребована педагогами-практиками, преподающими марийский язык как государственный, учеными-методистами при разработке учебной литературы для общеобразовательных организаций, а также студентами, будущими учителями марийского языка.

Сергеев О.А. Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII–XVIII вв.) : монография / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, 2021. 422 с. ISBN 978-5-94950-106-1

Монография посвящена изучению языковых особенностей ранних памятников письменности марийского языка конца XVII — XVIII вв. Лингвистической интерпретации подвергнуты марийские лексические единицы, впервые зафиксированные в конце XVII в. — начале XVIII в., материалы участников Камчатских экспедиций, рукописные словари, молитвенные тексты, марийские стихотворения XVIII в., текст «речи черемисской» и первая марийская грамматика 1775 г.

Сибатрова С.С. Марийско-русские языковые контакты : морфология марийского языка : монография / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, 2021. 426 с. ISBN 978-5-94950-108-5.

В монографии представлены результаты исследования воздействия русского языка на марийские части речи, прежде всего на их лексический состав. Раскрыто место русских заимствований в частях речи, пополнение их лексического ряда за счет единиц, образованных на базе и при участии русизмов. Выявлены средства и элементы русского происхождения, участвующие в марийском формо- и словообразовании. Отмечены наиболее характерные изменения в синтаксическом функционировании слов некоторых именных частей речи.

Соколова Г.Л., Коляго А.Л. Стилистический синтаксис сложных предложений в марийском языке : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2021. 113 с. ISBN 978-5-6046088-1-4

Монография представляет собой описание стилистических возможностей разных типов сложных предложений марийского языка.

Ласточкина Е.Г. Омонимы в современном марийском языке : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2021. 256 с. ISBN 978-5-907466-25-8

В монографии представлены результаты исследования омонимов в современном марийском языке. Раскрыта история изучения данного вопроса, разграничение омонимов от полисемии, а также функционально-стилистическая роль омонимов в современной поэзии. Отмечено взаимодействие омонимов с другими уровнями языка, где, помимо классификации омонимов, рассматривается вопрос количественного анализа марийской омонимики. Выявлены пути возникновения омонимов в современном марийском языке. Монография предназначена лингвистам, преподавателям вузов, студентам и всем интересующимся вопросами марийской лексикологии.

Карпов И.П. Русскоязычная марийская литература : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2022. 180 с. ISBN 978-5-907466-48-7

В монографии рассматриваются проблемы русскоязычной марийской национальной литературы Республики Марий Эл. Особое внимание уделяется творчеству критика Владимира Мухина-Сави, рассказу «Девятый мученик» С. Чавайна, творчеству З. Катковой, А. Васинова, сопоставлению поэтических миров В. Колумба и А. Сычева. Методологической основой исследования является авторологическая концепция, разработанная автором.

Черемисы в источниках / сост., предисл., примеч А.Г. Бахтина. Том I : Сочинения иностранцев VI–XVIII вв. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2023. 331 с. ISBN 978-5-7590-1376-1

Сборник открывает публикацию источников о «черемисах» и «Черемисии» — о марийцах, Марийском крае, окружающих территориях и соседствующих народах. В первый том вошли документальные рассказы иностранцев о Среднем Поволжье и Приуралье, написанные в VI–XVIII вв. Книга предназначена исследователям, краеведам, преподавателям вузов и студентам, учителям и школьникам и будет полезна всем интересующимся историей, культурой и этнографией как марийского, так и других народов Среднего Поволжья и Приуралья.

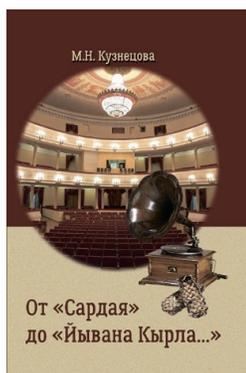
Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности : коллект. монография / Мар. гос. ун-т; Р.А. Кудрявцева, Н.Н. Старыгина, Н.И. Любимов и др.; сост. и науч. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2022. 181 с. ISBN 978-5-907466-77-7

Данная коллективная монография представляет особенности развития марийской национальной лирики на современном этапе. В ней рассмотрено многообразие художественных исканий авторов, показаны особенности миромоделирования в современной лирике, проанализирован творческий опыт ряда поэтов, выявлены особенности их поэтики.

Калашикова Л.В. Типологические разновидности марийского рассказа второй половины XX века (поэтика композиции) : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2022. 180 с. ISBN 978-5-907466-91-3

Данная монография впервые представляет внутрижанровую типологию марийского рассказа второй половины XX века с ориентацией на поэтику композиции в качестве типологического принципа. В ней в динамике и с учетом творческого опыта разных писателей рассмотрены уровни художественной организации рассказов, определены актуальные аспекты композиции жанра, определена специфика художественной структуры рассказов разных типов.

Кузнецова М.Н. От «Сардая» до «Йывана Кырла...»: обзоры премьерных спектаклей театра имени М. Шкетана. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2022. 318 с. ISBN 978-5-7590-1338-9

Издание знакомит читателей с историей создания и развития одного из старейших театров Республики Марий Эл — Марийского национального театра драмы имени М. Шкетана. В нём даются обзоры 56 премьерных спектаклей, поставленных на сцене театра разными режиссёрами и в разные годы. Спектакли оставили заметный след в истории театра, стали очередной ступенью в повышении актёрского мастерства, способствовали выходу марийского театра на международный уровень. Многие из премьерных спектаклей вошли в золотой фонд театра.

Шабьков В.И., Кудрявцева Р.А. Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве (на материале Республики Марий Эл) : монография / МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева, Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2020. 183 с. ISBN 978-5-94950-092-7

В монографии на основе материалов социологического исследования 2018 года (проект РФФИ) изучены актуальные проблемы гражданской и этнической идентификации современной молодежи Республики Марий Эл в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве.

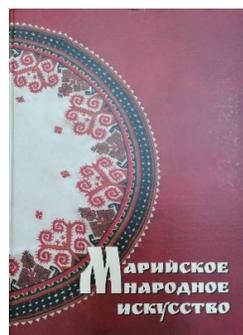
Шкалина Г.Е. Священный мир марийский: монография. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2019. 303 с. ISBN 978-5-7590-1210-8

Издание подготовлено на базе авторского исследования марийской духовной традиции. В нём раскрывается проблема священного в традиционном миропредставлении мари, что составляет ядро его ментальности. Автор анализирует основные космогонические мифы финно-угорских народов, переосмысливает существующий марийский нарратив о Юмынӱдыр и других мифологических персонажах.

Кудрявцев В.Г. Марийское народное искусство / Мин-во культуры, печати и по делам национальностей РМЭ, Республ. науч.-метод. центр народного творчества и культурно-досуговой деятельности. Йошкар-Ола : Типография «Перфектум», 2019. 256 с. ISBN 978-5-6043120-1-8

Книга-альбом знакомит с марийским народным и декоративно-прикладным искусством. Его основу составили коллекции Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева, также произведения мастеров народного творчества и художников декоративно-прикладного искусства. Раскрываются истоки, художественно-эстетическое, культурно-историческое значение и многообразие традиционного и современного искусства.

Гусева Н.В. Поэтика марийского рассказа о Великой Отечественной войне : монография / Мар. ин-т образования. Йошкар-Ола, 2019. 148 с. ISBN 978-5-4325-0162-2

Данная монография посвящена исследованию марийского рассказа о Великой Отечественной войне. В ней определены факторы и закономерности развития поэтики «военного» рассказа; выявлены особенности его художественной структуры на разных этапах развития на уровне жанрового содержания (проблематики и пафоса) и жанровой структуры (мотивного комплекса, сюжета, типологии характеров, композиционных приемов, повествовательных форм и т. д.); выстроена его типология с учетом взаимодействия его поэтики с другими жанровыми формами малой прозы о Великой Отечественной войне.

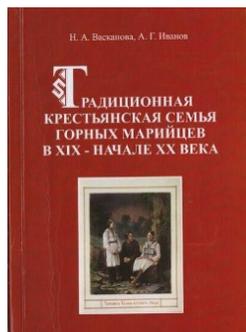

Марийско-русский фразеологический словарь : в 2 томах / авт.-сост. Е. М. Андрианова, Л.И. Барцева, Ф.Т. Грачева и др.; науч. ред. Л.И. Барцева, Н.М. Краснова, Г. А. Эрцикова и др. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2020. ISBN 978-5-498-00726-7.

Т. 1. URL: https://vk.com/doc8588564_593213955

Т. 2. URL: https://vk.com/doc8588564_593179381

Васканова Н.А., Иванов А.Г. Традиционная семья горных марийцев в XIX — начале XX века : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. 252 с. ISBN 978-5-907066-62-5.

В монографии, основанной на обширных архивных и документальных материалах, впервые в целостном виде рассмотрена эволюция традиционной семьи горных марийцев в XIX — начале XX века. Выявлены региональные особенности развития крестьянской семьи как основной хозяйственной, производительной, демографической, этнокультурной ячейки горномарийского социума. Представлен комплексный анализ динамики демографических процессов, эволюции семейно-брачных отношений, состава и структуры крестьянской семьи. Издание предназначено для специалистов-историков, преподавателей, студентов, аспирантов, краеведов и всех интересующихся историей и культурой народов Марий Эл.

*Обзор новых книжных изданий подготовила
доктор филологических наук, профессор
Р.А. Кудрявцева*